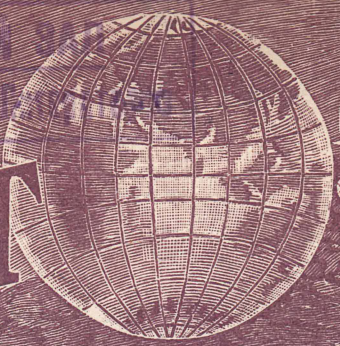

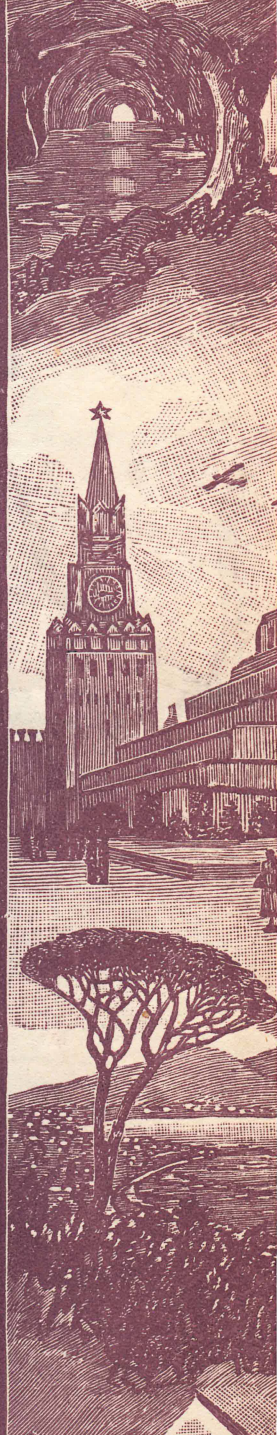
1955

СВЕТА

ВОКРУГ

№ 3
МАРТ

Южный Иран. Кочевник-кашкаец с верблюдами. (См. «Кашкайцы»)

1955

ВОКРУГ СВЕТА

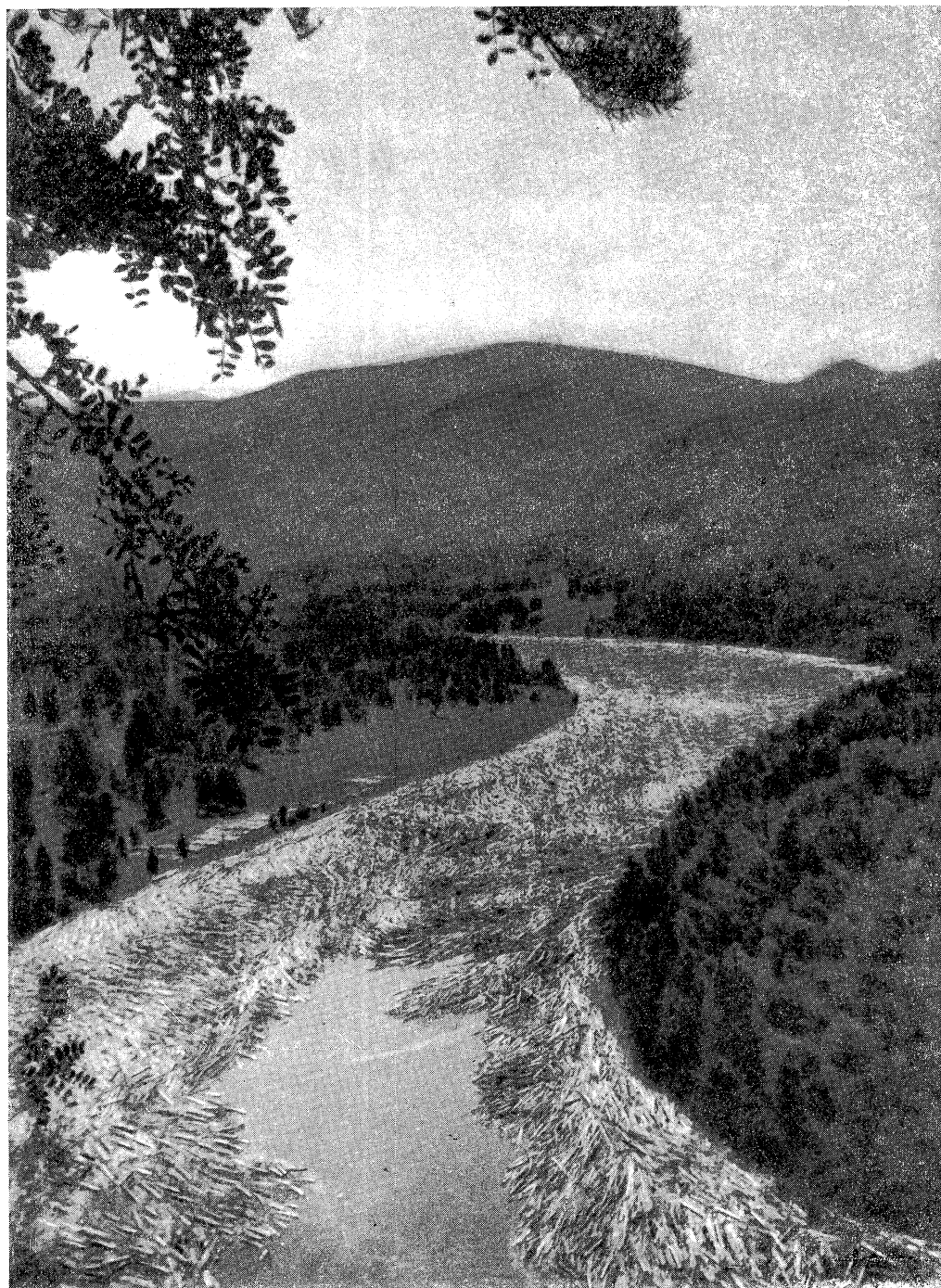
№ 3

МАРТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО - ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

Журнал основан в 1861 году

Выше Красноярска в Енисей впадает горная река Мана. В каждую навигацию по ней сплавляются сотни тысяч кубометров леса.

Щедрый край

Е. РЯБЧИКОВ

Фото Е. Рябинова и С. Малибичного

«Земли на востоке страны богаты. Надо пойти и дальше Алтая на восток. Какие земли в Красноярском крае!»

Н. С. Хрущев

СТАРОЕ И НОВОЕ

Разбитый долгой ездой по колдобинам сибирской дороги старенький пыльный тарантас мед-

ленно поднимался на горный перевал. Обтянутые железом колеса побывали уже на Урале, катились по степным просторам Барабы, вздымали пыль за Ирбитом, падали в грязные выбоины и рытвины под Омском, гремели на мостовых Томска. Дожди и ветры оставили глубокие следы на обшивке тарантаса и кожаном верхе, свидетельствуя о мучительно слож-

ной дороге. Усталые кони, тяжело дыша и фыркая после крутого подъема, остановились отдохнуть. Из тарантаса вышел Чехов и торопливо зашагал к обрыву, с которого открывался вид на горы. Синие, густотемные, даже красные, широким полукольцом охватили они зеленую красноярскую долину, прорезанную голубой лентой Енисея.

Стоял конец мая, пригревало солнце, и тайга, умытая весенними дождями, источала душевные ароматы, разливала песни птиц и ручьев, ласкала глаз то пыльным цветением лесных лилий, то чернотой замшелых елей, то нежной зеленью лиственниц, веселыми кудрями берез. Писатель с восторгом смотрел на царственные кряжи, на шумную, полную гомона тайгу, на широкий, бурно и смело бежавший внизу Енисей.

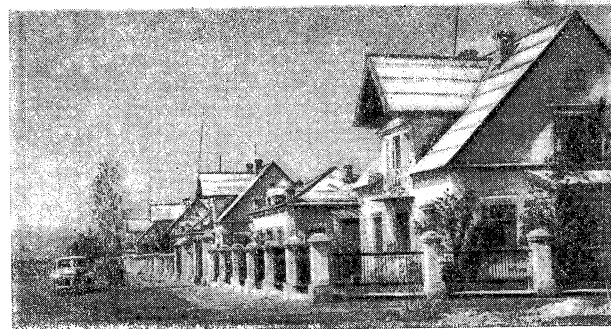
«И горы и Енисей, — писал Антон Павлович, — подарили меня такими ощущениями, которые сторицей вознаградили меня за все пережитые кувырколлегии...»

Тарантас проехал мимо старинной часовни на вершине лысой Караульной сопки, спустился в низину и покатил по булыжной мостовой старинного сибирского города. Один день — 29 мая 1890 года — пробыл в Красноярске Чехов. Красноярск понравился ему. В ожидании парома стоя на крутом левом берегу, Чехов с удивлением и восторгом смотрел на бурный Енисей.

Впоследствии, вспоминая великую реку Сибири, писатель пророчески утверждал, что на Енисее

Красноярск. Речной вокзал на Енисее (вверху).

Новый поселок судостроителей и речников в Красноярске.

жизнь «началась стоном, а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась. Так, по крайней мере, думал я, стоя на берегу широкого Енисея и с жадностью глядя на его воду, которая с страшной быстротой и силой мчит в суровый Ледовитый океан... Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

В сибирский край пришла светлая и умная жизнь. Там, где громыхал на колдобинах и рытвинах обозных дорог писательский утлый возок, ныне гудят, попыхивая горячим дымом, могучие паровозы величайшего рельсового пути Москва—Пекин. Над Транссибирской магистралью проносятся самолеты во Владивосток, Пхеньян, Улан-Батор, Шанхай, а на бурном Енисее, бросив тяжелые морские якоря, стоят белоснежные, обтекаемой формы пассажирские корабли. В их облике все от моря: высокие, глухо задраенные капитанские мостики, крутые форштевни, готовые резать океанскую волну, и вынесенные от воды к фальшборту иллюминаторы.

Поднимемся на палубу комфортабельного речного корабля «В. Чкалов». Перед нами в полукольце гор — красноярская долина с надпойменными террасами. Долина занята большим городом, раскинувшимся по левому и правому берегам Енисея. Улицы, кварталы домов Красноярска видны у подножия Караульной сопки, Афонтовой горы, Красноярского хребта. Отраженный рекой, стоит на берегу речной вокзал-дворец, увенчанный звездой на шпиле. Еще выше, на горе, белеет аэропорт — один из самых красивых и гостеприимных на трассе Москва—Владивосток. Черный квадрат незыбленной тайги стал теперь тенистым парком на берегу. Вдали видны бесчисленные трубы заводов, градирни и башенные краны правобережья, там — думы и лес мачт злобинского порта. Необычайно сочетание всех переливов зеленых, синих, черных, алых и оранжевых красок тайги с высокими кирпичными заводскими трубами; скалистых гор и прославленных «Столбов» с клокующей быстринной Енисея; каменных громад города с открывающейся золотой далью колосющихся полей.

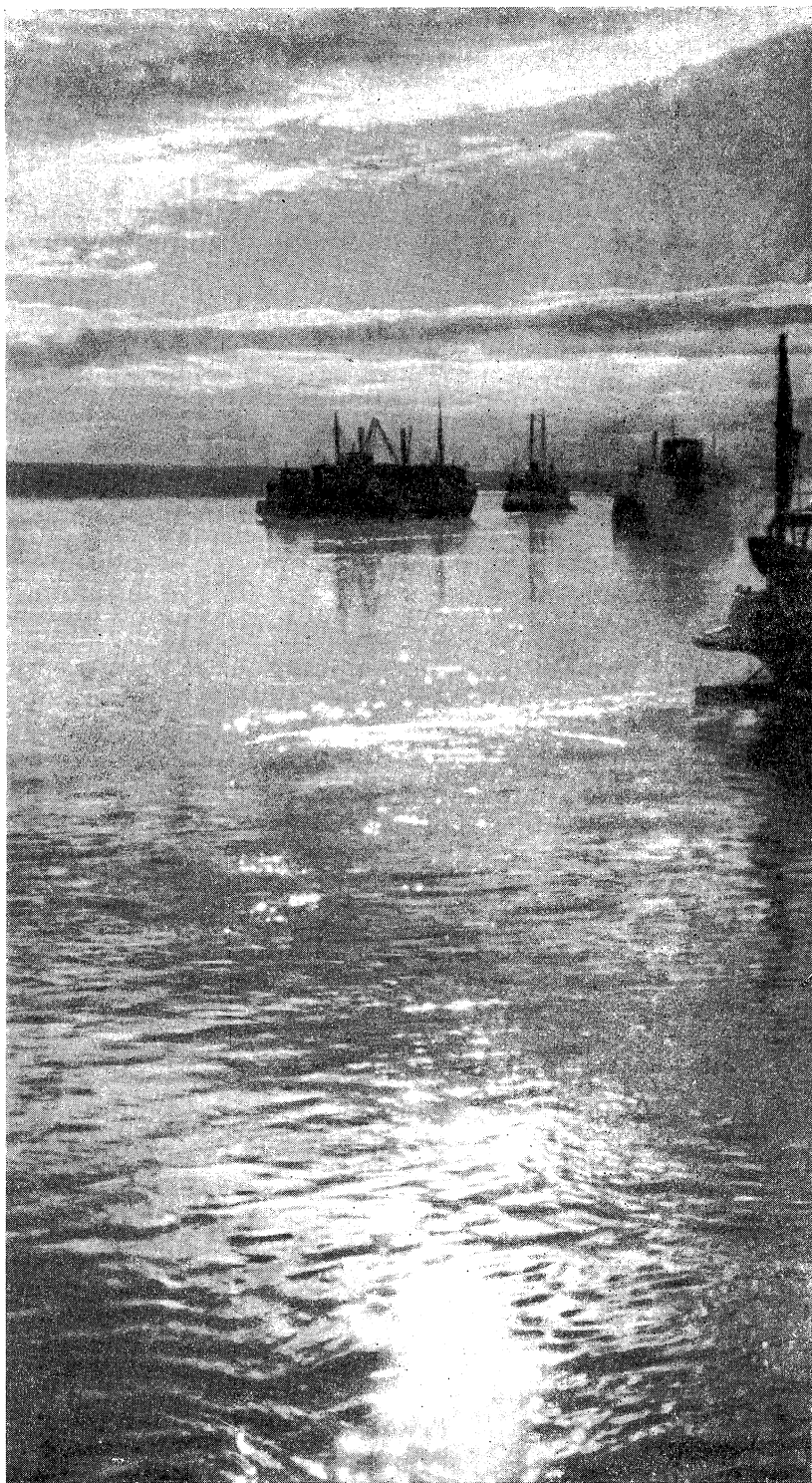
Город, угонувший в зелени, с прямыми длинными улицами, заводскими корпусами, школами, клубами, вокзалами, как бы символизирует весь огромный край, раскинувшийся с юга на север — от Саянских гор до Ледовитого океана — почти на 26 градусов, или 2900 километров.

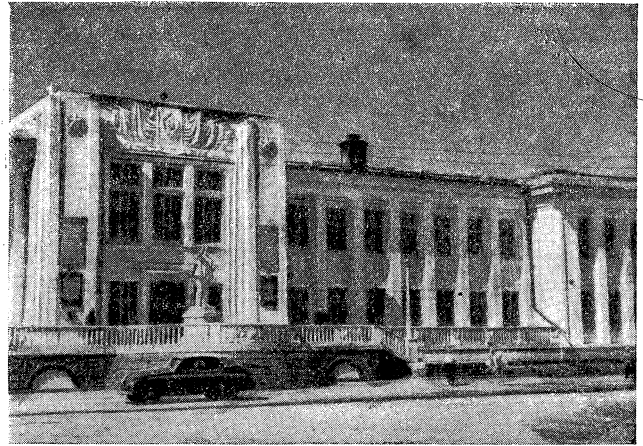
Что за чудо этот край! На юге, в Хакасских степях, родится отборная пшеница, спеет виноград, а на Таймыре, среди болот и плосковерхих вершин Путораны, олень выбивает из-под снега ко-

пытцем смерзшийся ягель. Рано, уже в апреле, очищается Енисей ото льда за Шушенским, начинается рыбная ловля, а немного позже — купанье. В это время в низовьях Енисея, в Дудинке или Усть-Порту, еще метет черная пурга, трещат морозы. Здесь льды с треском и грохотом взломаются и уйдут к океану лишь в июне.

Крайняя северная точка Красноярского края — скалистый мыс Челюскин, вдающийся в Ледовитый океан. В то же время это и самая северная точка Азиатского материка. Южная точка края — Большой порог в Саянах, на границе с Тувинской автономной областью, — гремучий водопад, сотрясающий скалы и утесы. На

Город Енисейск. Утро на рейде.

Вблизи села Шушенского, на берегу Перова озера в заповеднике имени В. И. Ленина стоит шалаш, в котором любил отдыхать после охоты и рыбной ловли В. И. Ленин. С п р а в а — Дом Советов в районном центре Красноярского края — селе Шушенском.

просторах Красноярского края площадью в 2 403 600 квадратных километров могут поместиться все сразу многие государства Европы: Англия, Франция, Италия, Испания, Швеция, Бельгия, Дания, Голландия, Швейцария, Португалия и Греция... Даже самолету потребуется несколько дней, чтобы облететь этот край.

Путешественники прошлого называли Енисейскую губернию (так именовали до революции Красноярский край) страной несметных сокровищ. О богатствах енисейской тайги судачили газеты всего мира, и к берегам Енисея тянулись алчущие золота со всей Европы и Америки. В горах находили уголь, железо, медь, серебро, марганец. В Приангарье, на Мане и Бирюсе стоял лучший в мире строевой лес. Таежные дебри будоражили воображение охотников обилием соболя, горностаев, куниц, белок, медведей, лис. Реки дарили отличной рыбой. А земля, не знающая засух, давала баснословные урожаи.

Но правители старой России равнодушно взирали на богатства Енисейской губернии. Лесные пожары уничтожали заросли кедров и лиственниц; могучие реки бесцельно несли бурные потоки; нетронутыми лежали сказочные богатства недр. Таежная сторона была превращена в место каторги и ссылки.

На великой реке редко слышался гудок парохода. И так же редко встречались промышленные предприятия. Заводы с тридцатью рабочими считались крупными и были известны всей Енисейской губернии. Допотопные сохи царпали плодородную землю.

В Енисейской губернии было 362 церкви и всего 40 одноклассных и двухклассных школ, в которых училось 1 213 ребят — столько же, сколько учится теперь в одной только школе № 10 Крас-

ноярска. В 1916 году один врач обслуживал население, жившее на территории, равной Италии; на охрану здоровья отпускалось по 68 копеек в год на человека.

Окруженные богатствами, люди жили в бедности и темноте.

ОГНИ НАД КАНОМ

На восток от Красноярска, за Енисеем, раскинулись канские равнины с густой тайгой и тучными полями.

Проезжая в ссылку, Радищев записал: «От Канска до Удинска все мужики бедны, живут худо, промыслов мало». Может быть, эти горькие слова вырвались у него и от знакомства с Канском или глухим селом Бражное? Любая деревня, каждое село являли картину бесконечно унылую.

Около двух столетий стоит над быстрым Каном село Бражное. Рядом с ним, под Канском, пролегал каторжный тракт — Владимирка. В далекую и страшную ссылку проходили по нему борцы за народное счастье. По той же скорбной дороге ехали в Сибирь и переселенцы из Смоленской, Вятской, Рязанской, Воронежской губерний, уходили подальше от помещиков и кулаков, надеясь найти за Уральским хребтом свое счастье.

— Вся моя семья и жена Ксения Васильевна, — рассказывает Герой Социалистического Труда Степан Маркович Винокуров, — жила в Новоосновке Острогорского уезда Воронежской губернии. Батрачили, не вылезали из нужды. Я был у помещика Соболя пастухом, пахарем и кучером, а Ксения Васильевна ухаживала за баринком — паралитиком и самодуром. В 1905 году барин «сдал» меня за «вольнодумство» в солдаты, а в 1908 году отец мой, мать и жена, не выдержав нужды и надругательств, снялись с места

и уехали с берегов Дона в Сибирь, на берег Кана — в Бражное. Сюда еще раньше переселились брат мой и дядя. Приехали наши под осень и загоревали: что делать? Зажиточные мужики не брали работников: поля уже сжаты, дела кончались. С трудом удалось устроиться — мать убирала чужие огороды, отец ходил в извоз на чужих лошадях, а Ксения стирала белье. Когда я вернулся из солдатчины, стал тоже батрачить.

Кулаки захватили в Бражном лучшие земли-пашбища и имели по двести гектаров посевов, по сорок-пятьдесят лошадей, сотни овец, десятки коров. А село было глухое, темное. На горке стояла казенная винная лавка, поближе к реке — церковно-приходская школа, все ее помещение — один класс. Была в Бражном «сборня» — длинный сарай с одним окном. В «сборне» изредка собирались мужики, сидели на корточках на полу, курили и говорили о своих делах.

И вот Бражное сегодня: шесть улиц идут параллельно Кану. Где была «сборня», стоит клуб колхоза-миллионера «Заветы Ильича». Над селом гудят электрические и телефонные провода. На столбах серебром отсвечивают мощные репродукторы. На увале белеют здания МТС — там грохочут тракторы, вспыхивают огни электро-сварки. Новые дома под железными и тесовыми кровлями украшены палисадниками. Раньше улицы Бражного были голы — считалось, что деревья не приживутся на «каменной земле». А теперь здесь шумят сады.

По улице 1 Мая, раскланиваясь со встречными, идут Винокуровы. В серебре голова Степана Марковича, но глаза его, голубые, лучистые, полны огня и веселья; об руку с ним идет жена Ксения Васильевна. У нее доброе лицо, умные и строгие глаза. Недавно

колхоз отпраздновал «золотую свадьбу» Винокуровых. Солнце освещает на груди четы золотые звезды Героев Социалистического Труда, ордена, медали. Прославленными на всю страну хлеборобами стали бывшие батраки муж и жена Винокуровы.

Винокуровы идут мимо радиоузда, почты, магазинов, клуба в правление колхоза.

— Страна на нас смотрит, — говорит им вернувшийся из Москвы, со Всесоюзной сельскохозяйственной выставки Герой Социалистического Труда Н. Н. Горбач, председатель колхоза. Он вынимает объемистые папки со множеством писем: сотни хлеборобов, научно-исследовательские институты, видные ученые, академики просят рассказать о новшествах в колхозе.

Колхоз «Заветы Ильича» получил на вечное пользование 8 491 гектар земли, из них — 3 566 пашни, 1 559 — сенокоса, 1 088 — выгонов. Остальное — тайга. Артель объединяет 255 хозяйств.

Много чудес в сибирском колхозе: высоки урожаи, умножается поголовье скота, впервые плодоносят сады, растут удои молока. Особенно радует массовая механизация сложных и трудоемких процессов: в этом году на полях артели работало 11 комбайнов и 25 тракторов.

Первым в Красноярском крае колхоз «Заветы Ильича» начал серьезно и планомерно осваивать новые земли. В 1932 году председатель колхоза условился с бригадиром первой полеводческой бригады Винокуровым, что его бригада поднимет 30 гектаров целины. Урожай пшеницы получили по 170 пудов с каждого гектара. С тех пор колхоз распахал тысячу гектаров залежей и целины.

За годы советской власти посевная площадь в крае увеличилась почти в четыре раза. Здесь 1 300 колхозов, десятки совхозов, более 130 машинно-тракторных станций. С каждым годом расширяется посевной клин, отвоевается земля у степей и тайги.

ШУШЕНСКАЯ НОВЬ

К югу от Красноярска, вверх по течению Енисея, за горными грядами раскинулась Минусинская котловина, хорошо известная в Сибири плодородием своих почв, богатствами своих недр. Здесь, на берегу Енисея, стоит древнее село Шушенское. В Шушенском жил, отбывая ссылку, Владимир Ильич Ленин.

«Ты просишь, Маняша, описать село Шу-шу-шу... Гм, гм! — писал Ленин сестре М. И. Ульяновой. — ...Село большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных — все как быть следует. Стоит в степи —

садов и вообще растительности нет. Окружено село... навозом, который здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом... У самого села реченка Шушь, теперь совсем обмелевшая».

В Шушенском наших дней залитые асфальтом улицы тянутся мимо белокаменных зданий — Дома Советов, гостиницы, сельскохозяйственного техникума, школ, яслей. Вдоль улиц — палисадники, сады.

— Шушенский район — один из основных сельскохозяйственных районов Красноярского края, — рассказывает секретарь районного комитета партии Иван Мефодьевич Литвинцев. — Район большой, богатый, славится урожаями, успехами хлеборобов. В районе — четырнадцать укрупненных колхоз-

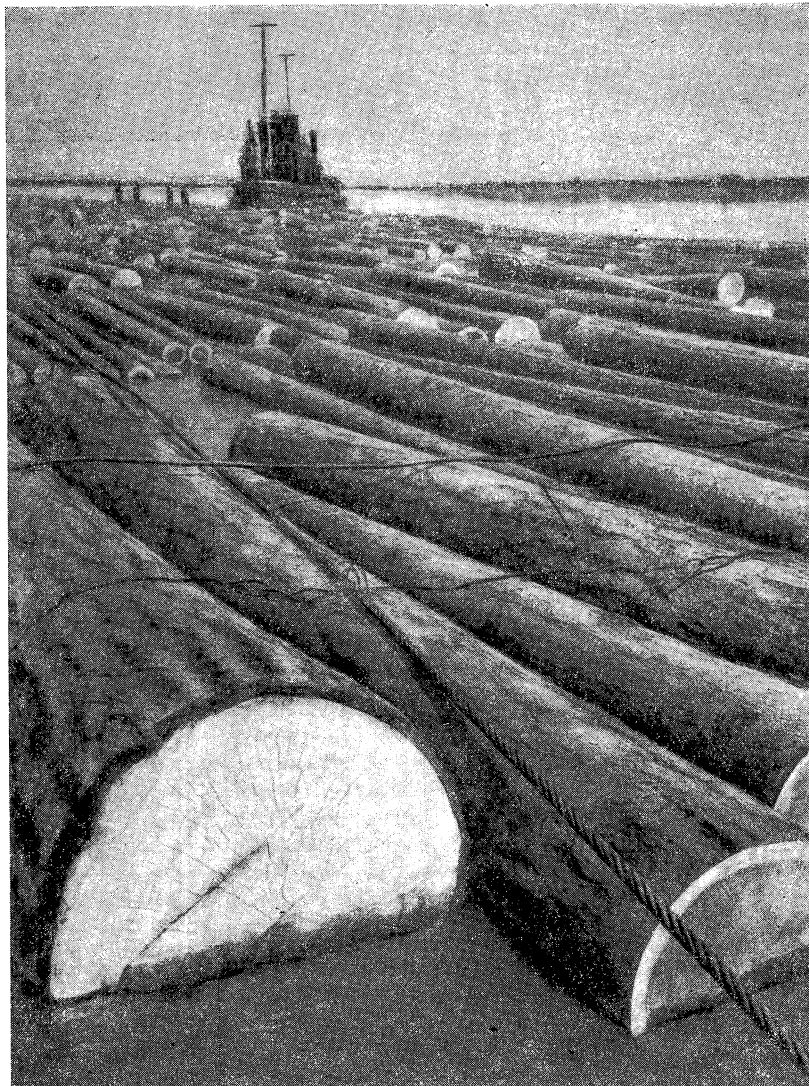
зов-миллионеров; есть два совхоза и две МТС. У каждого колхоза сады, огороды, выпасы. Земли у нас благодатные.

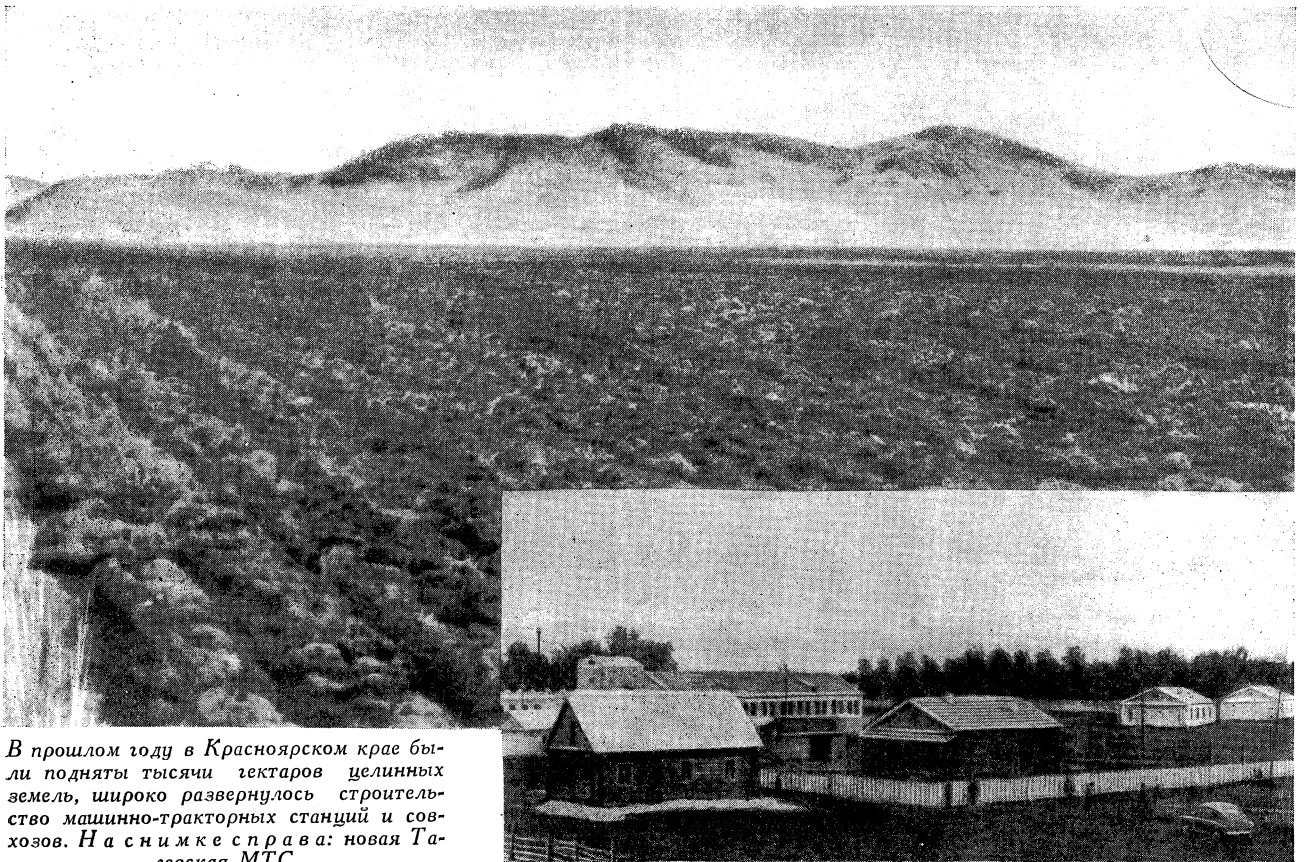
В Шушенском колхозе имени Ленина и Крупской, как и в других артелях, видишь добротные строения, силосные полубашни, которыми гордятся красноярцы, электрифицированные животноводческие фермы.

— Большие перемены в колхозной жизни, — говорит председатель артели Иннокентий Дмитриевич Баев. — Из города едут к нам специалисты. У нас в колхозе все больше появляется людей с высшим и средним образованием.

Готовит специалистов и Шушенский сельскохозяйственный техникум. Находится он в сосновом бору. На 400 гектарах раскинул-

Все лето плывут вниз по Енисею плоты. Первоклассный лес, срубленный на берегах рек Маны, Бирюсы, Ангары, Подкаменной Тунгуски, идет на заводы Красноярска, Енисейска, Игарки, Дудинки, где из бревен строят дома, баржи, вырабатывают мебель. Огромное количество леса ежегодно идет из Игарки Северным морским путем во многие страны мира.

В прошлом году в Красноярском крае были подняты тысячи гектаров целинных земель, широко развернулось строительство машинно-тракторных станций и совхозов. На снимке справа: новая Талевская МТС.

ся вблизи заповедник имени В. И. Ленина. Терпким запахом трав и цветов встречает заповедный край. Шумят вековые сосны, трепещут на ветру березы. От болотец веет прохладной сыростью; с синих озер пролетают непуганые птицы. Петляя и кружась, бежит укатанная бесчисленными машинами экскурсантов дорога. Кто только не бывал здесь у шалаша В. И. Ленина: шушенские колхозники и московские автомобилестроители, уральские сталевары, моряки-тихоокеанцы, пионеры Закарпатья и комсомольцы Таймыра, ленинградские машиностроители и ивановские ткачихи.

Веселые песни льются из окон автобуса, будят лесную тишь и гаснут в глубине темнеющих боров. Вот и Песчаная горка, с которой любовался далекими Саянами Ленин. Другая картина открывается сейчас отсюда. Нет больше бедняцких полосок и кулацких пашен, нет грязных улиц, мрачных сел, разбитых дорог, обездоленных людей. Насколько охватывает взор, с Песчаной горки видны светлые лесные дали, и чуть прорисованные на горизонте горы, и сверкающий в зелени Енисей, и кирпичные стены возводимого на окраине Шушенского крупного комбината сухого молока. Ровное гудение автомашин доносится через рощу. Машины, электричество, радио и телефон стали элементар-

ной необходимостью новой сибирской деревни, и та самая пересыхавшая Шушь, по берегам которой ходил Ленин, вращает теперь турбины четырех колхозных гидроэлектрических станций и скоро приведет в действие еще две межколхозные ГЭС.

ПЕРЕСЕКАЯ ПАРАЛЛЕЛИ

От Песчаной горки недалеко до солнечной, цветущей Хакассии. Странными и неправдоподобными покажутся теперь описания дореволюционной Хакассии: «Тиха и мертва огромная Абаканская степь... Не одну тысячу лет встает солнце над степью-кладбищем, — и все так же обросшие мохом камни стерегут старые могилы, все такую же темною загадкой стоят перед новым человеком таинственные письмена на высоких скалах Енисея».

В столь похоронном духе речь шла о той самой Хакассии, которая стала краем «живой воды», тучных полей, бесконечных табунов и овечьих отар, краем угля, золота, меди, мраморов, леса. Возродился прежде вымиравший, обреченный на гибель народ. В степях и полупустынях проложены оросительные каналы, выращены лесные полосы.

На Хакасской опытной станции орошаемого земледелия, под руководством ученого-новатора А. Г.

Турбина, создана новая система разумного использования орошаемых земель. На полях колхозов и совхозов Хакассии широко применяется распространенный теперь по всей стране новаторский способ орошения при помощи так называемых временных каналов. Эти оросительные каналы заменяют густую сеть постоянных, непреодолимых для сельскохозяйственных машин крупных каналов и увеличивают посевную площадь. Летом 1950 года Совет Министров СССР принял постановление о переходе на новую систему орошения во всех районах поливного земледелия Советского Союза.

Соседний с Хакассией Минусинский район, по территории превышающий в несколько раз Голландию, и тяготеющие к нему другие многочисленные районы южного куста Красноярского края стали важнейшими производителями хлеба в Сибири. К осени вся Минусинская котловина золотеет от пшеницы.

Фруктовые сады окружают сейчас не только Минусинск, но и окрестные деревни и села. Они мало похожи на пышные сады Средне-Русской равнины или украинского Приднепровья. Стелющиеся яблони пригибаются, распластываются по земле. Выводя такие сорта яблонь, советские селекционеры спасли деревья от ломающих сучья тяжелых снегов долгой сибирской зимы, от ярых бурянов.

Такие яблони живучи, крепки и морозостойчивы.

Все виды стелющихся яблонь предстают на опытном плодородном поле под Минусинском. Этот чудесный сад садов — родина многих сибирских садовых угодий. На его участках среди тенистых аллей — яблони и груши, сливовые деревья и виноград, кусты малины и смородины.

Еще недавно все плодовые деревья Минусинской равнины умещались на опытных участках, а сейчас Минусинский район стал районом сплошного садоводства. За ним следует Шушенский и многие другие районы юга Красноярского края.

Еще большим чудом кажется вторжение агротехнической новинки в Заполярье. В Курейке, находящейся в зоне вечной мерзлоты, в месте пересечения Полярным кругом Енисея, создан совхоз с теплицами и оранжереями, животноводческими фермами, тракторными мастерскими. Пятнадцать лет назад считалось «законом», что енисейское Заполярье непригодно ни для земледелия, ни для животноводства. Когда-то в приполярных местах пытался сеять хлеб славный казак землепроходец Осип Цапая. Из года в год с поразительным рвением сажали потом севернее Енисейска картофель и капусту ссыльные декабристы. Все было тщетно! Летописи, летописные, исторические справки полны горьких рассказов о том, как полегла рожь, как сгнил на корню овес, как ранние морозы

«жгли» картофель и «опять погиб урожай». А вот Курейский совхоз за успехи, достигнутые в области овощеводства и животноводства в 1952—53 гг. в тех же «гибельных» местах, стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки! В зоне вечной мерзлоты, на грани Полярного круга, под незаходящим северным солнцем колосится овес, и с каждого гектара совхоз в среднем снимает по 500 центнеров капусты и по 110 центнеров картофеля. На фермах совхоза коровы дают высокие удои молока.

Смотришь на полярный совхоз и забываешь, где ты находишься. И только на вновь осваиваемом участке видишь вдруг, как под вывороченными машинами корнями хилых деревьев тускло сверкнет холодным серебром лед вечной мерзлоты, потянет стужей. Там плуг проходит по твердой как камень, стылой, замороженной земле.

Картофель и капусту разводят красноярские агрономы теперь и еще дальше на севере — в Дудинке, в глубине таймырских тундр под Норильском.

* * *

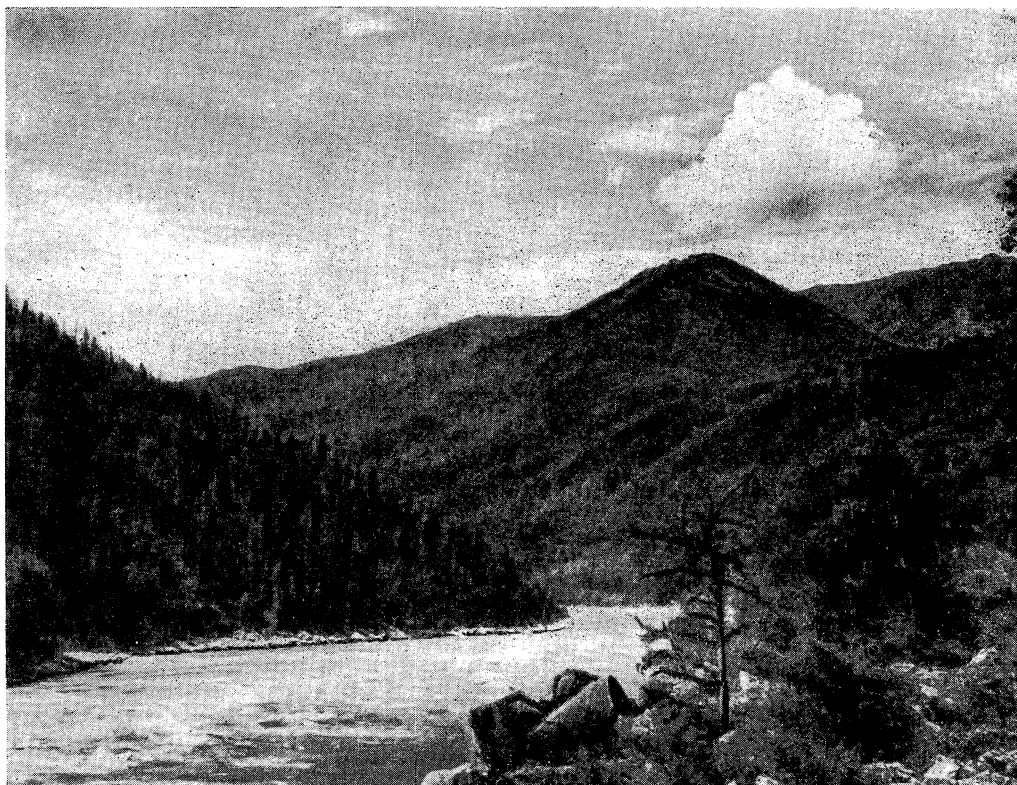
Богат и прекрасен Красноярский край. Много в нем земли и лесов, бурны его реки, заполнены минералами и углем его горы. Советские люди пробудили от векового сна огромную территорию, возвели города, проложили доро-

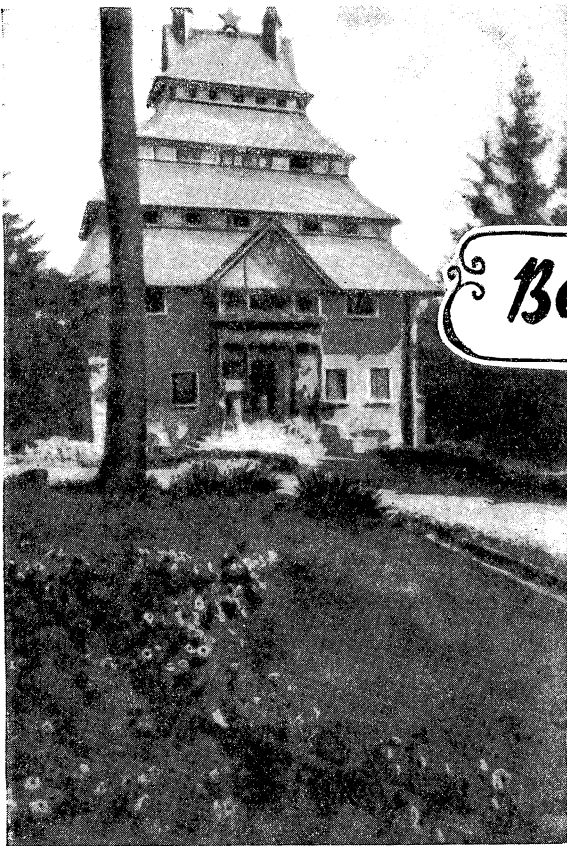
ги. На Ангаре, крупнейшем притоке Енисея, сооружается гигантская гидроэлектростанция. В Красноярске и других городах заложены новые гиганты индустрии. Растет и крепнет в крае сельское хозяйство и животноводство. Для дальнейшего подъема края нужны люди — инженеры, ученые, агрономы, трактористы и комбайнеры, врачи и радисты, сапожники и механики, электрики и садоводы. Нет такой профессии, которая не была бы нужна в Красноярском крае!

Коммунистическая партия выдвинула государственной важности задачу — осваивать земли не только Алтая и Казахстана, но и идти еще дальше на восток — в Красноярский край с его плодородными землями, идти в Забайкалье, в Хабаровский край, в Приморье. Товарищ Н. С. Хрущев в своей речи на собрании комсомольцев и молодежи г. Москвы, изъявивших желание поехать работать на целинные земли, 7 января обратил особое внимание молодежи на Красноярский край, на его замечательные земли. «Одним словом, — сказал Н. С. Хрущев, — нам надо на Востоке быстрее осваивать пустующие земли, крепко садиться на этих землях».

Тысячи и тысячи юношей и девушек по зову партии, по велению сердца поедут на берега Енисея, в Красноярский край, полюбят его, станут рачительными хозяевами его несметных природных богатств, найдут на его землях радость и счастье.

Границу Красноярского края с Тувинской автономной областью Верхний Енисей пересекает в районе Большого порога. Бушующий поток воды грохочет на подводных скалах и шиверах, держит путь на север — к Ледовитому океану.

Венгерская новь

(ДОРОГА НА МИШКОЛЬЦ)

Дом отдыха «Спорт» в Матрахазе.

В Буде, у самого Дуная, неподалеку от Королевского замка, стоит небольшая статуя: молодой рабочий, приложив руку к глазам, словно защищая их от солнца, напряженно всматривается в даль. Это условный «ноль километров» — начало всех дорог от венгерской столицы до любого пункта страны.

Оставив в стороне гигантскую чашу нового Народного стадиона, расположенного на стыке трех рабочих районов столицы, попадаем на проспект Керепеши. Он выводит нас на магистральную дорогу № 3.

Всякий, кому доводилось разъезжать по Венгрии, не может не сказать хотя бы несколько добрых слов о венгерских автомобильных дорогах.

В большинстве своем — это добротные бетонные или асфальтированные шоссе, оснащенные деревьями и хорошо оборудованные дорожными знаками. На каждом перекрестке — указатель расстояний, у каждого населенного пункта — таблица с его названием... Если в прошлом в Венгрии строились только магистральные пути и шоссе, ведущие в крупные барские поместья, то теперь благоустроенные дороги прокладываются и к самым отдаленным, когда-то захолустным селам.

На нашем пути то и дело встречаются передвижные котлы для варки асфальта. На обочинах дороги — кучи песка, щебня. Всюду — хлопотливые бригады дорожников. Уход за дорогами носит постоянный и заботливый характер.

Подъезжаем к Гёдёллэ. В прежние времена, до освобождения страны, село это было известно только тем, что в нем находился дворец правителя Венгрии — опереточного «адмирала» Хорти. Теперь у Гёдёллэ иная слава: не так давно тут открылась Аграрная академия, а рядом с нею выросли корпуса мощного, оборудованного по последнему слову техники завода электроизмерительных приборов. За каких-нибудь пять-шесть лет обыкновенное венгер-

ское село превратилось в крупный культурный и промышленный центр.

По пути из Гёдёллэ в Хатван заезжаем в маленький сельскохозяйственный городок Асод. Название этого городка неразрывно связано с именем великого венгерского поэта-революционера Шандора Петефи. «Здесь начал я делать стихи. Здесь влюбился впервые. Здесь решил впервые стать актером», — записал он в своих воспоминаниях.

И вот мы идем по улице, где не раз ступала нога юного Петефи. Невзрачные, крытые черепицей домишки. Поросшие муравой, кое-как замощенные тротуары...

Замечаем старинное здание городской гимназии. На нем мемориальная доска: здесь в свое время учился Шандор Петефи. Из здания высыпает шумная гурьба юношей и девушек. У многих на груди значки членов Союза трудящейся молодежи...

Ныне имя Шандора Петефи с гордостью носит не только асодская гимназия, но и созданный здесь недавно крупный сельскохозяйственный производственный кооператив.

Разве это не чудесная примета нового?

А вот небольшой провинциальный городок Хатван. Ну, чем он был примечателен в прошлом? Разве только тем, что от него до столицы ровно шестьдесят километров («хатван» — по-венгерски «шестьдесят»). А теперь здесь одна из крупнейших в стране тепловых электростанций.

...После Хатвана двигаться по дороге становится все труднее и труднее. Нам приходится то и дело притормаживать, обгоняя грузовые автомашины, конные подводы, мотоциклы, велосипеды, толпы пешеходов.

На бортах пружовиков мелькают названия сельскохозяйственных кооперативов: «Красная звезда», «Имени Петефи», «Свобода»...

Самая обширная и шумная часть венгерской ярмарки та, где идет торговля скотом.

Дом отдыха «Солнечный луч».

На подводах — целые семьи. Некоторые из них едут налегке — разодетые, точно на свадьбу, но большинство — с поклажей. Время от времени эта поклажа начинает подавать голос: она визжит, хрюкает, мычит, кудахчет...

За одними телегами плетутся, меланхолически

На ярмарке, прямо под открытым небом, готовят традиционное венгерское блюдо — гуляш.

пережевывая жвачку, равнодушные к своей участи быки и коровы, за другими — танцуют на поводу, настороженно кося глазами, поджарые венгерские скакуны...

Велосипедистов так много, что иные участки дороги напоминают спортивные велогонки. Среди «гонщиков» — и юноши в коротких брюках, и пожилые крестьяне с трубками в зубах, и даже старики, обвешанные корзинами.

В Дьёндьеше — ярмарка.

ВЕНГЕРСКАЯ ЯРМАРКА

Ярмарка — по-венгерски «вашар», а воскресенье — «вашарнап», то-есть «ярмарочный день». Исполон веков ярмарки устраивались в венгерских городах в воскресные дни и притом — осенью, по окончании полевых работ.

Вообразите себе широкую длинную улицу, вдоль которой выстроились в два ряда празднично раскрашенные павильоны, палатки, рундуки...

Вот огромный павильон с мотоциклами и велосипедами, а неподалеку — палатка с кочской сбруей. Радиоприемники мирно уживаются с расположенными рядом косами и граблями, электроприборы — с деревянными бочками, знаменитый херендский фарфор — с глиняными горшками.

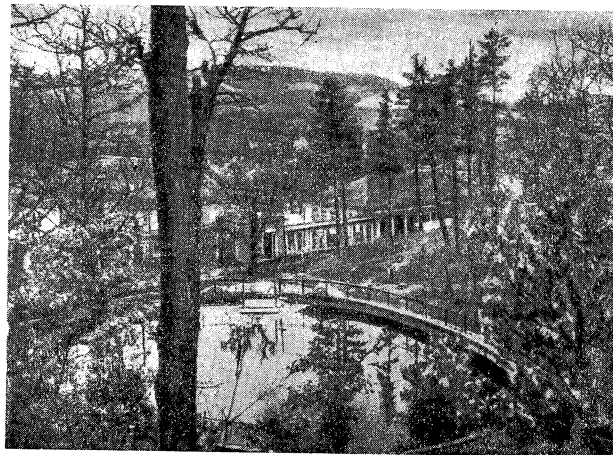
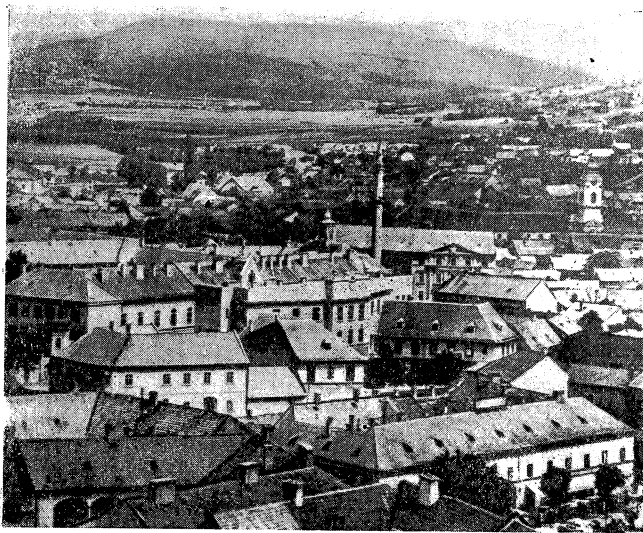
Тут же продаются национальные ярмарочные лакомства: медовые пряники в виде сердец с вставленными в них зеркальцами, пышные хлопья жареной кукурузы, тонкие, замысловато сплетенные соленые крендели и, наконец, обыкновенный сахар,

превращаемый на глазах у покупателей с помощью несложной «механизации» в белое пушистое волокно.

В палатках производственных кооперативов отборные румяные яблоки соперничают свежестью и красотой с подернутыми сизым налетом, словно вспотевшими, проздыями винограда, морковь в килограмм весом — со стручками перца фантастической величины...

Пожилые, степенные «газды» (хозяева) в черных праздничных костюмах, блестящих, бутылками, сапогах и неизменных черных шляпах неторопливо рассказывают от прилавка к прилавку, прицениваются. Женщины в темных длинных платьях и головных уборах, напоминающих старинные русские «кинки», толпятся у мануфактурных палаток.

А по торговому ряду сплошным бурлящим потоком движется веселая крестьянская молодежь. Почти все парни одеты по-городскому — в новых, хорошего покроя, костюмах. У многих через плечо — фотоаппараты. Большинство девушек — в кра-

«Венгерский Железнодорож» — Парад.

Общий вид города Эгер.

В том конце ярмарки, где торгуют лошадьми, невольно приходят на память слова Н. В. Гоголя, сказавшего, что венгры — это народ, который «ездит на конях, рубится и пьет не хуже козака; а за конную сбрую и дорожие кафтаны не скучится вынимать из кармана червонцы». Какие здесь скакуны! А сбруя! Иной «гарнитур» стоит дороже лошади.

Можно было бы исписать целые страницы о том, как идет на венгерской ярмарке торг лошадьми и рогатым скотом. Это настоящее «лицедейство» с установившимися традиционными приемами, вроде хлопанья по рукам и азартного швыряния шапкой о землю.

В ГОРЫ

Магистральная дорога № 3 могла бы довести нас до самого Мишкольца, но мы решаем отклониться от прямого пути, чтобы посетить горы Матра. После Дьендьеша круто сворачиваем влево и поднимаемся по узкой серпантинной дороге.

Так вот они, горы Матра!

Пологие склоны почти сплошь покрыты густыми зарослями дубняка с пересохшими, будто заржавленными листьями. И от этого весь пейзаж, несмотря на яркое солнце, напоминает однотонный рисунок сепией. Только кое-где, словно по прихоти художника, резко выделяются броские мазки зеленых сосен. И как же здесь красиво даже сейчас, в эту пору поздней венгерской осени!

Чуть ли не за каждым изгибом дороги то одинокий, словно заброшенный всеми, охотничий домик, то роскошная, затейливой архитектуры вилла, то подделанный под старину «средневековый» замок, то сверкающее сплошными лентами стекол огромное здание санатория. Вдали простерт черепичными кровлями небольшие крестьянские селения.

Когда-то, лет сорок назад, по этим местам путешествовал известный венгерский композитор Золтан Кодай. С нотной тетрадкой в рюкзаке ходил он от селения к селению, записывая народные песни.

Грустные это были песни, как и вся жизнь пастухов Матры. Ведь все, что окружало этих горемык, — и горные пастбища, и вековые леса, и пахотные земли — все принадлежало господам.

Народно-демократическая власть превратила эти места в горный курорт для трудящихся. В живописной долине, высоко над уровнем моря раскинулся Матрафюред — целый курортный городок с виллами и пансионатами. Почти рядом, в Матрахазе, в густом

сочных национальных нарядах, главной принадлежностью которых являются пышные сооружения из множества надетых одна поверх другой гофрированных, туго накрахмаленных юбок.

На вместительные, окованные железом телеги покупатели грузят спальные гарнитуры, столы, буфеты, ярко разрисованную национальными орнаментами кухонную мебель.

Большой спрос на электрические утюги, плитки, настольные лампы: теперь почти в каждом венгерском селе — электричество.

На одной из площадей расположились всевозможные ярмарочные аттракционы — карусели, «гигантские шаги», тигры — вперемежку с буфетами и открытыми ресторанами, где можно послушать цыганскую музыку и отведать жирного, сдобренного перцем гуляша, который тут же и готовится в огромных чугунных котлах.

Самая обширная и шумная часть ярмарки та, где идет торговля скотом. Среди мелких животных преобладают свиньи старинной венгерской породы («мангалица») с длинной горбоносой мордой и мягкой, очень длинной щетиной.

Среди рогатого скота обращают на себя внимание красавцы-волы степной, хортобадьской породы, с колоссальными крутыми рогами. Это очень выносливые и сильные животные — их держат главным образом в качестве рабочего скота. Для молочного же хозяйства венгерские крестьяне выращивают коров породы «пирош-тарка» («краснопестрая»), представляющей собой помесь местной степной с симментальской.

лесу — крупнейший в стране туберкулезный санаторий и несколько домов отдыха Совета венгерских профсоюзов. На вершине Гайятеге — самый красивый и благоустроенный дом отдыха для передовиков производства. Далее — высокогорный санаторий Кекеш, а еще чуть дальше — венгерский «Железноводск» — Парад...

После Парада горы Матра постепенно идут на убыль. Где-то в районе Эгера они плавно перейдут в горы Бюкк — последнее звено цепи протянувшегося вдоль северной границы Венгрии так называемого Верхне-Венгерского нагорья.

Картинно раскинулся под горой Эгер, сверкая на солнце множеством куполов и шпилей. Это город виноделов. Здесь целый подземный лабиринт вместительных винных погребов, в которых десятками лет выдерживается знаменитый «эгрибикавер».

У Эгера славное историческое прошлое. Четыре века назад, летом 1552 года, горсточка венгров, запершись в городской крепости, оказала сопротивление десяткам тысяч осаждавших ее турок. Крепость была разрушена почти до основания, но героические защитники города так и не сдали ее врагу.

Спустя много лет Эгер все же был захвачен турками, и это наложило отпечаток на весь его внешний облик. В городе немало ценнейших архитектурных памятников более позднего периода — богато оформленных церквей, дворцов. Но рядом с ними сохранились почти нетронутые уголки типичного восточного селения XVII века с узкими, кривыми улочками, приземистыми домишками, высокими каменными оградками, турецкой баней.

Вообще старина и новь причудливо переплетаются здесь на каждом шагу. Вот широкая асфальтированная, вполне современная улица. И вдруг среди потока автомобилей по этой улице медленно ползет телега, запряженная серыми кротогорими волами. Чуть дальше верхом на осле едет, свесив ноги, старик с длиннейшим чубуком в зубах. А по тротуару, мимо сверкающих витрин магазинов важно проплы-

вают среди прохожих экзотические старухи-модницы в красочно расшитых, старинных кацавейках, каких не сыщешь даже в музее.

Около развалин Эгерской крепости расположились с этюдниками и мольбертами несколько юношей и девушек. Это студенты открывшегося здесь четыре года назад Государственного педагогического института. В ближайшее время в Эгере будет создано еще несколько высших учебных заведений.

За Эгером дорога опять поднимается в гору, но пейзаж здесь уже иной. Среди зарослей дубняка все больше и больше сосен. Появляются могучие буки, платаны. Горы подступают ближе, обрываясь у дороги суровыми отвесными скалами.

...Подъем, крутой поворот, снова подъем — и перед нами Лиллафюред. У подножья горы — сказочной красоты дворец, чуть ниже — зеркальная гладь озера, а кругом — скалы, лес, приволье...

В прошлом это был один из самых фешенебельных горных отелей. Теперь здесь профсоюзный дом отдыха, в котором проводят свой отпуск металлурги Диошдьера, горняки Боршодских шахт и крестьяне окрестных сел.

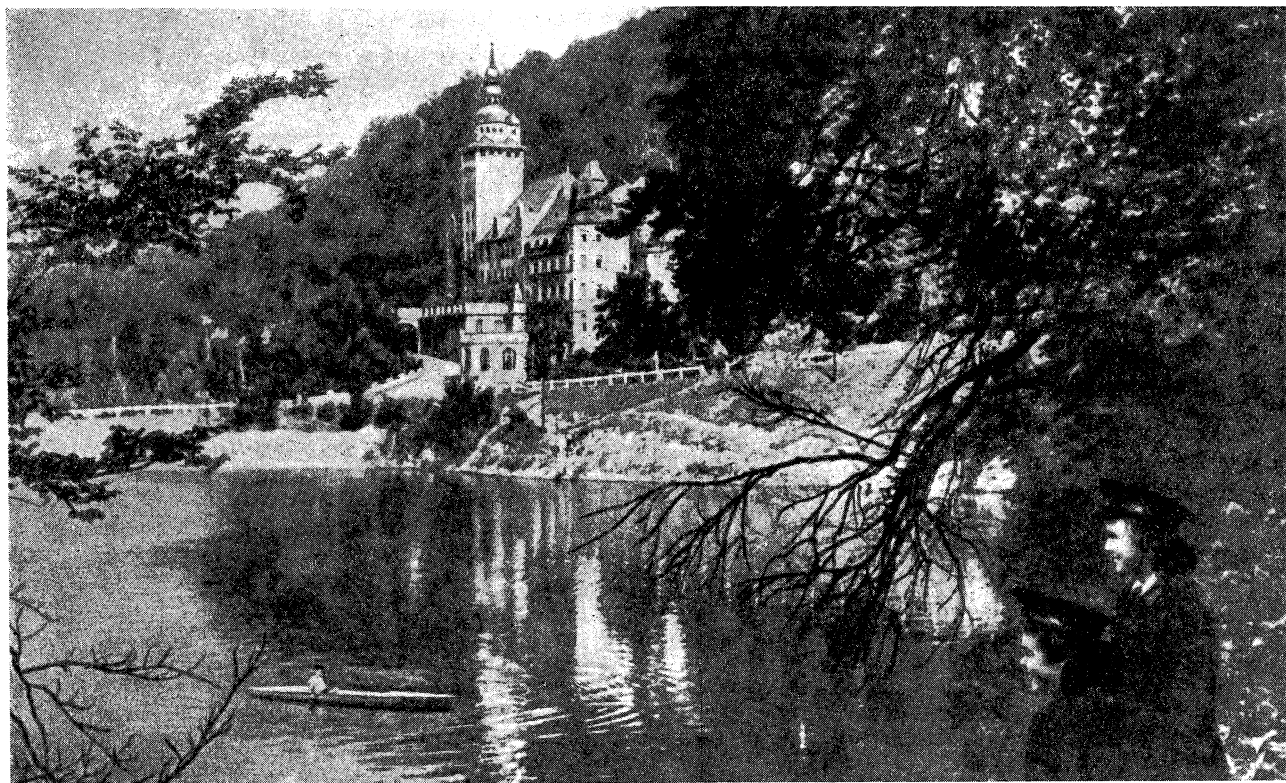
В районе Лиллафюрета — крупнейшие в стране лесные промыслы.

Еще несколько минут пути — и перед нами панорама крупного индустриального города. Это уже Мишкольц — небольшой в прошлом торговый городишко, которому суждено в самом недалеком будущем стать вторым после столицы промышленным и культурным центром Венгрии.

...Много дорог ведет из Будапешта в разные уголки страны. По какой из них ни поедешь, всюду встретишь то новый мощный завод, то новое учебное заведение, то выросшую словно из-под земли электростанцию, то новые дома для рабочих, то целый новый город.

Чудесные приметы нового, изменившие весь облик страны, видны даже там, где внешне все осталось попрежнему.

В горах Матра. Курортное местечко Лиллафюред.

Ветер Скорости

Из путевого дневника

Под Москвой леса были насквозь просвечены золотом. Особенно много этого листового шумного золота скопилось в оврагах, куда не проникал ветер. А на холмах ветер начисто срывал сухую листву, кружил ее и уносил вдаль. И там, в этой дали, в холодном блеске октябрьского солнца листья временами летели по ветру так густо, что воздух казался от них золоченым.

В такой день начался наш путь из Москвы на запад.

Путь шел мимо Бородинского поля. Над ним курился редкий туман. Он был похож на дым сраженья.

Сухие взгорья Бородина расстилались вокруг. К ним были обращены мысли Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого и многих тысяч русских людей. «Недаром помнит вся Россия про день Бородина».

На этих полях Пьер Безухов мог бы встретиться с интендантом наполеоновской армии Стендалем.

Я написал слово «мог» потому, что сила толстовского гения сделала Безухова существующим. Нельзя даже представить себе, что не было на свете этого добродушного увальня.

Ветер скорости гудел в крыльях «Победы». Под этот гул хорошо было думать о разных разностях, хотя бы об этой невозможной встрече Безухова со Стендалем.

О чем они могли говорить? Может быть, о том, что рядом со старой кровавой историей, с ее войнами и бессмыслицей живет простая повесть любящих сердец, что где-то близко бьется милое сердце Наташи Ростовской. И ради этого сердца стоит броситься очертя голову в любую опасность.

Мало ли мыслей приходит в голову под гул дорожного ветра! А здесь ему было где разгуляться — на автострате Москва — Минск, серой бетонной ленте, туго натянутой от края до края земли.

Дорога эта проходит в стороне от городов и деревень. Города возникают и проносятся по ее сторонам, как виденья.

Таким виденьем прошла на вечеряющих холмах героическая Вязьма. И снова помчались километры красной по осени болотной травы, березняка и равномерно сменяющих друг друга перелесков.

Днепр под Смоленском блеснул узкой извилиной. Берега его дымились паром

Около Днепра мы остановили машину. Пастух гнал навстречу пестрое стадо. Вопреки тысячелетней привычке он не кричал на коров осипшим отчаянным голосом: «Куды, дьяволы!» Он заметил этот возглас более современным: «Алло, красавицы! Алло!» И коровы, проходя мимо машины, ласково поглядывали на нас, помахивали хвостами и, казалось, хотели сказать: «Вот видите, какой у нас чудный пастух».

Бородино. Памятник русским воинам, погибшим в Бородинском сражении (слева). Вязьма. Жилые здания по улице Ленина (справа).

К вечеру показался Смоленск — многострадальный город, раскинутый на кручах над Днепром.

Не прошло и десяти лет после войны, а понятие «разрушенный город» почти исчезло. Разрушенных городов больше нет. Нет и разрушенного Смоленска. Новый город поднялся над развалинами. Уцелевшие дома вошли в ансамбль новых зданий. Только смоленские пращуры — крепостные валы, собор и кремлевские стены — хранят в своем молчании память о прошлом.

Всю ночь за окнами маленькой смоленской гостиницы шумел дождь. На столе в номере стоял букет гладиолусов удивительной нежной раскраски.

Ничто в этой гостинице не напоминало пресловутые «номера для приезжающих» с их застарелой вонью дешевого одеколona и хлора, сквозняками и скрипучими лестницами.

Было очень чисто, тихо, спокойно. На стене висела литография «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Эта литография встречалась нам на всем пути. И не только она одна, но еще «Утро в сосновом лесу» Шишкина и «Девятый вал» Айвазовского. Почти не было такой гостиницы, столовой или кафе на протяжении 4 тысяч километров дороги, где бы не висели эти литографии. Всюду нас радостно приветствовал схватившийся за живот от смеха сивоусый запорожец — в Витебске и Пскове, в Нарве и Каунасе. Он просто преследовал нас своим зычным безмолвным хохотом.

В конце концов нам стало не по себе. И потому мы искренне обрадовались, когда в столовой в Опочке впервые увидели на стенах превосходные пейзажи местно-

го художника. Имя его нам так и не удалось узнать.

Утром серый дождь все еще висел над Смоленском. Я вышел в город. Среди земляных валов и старых ив тускло поблескивал большой пруд. С деревьев слетали сизые листья и ложились на воду. Она даже не вздрагивала от их прикосновения.

Посиневший от холода вихрастый мальчик сидел на корточках на берегу пруда и удил рыбу. Я почувствовал невольное уважение к этому мальчику за его жестокую страсть и терпение.

Город в этот ранний час был почти пуст, безмолвен. Я подумал о том, сколько бурь пронеслось над ним и сколько одаренных русских людей выросло здесь, под стенами Смоленского кремля, на горбатых улочках, заросших травой.

Как будто нарочно, чтобы подтвердить эти мысли, из отдаленного громкоговорителя слышались звуки рояля и мужской голос запел:

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей...

Томительные эти слова и музыка Глинки — уроженца Смоленска — наполнили утренний холодок печальной поэзией. Я вспомнил стихи другого смоленского уроженца, Твардовского, «За далью даль». Места поэзии! Здесь она рождалась, — на суглицистых дорогах, в сырых лесах Смоленщины.

Вихрастый мальчишка-рыболов напомнил мне замечательного смоленского человека, Василия Тихоновича Бобрышева. Он был редактором журнала «Наши достиже-

ния». Его многие знали, художого, со смеющимися глазами и светлой прядью, падавшей на лоб. Было в нем что-то от старых русских мастеров, от лесковского Левши. О таких людях, как Бобрышев, говорят: «золотые руки».

Он прекрасно составлял журнал. Он собрал вокруг него всю даровитую литературную молодежь. Как все талантливые люди, Бобрышев любил все делать сам — чинить всякие приборы, часы, особенно старые музыкальные ящики с их перефоном простых мелодий («В милые горы ты возвратишься...»), выращивать у себя в комнате на улице Горького дикие цветы и собирать грибы в подмосковных лесах.

В свободное время он вытачивал из дерева необыкновенно тонкие вещи. Однажды он вырезал перочинным ножом из цельного куска липы сомкнутую цепь.

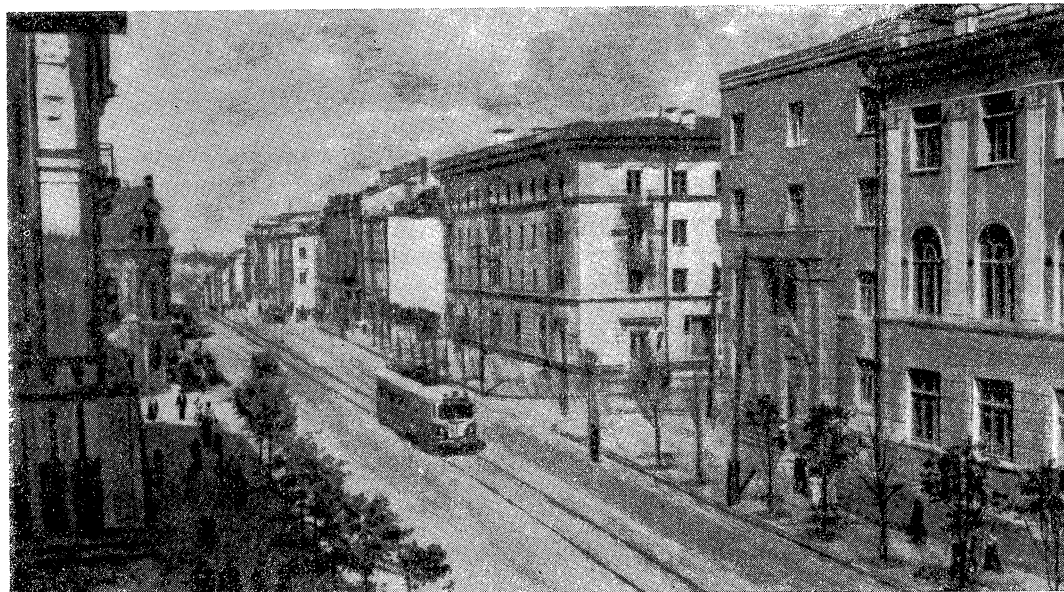
Он погиб в народном ополчении под родным Смоленском.

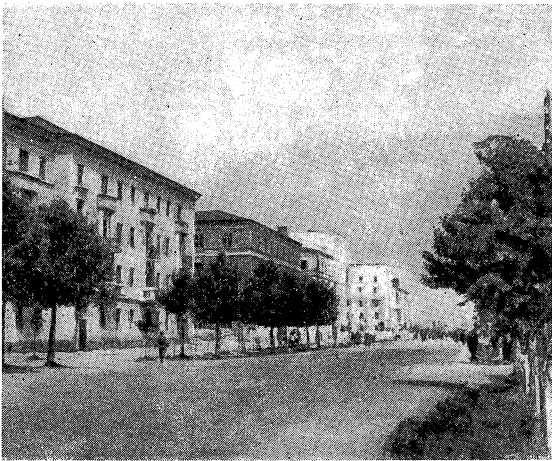
Как за далью открывается новая даль, так смоленская земля непрерывно дарит нам незаурядные русские характеры — от Пржевальского и Глинки до Твардовского и от писателя и охотника Соколова-Микитова до безусловно существующего Василия Теркина — тоже, судя по всем ухваткам, уроженца Смоленщины.

Дорога на Витебск резко сворачивает около Орши на север и уходит в песчаные холмы и болота. Шоссе проложено по гатям, залитым асфальтом. От тяжелого хода машин шоссе чуть прогибается и покачивается, как на тугих рессорах.

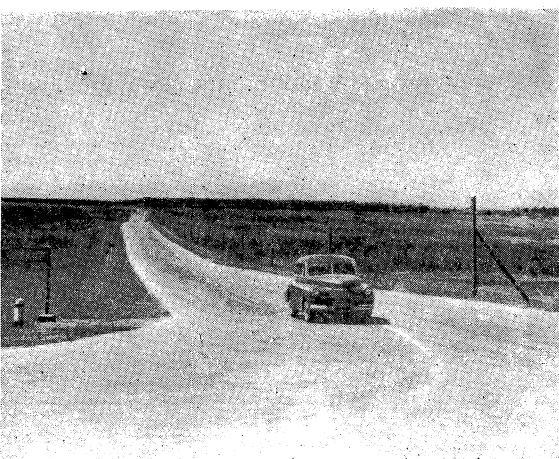
Исчезли большие смоленские села. Их сменили короткие бело-русские деревни. Мальчишки уже

Смоленск. Большая Советская улица (слева); памятник М. И. Кутузову на склоне Соборной горы (справа).

Орша. Дома рабочих и служащих льно-прядильного комбината.

Автомагистраль Москва — Минск.

Витебск. Вид на центральную часть города.

не швыряли под колеса машины пыльные кепки, как это было на буйной Смоленщине. И косматые псы уже не мчались, сатанея от хрипа, вслед за проклятой машиной.

В деревнях было пусто и тихо, — повсюду копали картошку.

Мы остановились в лесной деревушке и зашли в хату попить молока. На пороге сидел на огромной железной цепи залпанный щенок. Увидев нас, он полез спастись в сени, повизгивая от страха и громыхая цепью.

В хате висели на стенах колхозные плакаты. В углу стояла почерневшая прялка.

Я тронул колесо прялки. Оно повернулось и жалобно заскрипело. И хозяйка-старуха пожаловалась, что вот уже много годов, как никто не тнет полотна, а прялками, как «ляльками», играют дети. Домотканное полотно было хотя и узкое и суровое, но очень прочное.

Сколько сказок и песен родилось под шум прялки и свист метели за окнами, сколько открылось чистой народной поэзии. Мы забываем об этом. Забываем, что и пушкинские стихи «Буря мглою небо кроет» тоже были вызваны к жизни вечерами за прялкой:

Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Давно, еще в детстве, мне почему-то очень хотелось попасть в Витебск. Я знал, что в этом городе надолго останавливался Наполеон и что в маленьком местечке под Витебском жил художник Шагал. Во времена моей юности этот художник прогремел по всей Европе своими картинами из жизни давно уже исчезнувшего затхлого «гетто». Об этом художнике много говорили и спорили взрослые.

Мне нравилась его картина «Парижмахерская в местечке». На картине были изображены кривая вывеска с пышно намыленным жгучим брюнетом во фраке, чахлый фикус и пятнистое, как ягуар, трюмо, похожее на окно в потусторонний мир, — так в нем все было искажено плесенью, развешенной зеркальную амальгаму.

Так случилось, что за всю свою жизнь я не встретил ни одного человека, который был бы родом из Витебска. Поэтому некая дымка таинственности окутывала в моих глазах этот город.

Редко бывает, что наше представление о чем-нибудь совпадает с действительностью. Но с Витебском случилось именно так.

Мы приехали в Витебск в сумерки. Закат догорал за Двиной. В позднем его огне холмистый город показался очень живописным.

В памяти осталась овраги среди города, каменные мосты над ними, старинные здания бывших като-

лических или униатских семинарий, колоннады новых домов и ослепительные огни. Нигде я не видел таких ярких и напряженных электрических огней, как в Витебске.

Но особенно был хорош Витебск вечерним оживлением своих узких и уютных улиц. В городе соединились черты запада и юга.

В Витебске мы впервые вплотную столкнулись с шоферами. Началось с того, что наша старая «Победа» с утра не заводилась. Немедленно вокруг машины собрались шоферы со всех стоявших на улице машин, и начался митинг.

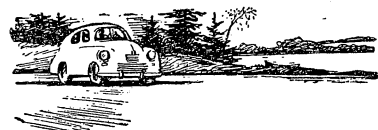
У каждого шофера была своя теория насчет того, почему не заводится машина. Одни утверждали, что «садится аккумулятор», другие — что «отказало реле», третьи уверяли, что «ток замыкает на массу», четвертые доказывали, что наверняка засорился карбюратор, пятые сомневались в исправности трамблера, шестые, молча, но презрительно улыбаясь, чистили от нагара свечи, седьмые ссылались на мистические причины («Она стоит и заведется. Это она свой характер показывает»), восьмые вообще что-то сосредоточенно щупали и крутили в моторе, пока, наконец, не пришел старый седой шофер и не сказал: «Даже ребенку ясно, что эту машину надо заводить «на прямую».

Но каждый шофер, ковыряясь в моторе, все же не преминул сказать, что, откровенно говоря, лучшей машины, чем «Победа», нет на свете. И это нас утешало.

Потом мы сообща толкали машину по главной улице Витебска под свист мальчишек. Но и это не помогло — машина не заводилась. Тогда шоферы остановили проходящий грузовик, он взял нашу «Победу» на буксир и начал неистово гонять вдоль одного и того же квартала. Тогда машина, наконец, завелась, «изрыгая (как пишут авторы научно-популярных романов) клубы белого дыма».

Нам надо было ехать, мы торопились, но шоферы не отпустили нас, пока не протерли до блеска машину и не надавали нам десятки советов.

В дороге было еще много встреч с шоферами и всяких мелких происшествий с машиной. Сейчас мне уже начинает казаться, что все без исключения шоферы северо-запада участвовали в починке нашей «Победы». При этом выяснилась одна из самых хороших черт шоферской профессии — любовь к автомобилю, как к живому су-

ществу. Каждый шофер находил по отношению к своей машине много ласковых и снисходительных слов. Были всякие машины: и «терпеливые до чорта», и «послушные», и «обидчивые», и «работяги», и «мученицы», и даже «не машины, а просто малые дети».

Н северу от Витебска начинается обширный край лесов и озер.

Я не подозревал, что в Средней России есть места такой девственной красоты и такого живописного разнообразия.

Бесчисленные и синие до черноты озера, каменные «гривы», высокие холмы, плавно поднимающие к небу шатровые вершины елей, валуны на полянах, пенные холодные реки, их шум и плеск, резкий воздух с запахом клюквы и хвои, стеклянное треньканье и пересуды синиц, маленькие деревни-погосты с милыми именами — «Соловьи», «Звонь», «Бесенята», сиянье протяжной зари над болотами и звезды в блекнувшем и как бы навсегда замолкшем небе — все это казалось нам необыкновенным, будто мы заблудились в сказке.

По сторонам асфальтовой дороги, то взлетающей по просекам ввысь, то стремительно опускающейся в овраги, было много братских могил, особенно около Невеля. Здесь шли тяжелые бои.

Могилы были завалены горами сухой хвои и шишек. Сквозь хвою прорастали белые сухие гвоздики. Они еще не совсем увяли и слабо пахли.

И невольно думалось, что солдаты, погибшие за эти поля и леса, за бревенчатые деревни и говорливые реки, лежат здесь в зернистом песке рядом с Пушкиным — нашей гордостью, нашим счастьем и любовью. До Пушкинских гор и Михайловского отсюда было уже недалеко.

В селе Пустошка мы остановились на бугре над серым озером, уходившим извилистой полосой в туман. Надо было заправиться бензином. Разговорились с двумя женщинами, спокойными, сероглазыми, чернобровыми. Должно быть, это были сестры. Они удивились, что машина пришла из Москвы («Ну и даль-то кака-ая!») и пожалели нас («Ведь это сколько же приходится ехать, мучиться в машине!»).

— Красивые у вас места, — сказал я женщинам.

— Да, здесь хорошо, — ответила женщина постарше. — Только наша Пустошка и в сравнение не идет с Алольем. Вот там прелесть!

Как доедете до Алоли, непременно остановитесь и поглядите.

Место с таким странным названием — Алоль — появилось внезапно из-за поворота шоссе. Машина пронеслась, чуть накренившись, по крутому повороту у самого края озера, и казалось, что она непременно зачерпнет темной озерной воды.

Озеро подымалось к горизонту. Оно стояло как бы чуть набок, и в нем мимолетно отразилось множество багровой листвы, желтые стены камышей и гаснущий огонь заката. Круги от рыбных всплесков превратили эти отражения в путаницу всех мыслимых красок северной осени.

Все это свергнуло и ушло, чтобы снова начали открываться одна за другой суровые колоннады корабельных лесов с их холодноватой вечерюющей далью.

Над Опочкой дул сумрачный порывистый ветер. Низкие тучи пронеслись, клубясь, над черепичными крышами. В забрызганные известкой окна гостиницы били капли дождя.

В темной прихожей гостиницы сидел на деревянном диване худой низенький старик в мятой шляпе. Он курил самодельные папиросы и читал книгу. Под потолком горела электрическая лампочка, тоже забрызганная известкой.

В гостинице только что окончили ремонт. Пахло мелом и вымытыми полами. Трещали, разгораясь, печи.

Хозяйка гостиницы со звучной фамилией Шаляпина рассказывала мне историю своей фамилии. У ее мужа, рядового сельского работника, был мощный бас. За это его прозвали Шаляпиным. Это прозвище так привилось к нему, что при выдаче паспорта милиционер ошибся и вписал в паспорт вместо фамилии — прозвище, а муж хозяйки гостиницы промолчал, — фамилия Шаляпин нравилась ему больше, чем его настоящая.

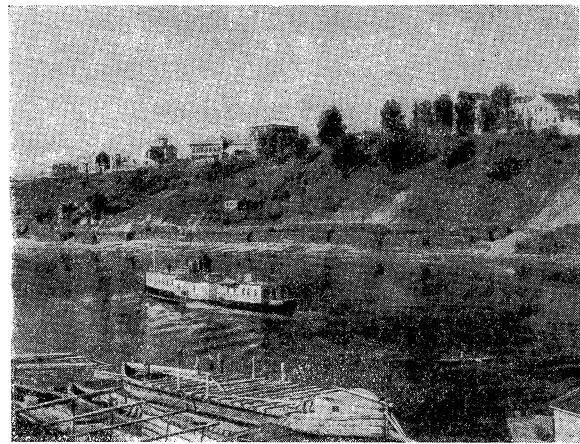
Старик в мятой шляпе оторвался от книги и сказал:

— Я слышал Шаляпина. Неоднократно. Я окончил Московскую консерваторию. По классу композиции.

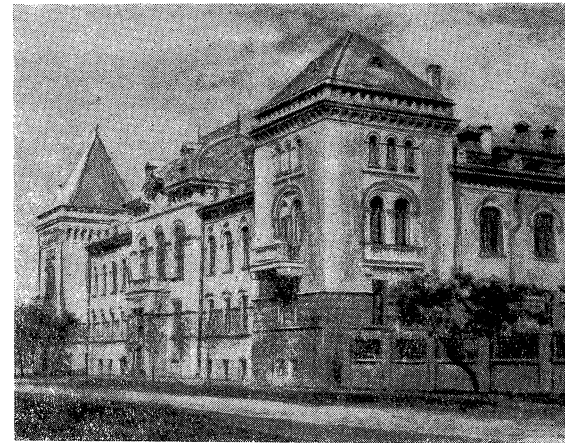
Старик снял шляпу и неожиданно запел дребезжащим, но приятным баритоном, явно подражая интонациям Шаляпина, шубертовского «Двойника».

Хозяйка гостиницы нахмурилась, но, посмотрев на меня, снисходительно усмехнулась, — ничего, мол, не поделаешь с таким постояльцем, с этим чудачком-композитором.

— Служители искусства, — сказала хозяйка, — очень какие-то вольные и всегда нарушают правила внутреннего распорядка. Просто кошмар с ними! Администрации приходится смотреть на это с поблужкой.

Западная Двина в районе Витебска.

Витебск. Здание Государственного ветеринарного института.

Берега Алольского озера.

Зачем ты повторяешь вновь,
Что пережил я здесь недавно, —
Любовь мою,
Страдания мои! —

пел композитор, сжав сухие руки и выткнув их перед собой.

В прихожую вошел человек в ватнике. От него густо несло бензином. Должно быть, это был шофер. Он подошел на цыпочках к дивану и сел рядом с композитором.

— Папаша, — сказал он композитору, когда тот перестал петь, — пойдемте-ка в столовую поужинаем.

— Нет, дружок, — усталым голосом ответил композитор, — через час у меня концерт в школе. Буду играть Чайковского и Шостаковича. Никак не могу.

Я тоже подсел к композитору, и мы разговорились.

— У меня, как говорится, ни кола, ни двора, — сказал композитор и виновато улыбнулся. — Ни жены, ни детей. Я бы мог, конечно, жить и в Москве. Но я, как видите, предпочитаю скитаться по стране и давать концерты. Вы не можете себе представить, как народ тянется к музыке. Совершенно не важно, что я зачастую получаю за концерты гроши. Вот вчера, например, я заработал десять рублей за концерт в сельской школе. Но какой прием! Какие восторженные глаза у молодежи! Иногда даже слезы! За последние два месяца я объехал почти все районные городки этой области. И многие села.

— На дорогу и то небось не хватает, — сокрушенно заметил шофер.

— Не было случая, — гордо ответил композитор, — чтобы меня не перевезли бесплатно из одного места в другое.

— И давно вы так ездите? — спросил я.

— Пять лет. И чувствую себя превосходно. Мне, как сказал поэт, немного надо: «Корку хлеба, кружку молока да вот это небо, эти облака». Вернетесь в Москву, поклонитесь от меня Большому залу консерватории.

— Если рассуждать практически, — сказал шофер, — то вы ребенок. Нельзя престарелому человеку так существовать.

— А ты не рассуждай практически, — посоветовал композитор. — Я делаю любимое дело. Тем и счастлив. Лучше приходи на концерт.

— Да уж это я приду обязательно. Вы без меня в Опочке ни разу не выступали.

Ночью над Опочкой буйствовал ветер. Дуло в окно, скрипели от сквозняков двери. Плотная тьма лежала над землей. Ее не могли отодвинуть за город даже яркие электрические фонари.

Я проснулся, прислушался к шуму непогоды, представил себе эту ночь над окрестными болотами, ощутил огромный неуют этой осени, тьмы и подумал о композиторе: как тяжело, должно быть, одинокому человеку в такую ночь.

Часы пробили шесть. За дверью кто-то прошел, потом застучал медный стержень рукомоиника в коридоре и знакомый голос композитора запел вполголоса:

Пусть плачет и стонет осенняя
вьюга

И волны потока угрюмо шумят...

И я понял, что никакие осенние ночи и никакое кажущееся одиночество не смутят этого чистого сердцем человека.

Утром мы пошли на базар и впервые рассмотрели как следует

просторный и тихий городок Опочку.

Два огромных здания времен Александра Первого стояли по сторонам мощеной площади. На крепостном валу ронял последние листья городской сад. Внизу шумела, пенясь и вытягивая в струны подводную траву, река Великая.

Через Великую был перекинут цепной мост. За мостом в лицо подуло сладковатым запахом антоновки и сосновой щепы.

Дождь прошел. Облака поднялись и поредели. Вялый солнечный свет блестел в лужах. И сладковатый и прохладный этот запах, казалось, исходил от пасмурного утра, от окружавших Опочку лесов и пустошей.

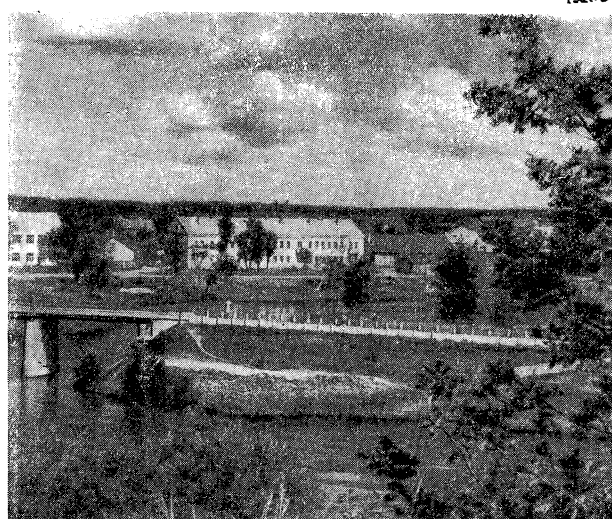
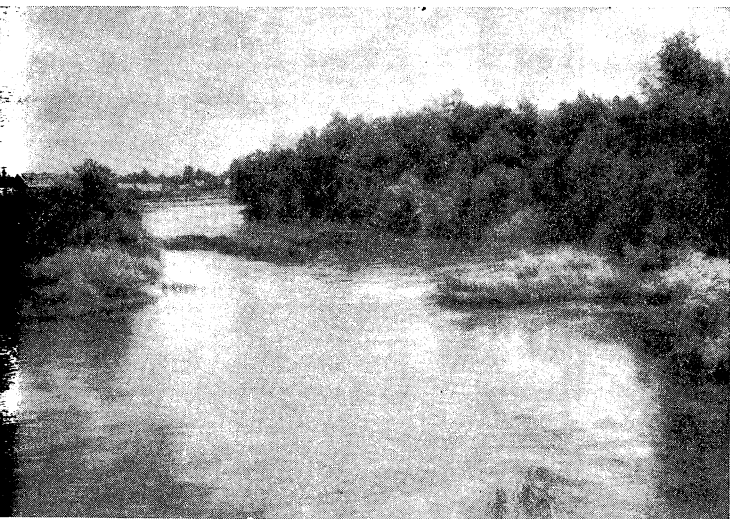
Базарные рундуки были завалены антоновкой. Яблоки были как на подбор — крупные, покрытые на выпуклостях желтизной, похожей на старый воск. Рядом с яблоками лежали горы свежего и чистого товара, который зовут «щепным», — деревянных некрашенных ложек, деревянных лопат, бабеек, грабель и плетенных из лыка лукошек. От этого товара пахло корой, подмерзшим листом, так же как и от торговавших им обветренных колхозников.

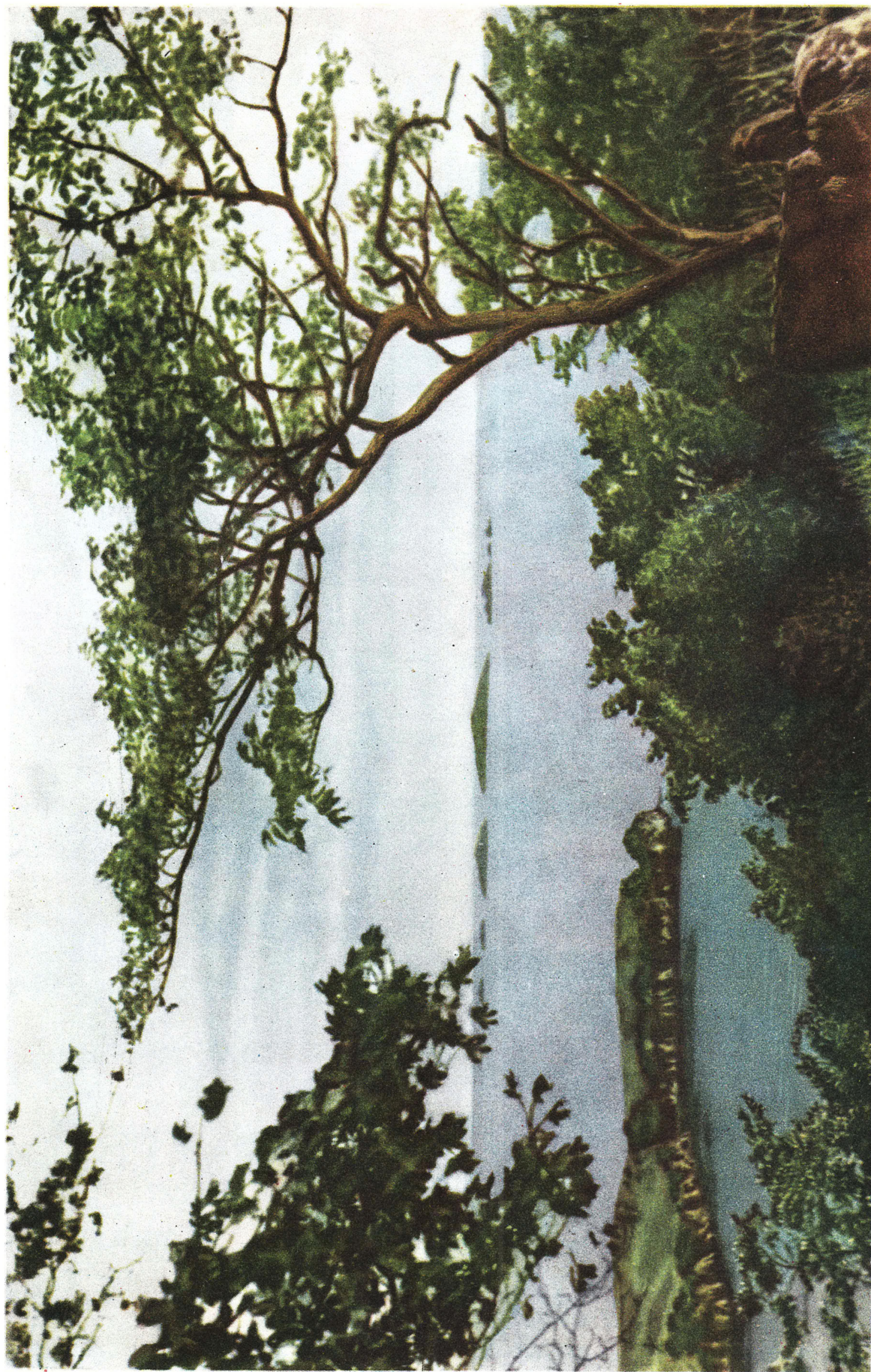
Из Опочки нас провожал шофер — приятель композитора. Он, оказывается, давно уже жил здесь. Он пригнал свой грузовик в Опочку из Мурманска, заготовлять в окрестностях Опочки сено для какой-то мурманской организации.

Шофер уже чувствовал себя в Опочке старожилом. И мы в который раз подивились способности русского человека к легкому передвижению и быстрому устройству на новых местах.

(Продолжение следует)

Река Великая у Опочки (слева). Уголок города Опочки (справа).

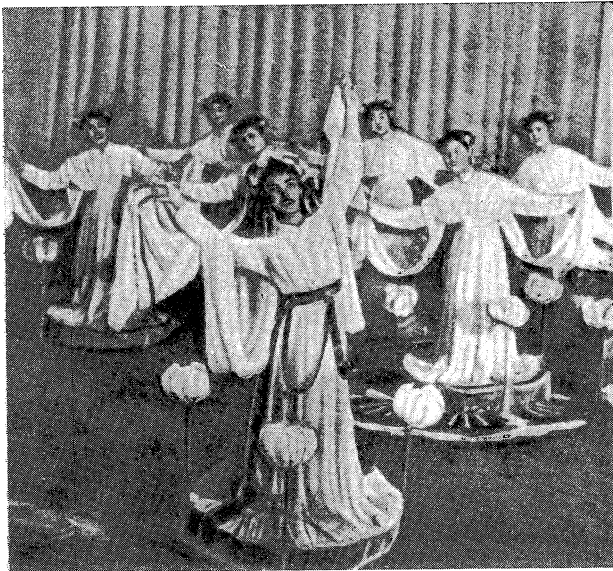
Мягкий климат Приморского края позволяет выращивать здесь пшеницу и рис, соевые бобы и сахарную свеклу. В лесах края растет до 150 видов различных деревьев и кустарников. В недрах много полезных ископаемых. Н а с н и м к е: один из живописных уголков Приморья — мыс Гамова в заливе Петра Великого.

Фото П. РУСАНОВА

«Ловля бабочки» — фрагмент из китайского танца «Сборщицы чая». Фото Д. БАЛЬТЕРМАНЦА

„Оживший цветок“

Во время пребывания театра имени Станиславского и Немировича-Данченко в Пекине китайские друзья показали московским артистам достопримечательности столицы. Повезли их и в бывший летний императорский дворец Ихэюань (Парк спокойствия).

В небольшом саду с легкими уютными беседками есть так называемый Пруд лотосов.

На тихой стоячей воде плавали большие, круглые, полуувядшие листья. Лотос отцвел. У посетителей невольно вырвался возглас сожаления: неужели они так и не увидят этот замечательный цветок?..

— Увидите, только в другом виде, — с улыбкой успокоил их один из китайских товарищей. И действительно, через несколько дней артисты увидели «Цветок лотоса» на сцене.

Перед зрителями плыли девушки-лотосы, плыли, не шелохнув корпусом, в длинных юбках, которые, расширяясь книзу, изображали листья. На них тихо колыхались цветки. Танцовщицы то собирались в общий большой хор, то разбивались на мелкие группы. Выстраиваясь в прямую линию или разбиваясь на пары, медленно приседали, будто отдыхали после долгого пути. Вдруг словно налетал неожиданно ветер и

унесил эти живые цветы сначала в одну сторону, затем в другую. Захваченные его порывом, они, потеряв друг друга, одиноко кружатся на месте. Но вот ветер пронесся, все успокаивается, и снова ровной линией, в плавном движении скользят эти замечательные цветы по тихой воде старого пруда.

Затаив дыхание, смотрели все на этот чудесный народный танец.

В этот вечер советским артистам было показано также много других красочных и своеобразных танцев.

Вот на сцену длинной вереницей, четко, в такт помахивая веерами, выходит небольшая группа девушек. Легко и плавно двигаясь по сцене, они то грациозно нагибаются, словно трогая что-то невидимое в воздухе, то снова выпрямляются. У них пестрые узорчатые передники, в руках — красные корзиночки. Девушки исполняют старинный народный танец «Сборщицы чая».

Движения их настолько естественны и ритмичны, что поневоле верится, что эти изящные пальчики действительно срывают невидимые нам чайные листья и осторожно складывают их в корзиночки.

В танце «Сборщицы чая» отражено и то новое, что вошло сейчас в жизнь китайского крестьянина:

поставив корзиночки рядом, девушки начинают проворно «собирать» нежные листья двумя руками. Раньше китайские крестьяне собирали чай только одной рукой.

Танец подходит к концу. Возвращаясь домой, девушки, широко раскрыв пестрые веера, ловят бабочек — маленьких бумажных мотыльков, которые на ниточках привязаны к этим веерам.

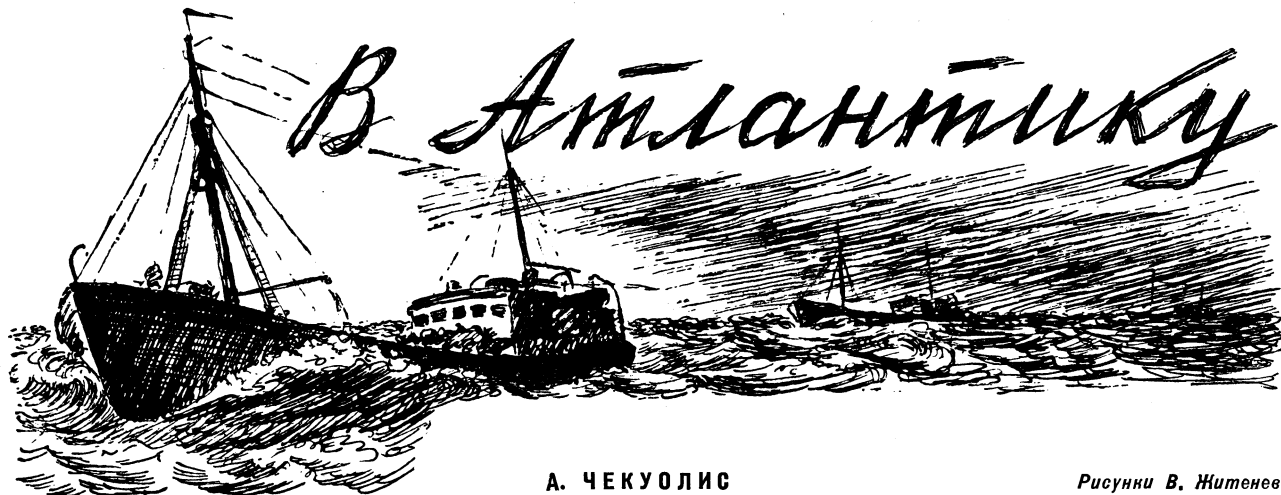
Раздается торжественная жизнерадостная музыка. Выходят высокие стройные юноши. Все необычно в их наряде: большие, не похожие на обычные китайские, шапки из лисьего меха, яркокрасные «кафтаны», контрастирующие с белыми брюками. Поверх брюк накинута короткая юбка из шкур леопарда. Это тибетцы, смелые жители горных районов Китая, исполняют свой национальный танец «Богатый урожай». В его стремительном темпе передан трудовой энтузиазм тибетского народа.

Замечателен и веселый «Свадебный танец» народности мяо, и «Танец павлина» народности тай, и танцы других народностей Китая. Все они очень красивы и изящны.

Народные танцы и песни пользуются в Китае большой любовью. Их собирают и записывают работники ансамблей, выезжающих в различные районы страны.

Китайские товарищи с радостью делятся своим опытом с советскими мастерами балета, помогают им при постановке китайских танцев.

А. ЧЕКУОЛИС

Рисунки В. Житенева
Фото С. Студенецкого

Слышали вы что-нибудь об атлантическом острове Ян-Майен, находящемся за Полярным кругом, севернее 70-й параллели? Подымается он с трехкилометровой океанской глубины, а вершина его — кратер потухшего вулкана — скрывается в облаках на высоте в 2 544 метра. Застывшие потоки лавы, черный вулканический пепел, светлозеленый мох на черных, красных и бурых берегах, круто обрывающихся в воду, ледники, медленно сползающие в море, — таков вид этого острова, на сотни миль отдаленного от ближайшей земли.

В 1633 году на Ян-Майене высадились семь голландских матросов. Они хотели доказать, что зимовка здесь вполне возможна.

Матросы благополучно пережили полярную ночь, но весной их скосила цынга. Последняя запись в дневнике сделана 30 апреля: «Чудесный ясный день. Солнце. Умираем». С тех пор, несмотря на удобные якорные стоянки, люди редко появлялись на острове.

Вечный туман окутывает остров и море вокруг. Дурной славой пользуются у мореходов эти бурные северные воды на стыке теплого атлантического и холодного лабрадорского течений, близость неизвестной и постоянно перемещающейся кромки льдов, переменчивые ураганные ветры.

В последние три-четыре года Ян-Майен приобрел большое значение для советских мореходов. Зимой и летом сотни кораблей под красным флагом бороздят Атлантику в этих местах.

ПРОБЛЕМА МНОГИХ ВЕКОВ

Рыбу всегда добывали у берегов.

На материковую отмель, полосу шириной в несколько десятков, а в некоторых местах и сотен километров, рыба приходит на нерест.

Из поколения в поколение передавался накопленный веками опыт о путях и времени миграций рыбы, о ветрах и течениях, благоприятствующих им; и все-таки история мировых рыбных промыслов — это насыщенное драматизмом повествование о внезапных обогащениях и не менее внезапных разорениях рыбацких деревень и провинций.

Так, например, на всем протяжении истории Норвегии сельдь была источником богатства страны и в то же время причиной бедствий и обнищания прибрежного населения. Подход сельди к норвежским берегам на север от Тронхеймского фьорда в некоторые годы падает в 10—15 раз. Вот тогда голод и заглядывает в рыбацкие деревни. Так же периодически, вследствие многих причин, рыба не подходила и к западным берегам Европы и Шотландии. Настоящее народное бедствие вызвало исчезновение рыбы в конце тридцатых годов у берегов Японии.

Трагичность положения прибрежных рыбаков в том, что удел их — пассивно ждать. Так, «запорный» лов сельди в Норвегии, когда рыбу наглухо загораживают в фьорде, целиком зависит от случайности: зайдет или нет рыба

в фьорды? Исследования показали, что косяки сельди заходят туда только в период приливно-отливных течений, то-есть тогда, когда волны наиболее высоки. Да и заходит-то рыба сюда потому, что путает фьорд с открытым морем. Если же в устье фьорда отмель — рыба уже не «ошибется», и рыбаки останутся без улова...

Настигнуть рыбу в океане — вот сокровенная мечта рыбаков всех стран. Не раз отдельные смельчаки пытались перешагнуть порог прибрежной полосы и выйти на океанские просторы. Но если и удавалось рыбацкому судечышку победить грозную стихию, напрасным был тяжелый труд — океанские воды казались безжизненными. Рыбаки блуждали вслепую. Сети их оставались пустыми.

Казалось, искать невидимые косяки в необозримом океане — то же, что иголку в стог сена. И все-таки люди упорно мечтали об этом. Сказания русских поморов, норвежцев, поляков, литовцев повествуют об отважном рыбаке, ушедшем в далекие моря на поиски необыкновенных рыб.

Возникновение тралового лова расширило зоны рыбных промыслов, но корабль с тралом (мешком-сетью, который волочится за судном по дну) не может «оторваться» от глубин, превышающих 300—400 метров. Отдельные участки моря, удобные для траления, беспорядочно использовались хозяевами судов, рыбопромышленными компаниями и быстро истощались. Так, близость Северного моря к портам Англии, Германии, Дании оказалась роковой для рыбных богатств этого моря. Очень скоро с промысловой карты Северного моря исчезли навсегда богатые камбальные поля. Никакие международные конвенции не могли сдержать капиталистических хищников. Еще в 1899 году было подписано соглашение о «защите»

камбалы в Северном море, но государства, подписавшие соглашение, сами же не соблюдали его.

До сих пор по каждому квадратному метру Северного моря трал проходит по нескольку раз в течение года. Здесь резко сократились запасы трески, она измельчала. Уничтожается и молодь сельди. Так, голландские промышленники ловят ежегодно 550 миллионов особей годовиков сельди для... изготовления жемчужного пата (массы искусственного жемчуга) из ее чешуи и для откорма уток. И английские, и норвежские флотилии вылавливают здесь до 6 680 миллионов штук молоди рыбы ежегодно.

Неудивительно, что рыбные ресурсы в Северном море катастрофически сокращаются. Улов пикши за день промысла на траулере, даже при значительном усовершенствовании техники, упал с 16 центнеров в 1919 году до 2 центнеров в 1936 году. В последние годы в уловах преобладает мелкая рыба: 90 процентов по весу ко всей добыче! Безжалостно выловлена сельдь датских проливов. Американские и канадские рыбопромышленники буквально ограбили некоторые банки атлантического и тихоокеанского побережий, еще недавно обильно населенные палтусом.

В то время как отдельные места материковой отмели, богатые рыбой, опустошались, громадные пространства океанов оставались неизведанными и неиспользованными.

Правда, в свое время, особенно после изобретения гарпунной пушки и применения воздушного компрессора для накачивания туш полосатых китов, просторы Мирового океана наполнились многочисленными флотилиями китобоев. Интенсивный промысел, быстро обогативший промышленников Гулля, Антверпена, Бордо, Сан-Франциско, вскоре в Атлантике замер по причине почти поголовного истребления китов.

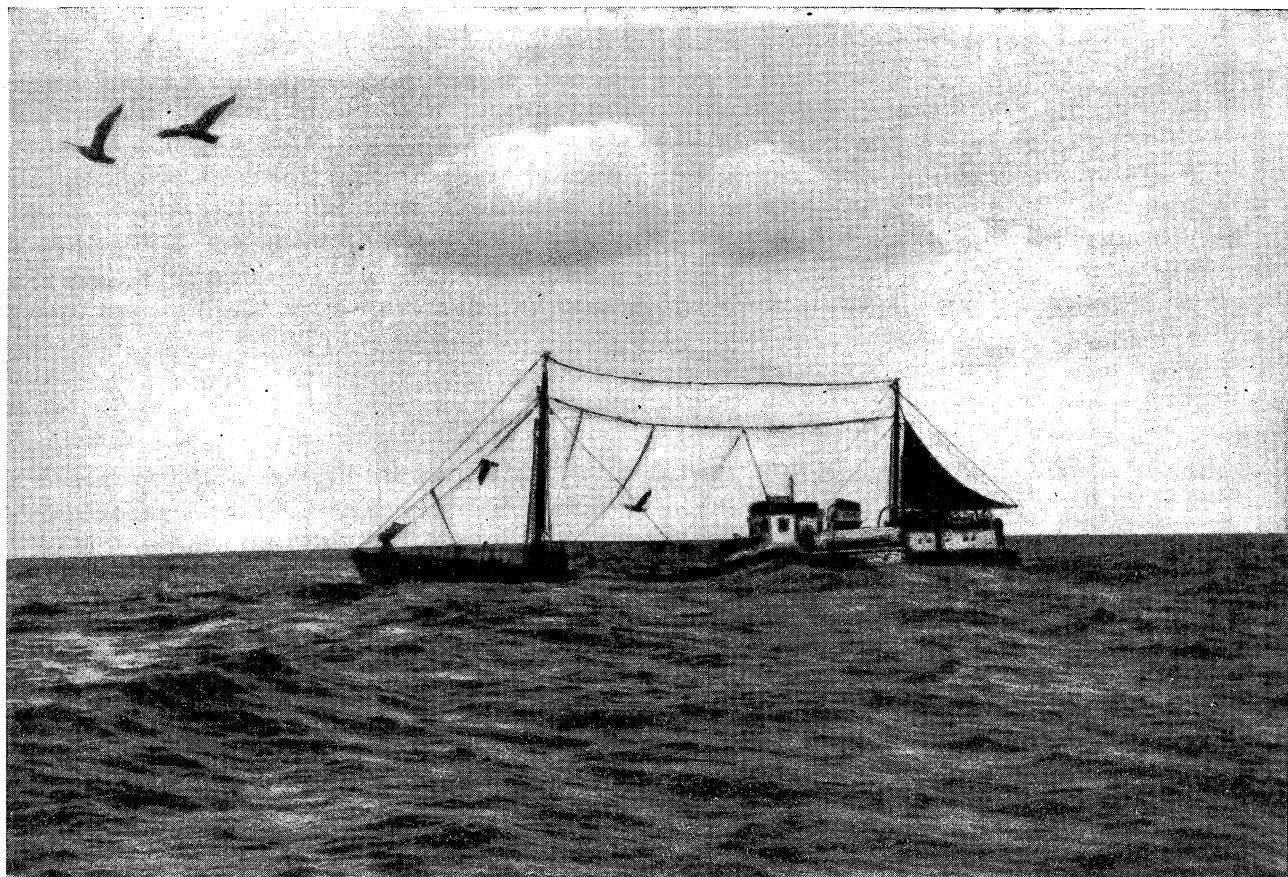
Хищники-китобои внесли очень мало в науку о фауне океанов. Ученые Запада считали, что таинственные глубины безжизненны.

НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

Каждая загадка ждет своего разрешения. И вот в 1933 году по заданию Советского правительства в море вышла Северная сельдяная экспедиция Полярного института имени Книповича в Мурманске (ПИНРО). Стране была нужна постоянная рыбная база. Изыскательские работы проводились планомерно, из года в год. В 1937 году под руководством профессора Сомова несколько научно-исследовательских судов одновременно работали в Баренцовом море, у побережья Норвегии, Исландии и в Северном море.

Первой крупной победой экспедиции было раскрытие «загадки» сельди Баренцова моря. Известно, что на всем его пространстве

Путь к Фарерским островам, где расположена якорная база советской сельдяной экспедиции, проходит по трем морям: Балтийскому, Северному и Норвежскому. На снимке: промысловое судно в пути.

встречается только молодая, незрелая сельдь. «Кольца» ее чешуи, нарастающие, как и у дерева, каждый год, показывают возраст от 2 до 5 лет. Сельди же живут до 25 лет. Раньше предполагали, что нерестилища сельди находятся в южных заливах Баренцова моря. Однако, несмотря на тщательные поиски, нигде не удавалось найти ни одной личинки или малька сельди. Не было также случая, чтобы в Баренцовом море была выловлена хотя бы одна взрослая сельдь.

Длительные поиски раскрыли любопытную картину миграции к Баренцову морю личинок-ниточек, выклюнувшихся у западных и юго-западных берегов Норвегии на банках Викингов (параллель о. Редей) и банках Лофотенских островов. Теплые струи Гольфстрима, омывающие склоны этих банок, подхватывают личинки и увлекают их на север к Баренцову морю.

Течение Гольфстрима постоянное, но медленное, и селедочки приходят к своей цели уже годовальными или даже (с более дальних нерестилищ) двух-трехлетними. В Баренцовом море они живут до наступления зрелости. Обилие пищи и относительное спокойствие превращают наш северный бассейн в своеобразный «детский сад».

Как выяснилось, созревая, сельдь уходит из Баренцова моря в океан. Но ученые проследили рыбу и дальше. Необходимо было найти те «дороги» и «тропы», по которым рыба ходит в океане.

Ветры, неодинаковые в разных областях моря, нагревание и испарение воды, воздействие Луны и даже движение Земли вокруг своей оси создают в Мировом океане мощные течения, преодолевающие тысячи миль. Эти течения переносят и обитателей моря — столь же многочисленных, как и на суше.

В толще воды мириады планктонных микроорганизмов при помощи солнечной энергии создают из морских солей и растворенных в воде газов органическое живое вещество. Здесь обитают во взвешенном состоянии бесчисленные тучи микроскопических рачков. Этот «живой раствор» морской воды является основной пищей рыбы. И вот было выяснено, что на стыке «местных» вод с приносными, на пороге двух различных температур, в результате постоянного движения воды, с глубин поднимается особенно много необходимых для питания рыб планктонных организмов. Здесь встречаются такие теплолюбивые организмы, как кашпак, лимацина ретроверза, физофора, радиолярия, и холоднолюбивые: темисто, лимацина хелицина и другие. Оказалось, что сельдь в своих нагульных передвижениях очень точно придерживается этих «порогов».

Линии стыков и представляют собой весьма точную карту нагульных миграций сельди в океане. По границе теплых и холодных вод сельдь поднимается с южных нерестилищ даже до острова Медвежьего и до Шпицбергена. Тут-то она и нагуливает жир, так как пищу находит в неограниченном количестве.

Казалось бы, что теперь все ясно и просто. Но все-таки такая карта миграции рыбы не лежит на столах у штурманов. Дело в том, что не существует еще и карты самих течений северной Атлантики. Закономерности изменений «морских рек» почти совсем не исследованы. Атлантические страны никогда не занимались этим, и моряки до сих пор пользуются нансеновской приблизительной схемой.

А трудно переоценить значение таких карт!.. Ведь оказалось, что и на обратном пути, во время хода к нерестилищам, сельдь гуще всего скопляется также на соединении теплых и холодных вод. Возможно, это объясняется тем, что рыба «мнеется», мешкает на пороге перед переходом в другой температурный режим, к которому должна еще приспособиться. Было выяснено также, что нагульные миграции сельди совершаются по течению, а нерестовые — всегда против течения.

Многие из этих столь важных открытий были сделаны позже, на опыте промыслов. Ведь вслед за научными кораблями в океан вышли советские рыбаки Мурманска и Прибалтики. Еще в 1947—1948 годах они начали промысел и выловили в океане более десяти тысяч центнеров сельди. Добыча океанской сельди была включена в государственный план СССР, что сразу же придало промыслам надлежащий размах. Крупные экспедиционные флотилии были созданы в Мурманске, Калининграде, Пионерске (Калининградской области), Клайпедде, в Карело-Финской ССР, в Ленинграде, в Латвии.

Для работы в экспедиции был создан специальный тип среднего рыболовного траулера — «СРТ». В Атлантику вышли пароходы — пловучие базы, которые принимали с траулеров рыбу. В советские порты хлынул мощный поток соленой сельди, которая под различными наименованиями — «атлантической», «полярной» — сразу же завоевала популярность среди потребителей.

ЗА ТРИ МОРЯ

...Рыбная флотилия идет в Атлантику. Уже большие сутки пароход «Новая Земля» — пловучая база Клайпедского экспедиционного флота — и несколько «СРТ» следуют по Балтийскому морю. Ближайший курс — проливы, а дальше — к нашим кораблям, работающим в океане. Море неспокойно. Зеленовато-серые балтий-

ские волны разбиваются о нос парохода и обдают всех на палубе мелкими брызгами. Если всмотреться пристально вдаль, можно увидеть четырехугольное здание маяка Дрогден у начала пролива. Все чаще и чаще появляются встречные корабли. Район пролива похож на оживленную дорогу, где встречаются корабли всех стран.

Вот, наконец, слева медленно приближается Копенгаген: голые поля аэродромов и зеленые предместья, острые шпили готических башен и высокие, современной постройки дома, обращенные окнами к морю. Набережную загромождают гигантские серебристые цистерны с марками английских и американских нефтяных компаний. Шевелятся коленчатые суставы портовых кранов.

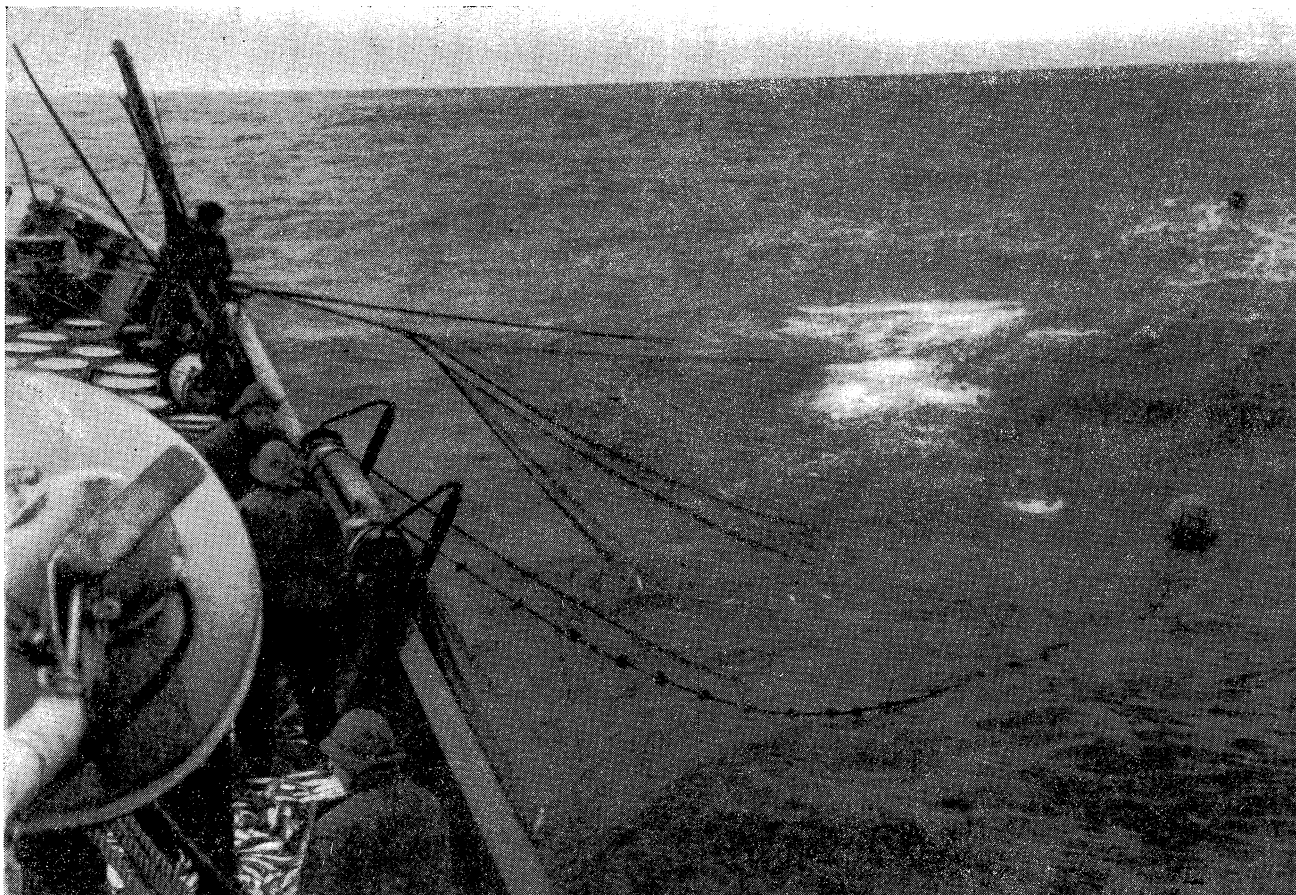
Правый, шведский берег кажется более угрюмым. Здесь дымят трубы металлургических, судостроительных заводов, фабрик.

«Новая Земля» идет дальше. Мимо проплывают города и селения — Мальмё, Ландскруна, Хельсингборг... Между шведским и датским берегами оживленнейшее сообщение. Разворачиваются теплоходы, шныряют взад и вперед катера, прогулочные яхты, медленно движется паровой паром, на палубе которого видны вагоны пассажирского поезда.

Для штурманов нашего корабля наступает горячая пора. В узком проливе очень много судов, идущих в разных направлениях, и нужно большое умение, чтобы провести корабль. Глубина в Зунде еле-еле позволяет пройти океанским кораблям: в некоторых местах приходится «ползти» по девятиметровым мелям, и бурун за кормой делается желтым от поднятого винтом песка. Кроме природных препятствий, в Зунде много креград, созданных человеком, в том числе большие минные поля. Они остались после второй и даже первой мировой войны. Но судоводители наших рыболовных кораблей хорошо освоили эти воды и проходят их без иностранных лоцманов.

Наконец проливы позади. Двое суток «Новая Земля» идет вдоль норвежских берегов. Гранитные круглые горы — «лбы», у подножия которых разбросаны белые и однообразные, как рассыпанные куски рафинада, домики.

Проходим толчею Северного моря, минуем Шетландские острова. Их свыше сотни — большие и мелкие, по большей части неприступные и необитаемые. На некоторых более крупных островах, как, например, Унст, Йелл, Мейнленд, на высоте 150—200 метров у самого морского обрыва пасутся стада овец и коров. Каменистое основание островов покрыто торфяником и мхом, в котором чернеют русла дождевых потоков.

Не всегда удается сразу обнаружить косяки сельди. С нетерпением ожидает экипаж подъема сети. На снимках: подъем сети (вверху); уборка улова во время шторма (внизу).

На Шетландских островах нет ни зимы, ни лета. Колебания температуры здесь весьма незначительны, скот пасется круглый год под открытым небом.

Острова были открыты еще древними римлянами. Угрюмый, окутанный вечными туманами архипелаг был крайней точкой их владений. Римляне поэтому и называли острова Зетландом — от «зет», последней буквы римского алфавита.

Все дальше и дальше на северо-запад лежит курс «Новой Земли». Уже третье по счету море — Норвежское — бьется волнами о борт нашего парохода. Где-то недалеко работают рыболовы флотилии.

Наконец как-то вечером впереди по курсу показались огни. Скоро их стало так много, что они заняли добрую половину горизонта. Опаловая заря стояла на небе, словно ночью над большим городом. Это была якорная стоянка баз советской сельдяной экспедиции у северной оконечности Фарерских («Овечьих») островов.

С корабля спустили шторм-трапы, и на палубу поднялись ловцы. Веселые, бородатые, в выбеленных солью ватных куртках и брюках, в сапогах из конской кожи, обтягивающих ноги до самого бедра, они радостно обнимались с приятелями, пришедшими на «Новой Земле», расспрашивали о новостях, перебирали груды писем и посылок, на ходу просматривали газеты и журналы. Привывшие за несколько месяцев промыслов к толчкам и провалам палубы своего крохотного суденышка, ловцы ходили на нашем устойчивом корабле, широко расставив ноги, странно петляя, балансируя руками, и сами хотали над собственной неуклюжестью: мол, шиньвины морские!

НА ТРАУЛЕРЕ

Меня назначили на один из траулеров, и утром мы ушли на промысел. Сзади еще долго были видны вершины Фарерских островов и город пловучих баз, подпирающих столбами дыма пепельное северное небо. Путь предстоял далекий — к 67-й параллели. Мо-

ре было беспокойно. На большом пароходе качка в пять баллов почти незаметна, а траулер наш иногда совсем проваливался среди волн. Длинное узкое суденышко взлетало с волны на волну, вздымая при этом тучи водяной пыли. От резкого толчка с непривычки внезапно теряешь равновесие, руки судорожно ищут опоры, но палуба вдруг выравнивалась. Не успеваешь, однако, перевести дыхание, как она тотчас же опять отрывается от подошв, словно проваливается... Корабль скользит по склону волны, сильно накренивается носом, чтобы принять удар, от которого вздрагивает весь его корпус, и в облаке пены опять взлетает вверх.

Так мы шли двое суток. От пляски по волнам у меня кружилась голова. Мне, новичку, казалось удивительным, что матросы без видимого затруднения рабо-

тают на этой зыбкой палубе. Они деловито и точно скрепляли краями сети, полученные на «Новой Земле», перегружали трюмы, в опеределенные часы собирались в кают-компанию, где кок уже расставлял ужин или обед.

— На «СРТ» — это еще что! Его водоизмещение четвереста тонн, — успокаивали меня бывалые моряки. — Мы сюда раньше на сейнерах ходили, у них водоизмещение двести девяносто тонн. Вот это была пляска! И то привыкали понемногу...

Действительно, средних размеров траулер — замечательно сконструированный корабль. Относительная легкость судна, плоский форштевень, прекрасная остойчивость позволяют ему безбоязненно переносить любую бурю. На нем имеется все для удобства мореходов: уютные каюты и кубрики, сушилка, просторный камбуз, помещения для больших запасов горючего и воды и даже парная баня.

Скоро я привык к качке и, когда мы пришли в назначенный квадрат моря, смог наравне со всеми приступить к работе.

ОКЕАНСКИЕ ПРОМЫСЛЫ

Суда промысловой разведки, оборудованные гидролокационными установками и эхолотами, сообщили, что сельдь, уходящая на юг крупными косяками, пересекает 67-ю параллель у 06° восточной долготы. Стояла вторая половина октября, следовательно, сельдь приближалась к местам нереста.

Поисковых судов на месте мы не нашли, так как они уже ушли обследовать другие районы. Мы сами измерили температуру и, найдя подходящий перепад (от 8,5° до 7°), выметали сети. Для выметки сетей застопорили машину, подняли кливер (косой треугольный парус впереди фок-мачты) и, когда судно получило разбег, стали бросать за борт сети, соединенные между собой концами. Резиновые надувные камеры-буи с одной стороны и тяжелое грузило «вожак» — с другой мгновенно расправляли жгут сетей. Море на глубине 30 метров — по длине веревки, идущих от плавающих на поверхности буев к верхнему краю сетей, — оказалось перегороженным стеной в 14 метров высоты и 5 километров длины.

Утром мы с нетерпением выбрали сети, но они оказались пустыми — рыбы не было. Может быть, она ушла к югу?

Наш траулер сделал пробег на юг, но и здесь в сетях ничего не оказалось. Тогда мы прошли 60 миль к северу, подались на восток, повернули на запад — рыба исчезла!

Тревожные сообщения поступали с баз — очередь рыболовных судов «рассосалась», сдавать было нечего, и базы простаивали.

Некоторые капитаны попробовали опустить сети на большую глубину — в 50—70 метров. И вот тут-то в сети неожиданно стала попадаться сельдь.

Это казалось почти невероятным — ведь на такой глубине температура воды весьма низка: 3,5—4 градуса. Может быть, откормившись за лето, сельдь спустилась в спокойные холодные слои для созревания икры и молок? Еще одна загадка для пытливого ума. Как бы там ни было, весь октябрь и ноябрь сельдь почти не перемещалась, и мы вылавливали ее в большом количе-

стве. Если бы все промысловые суда были оснащены эхолотами, эта тайна была бы выяснена значительно раньше.

Январь и февраль прошли в преследовании сельди.

Мы промыслили на нерестилищах, расположенных вдоль Норвегии от параллели Кристиансунда до параллели Бергена. Почти каждый день палуба нашего судна была завалена крупной жирной сельдью. Бывали случаи, когда за сутки наш траулер засаливал до 600 центнеров...

Мы избороздили все пространство северной Атлантики. Несколько раз стояли в фьордах Фарерских островов и подружились с жителями этого отдаленного уголка земного шара — простыми рыбаками, китобоями, птицеловцами. Тысячи птиц населяют западные и северо-западные берега островов. Мясо и яйца этих птиц являются важным подспорьем в жизни населения. Хотя все скалы на Фарерах одинаково годны для гнездования, птицы выбрали эту сторону потому, что здесь преобладают западные и северо-западные ветры. Птицам, видимо, легче взлетать против ветра с крутых откосов, легче в шторм возвращаться к гнездам.

Исполинские черные базальтовые стены, почти отвесно поднимающиеся из моря на громадную высоту, кажутся совершенно неприступными. Однако рассказывают, что на отдельных островах в год ловят до 14 тысяч морских птиц — глупышей, пuffedинов, кайр, олушей и других; собирают десятки тысяч яиц.

Ловля проводится вдвоем. Для этого ловцы подходят к скалам морем на лодках. На легкой доске, прикрепленной перпендикулярно к длинному шесту, один поднимает другого на уступ, а затем и сам при помощи веревки, которой оба птицелова связаны, поднимается туда же. Птицеловы без обуви, одеты в шерстяные чулки специальной вязки. Переползая с уступа на уступ по отвесной стене, которая снизу кажется совершенно гладкой, они забираются на головокружительную высоту: люди на ней кажутся точками. Птиц ловят сачком, прикрепленным к длинному пруту, и сбрасывают вниз, в море, где их подбирают ловцы, оставшиеся в лодке.

По существующему обычаю, птицелов, отправляющийся на промысел, торжественно прощается со всей родней и селом. По скалам лазают опытные промысловики, и все-таки ни один год не обходится без смертельных случаев. Птицеловы часто разбиваются об острые скалы — фьеллы.

Существует и другой способ ловли птиц, не менее опасный. Человека спускают с тысячефутовой высоты в плетенной из шерсти «беседке». Ловцы, остающиеся наверху, скоро теряют товарища из

виду и получают от него указания лишь с помощью сигнальной веревки. Требуется не только привычка, но и высокое искусство, чтобы, отталкиваясь ногами от скал, не закружиться в воздухе, не разбиться об острые выступы. Нередки случаи, что веревка стаскивает камни и они падают на голову смельчачу, а иногда веревка и обрывается.

На Фарерах большое значение до сих пор сохранил прибрежный китовый и дельфиновый промысел. Однажды во время стоянки в фьорде мы наблюдали охоту фарерцев за дельфинами-гриндами. Четыре моторных вельботы пытались загнать стадо этих крупных черных дельфинов на отмель, но, несмотря на производимый ловцами шум и камни, которыми в них кидали, они прорывались — слишком редка была цепь вельботов.

На помощь фарерцам пришла калининградская пловучая база «Тунгус». Пароход занял центр наступающей цепи, нашему траулеру было приказано встать на левый фланг.

Фарерцы, мгновенно поняв маневр, заняли правую сторону и загаргунили всех дельфинов. Долго они кричали нам слова благодарности, радостно подбрасывали в воздух шалки. Им было за что благодарить. Ведь крупная добыча обеспечивала им пищу и топливо на всю зиму.

Фарерцы — потомки древних норманнов. Зброшенные на островки в середине Атлантики, они до сих пор не имеют письменности на родном языке. Как удивлялись, узнав об этом, члены нашего экипажа — мордвин Лукьянов и каракалпак Ахундашев!

...В марте вслед за уходящей рыбой мы поднялись по Гольфстриму на север до 68-й параллели 09° восточной долготы, описали большую дугу и все лето промыслили в завихрении западной ветви Гольфстрима, омывающей Ян-Майен. Здесь долго жирует сельдь. Все это время около крутых берегов острова стояли пловучие базы «Атлантика», «Памяти Ильича», «Антарктика», «Советская Арктика» и другие; рефрижераторы «Налининград», «Медведица», корабли торговых пароходств, пришедшие принять груз

непосредственно на промыслах, — «Томск», «Смоленск».

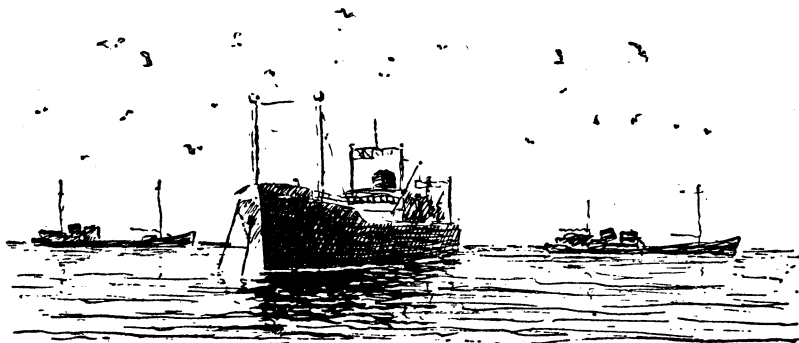
Только в августе началась постепенная миграция сельди к югу, ближе к нерестилищам. Сельдь дружно шла против течения по западным краям — бровкам ветвей Гольфстрима. Но в это время наш траулер уже находился в Клайпедском порту, ремонтировался.

В течение 1953 года было выловлено советской сельдяной экспедицией в Атлантике более миллиона центнеров. Однако здесь много еще нетронутых рыбных богатств. Все пространство океана, от Шпицбергена до Англии, от Норвегии до Исландии и Гренландии, заполнено стайками и косяками сельди.

Совершенствовать технику поисков и добычи сельди, изучать законы ее поведения так, чтобы всегда находить максимальные ее скопления, — вот задача, над решением которой трудятся в далеком океане сотни советских людей — капитанов, штурманов, ученых. Простор для их работы широчайший. Как помог бы им, например, атлас течений северной Атлантики, о котором говорилось выше! Его составить можно — достаточно поднять все судовые журналы рыболовных траулеров за пять-шесть лет, ежедневные штурманские записи. Ученым, обслуживающим этот новый обширный район, предстоит много сделать, выяснить сотни «что» и «почему», которые ежедневно возникают в практике работы...

...Когда эти строки были уже написаны, пришли вести с Тихого океана. Здесь тоже ведутся широкие изыскательские работы в открытом море. Уже установлена возможность массового лова тихоокеанской сельди, многих видов лосося, ценной рыбы — тунца. Ждут своей очереди просторы Антарктики, океаны, омывающие берега Южной Америки, Африки, знойные пространства Индийского океана. В глубину этих вод никогда еще не всматривался глаз опытного промысловика открытых морей.

«Голубая» целина полна еще неоткрытых богатств. Благороден труд покорения океанских просторов во имя подъема благосостояния Родины.

ДАР РЕКИ ИНД

М. ВИКТОРОВ

В НИЗОВЬЯХ РЕКИ

Ранним осенним утром, когда еще не спала ночная прохлада, а легкий морской бриз не совсем разогнал слабый туман, мы покинули Карачи — столицу Пакистана. Отсюда единственная шоссеная дорога идет вначале на восток, затем строго на север, пересекая провинции Синд, Западный Пенджаб и Северо-Западную пограничную провинцию, и заканчивается в пункте Турхам, на границе с Афганистаном.

Сразу же за городом начинается полупустынная местность, покрытая верблюжьей колючкой да огромными кустами ветвистого кактуса. В отдалении виднеется цепь невысоких округлых гор.

Изредка проезжаем небольшие селения, тянущиеся вдоль шоссе. Дома в них притиснуты друг к другу, образуя сплошную стену. Над первым этажом, сложенным из камня, нагромождены всякого рода легкие надстройки из глины и тростника, в них живут летом. Балконы вторых этажей домов почти соприкасаются, они похожи на перекидные мостки. Улицы крайне узки и извилистые. На некоторых из них не могут разминуться два навьюченных осла.

Такая скученность объясняется тем, что земля здесь очень дорога. Нередко несколько семей строят себе общее жилище. Люди стремятся сделать дом как можно выше, — только воздух налогами не облагается.

В селениях Нижнего Синда на плоских крышах домов стоят наискось срезанные трубы. Это ветроуловители. Свежий морской бриз проникает через эти трубы в дома и охлаждает воздух.

Неожиданно на возвышенном бе-

регу протекавшего когда-то здесь Инда перед нами возникли руины древнего города Татты. Три-четыре века тому назад Татта была столицей могущественного синдского государства, которое неоднократно подвергалось нашествиям арабов, персов, афганцев. Это привело к разорению и гибели государства и его столицы.

Сохранившиеся памятники свидетельствуют о высокой культуре народа, когда-то здесь жившего. Фасады зданий облицованы плитами из песчаника красноватого цвета. У входов стоят массивные мраморные колонны с вырезанными на них замысловатыми узорами; лилии, розы составлены из шлифованных кусочков мрамора различных цветов. Окна и двери расположены так, чтобы сквозняк пронизывал помещение в любом направлении, откуда бы ни дул ветер.

Невдалеке от развалин старого города раскинулись болота. В зимнее время сюда слетаются стаи уток, гусей. Здесь на небольшой возвышенности расположился современный город Татта. От селений он отличается только обилием деревьев: фикусов, пальм, акаций. Те же двухэтажные глиняные жилища, те же узкие

извилистые улицы, те же ветроуловители, та же грязь и пыль. Жители города занимаются в основном сельским хозяйством, и лишь немногие — торговлей или обслуживанием шоссеной дороги.

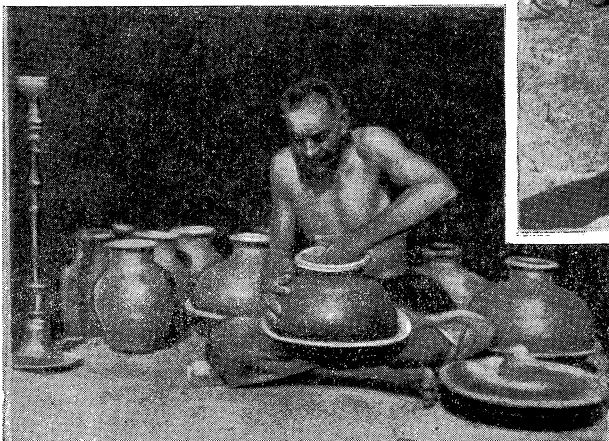
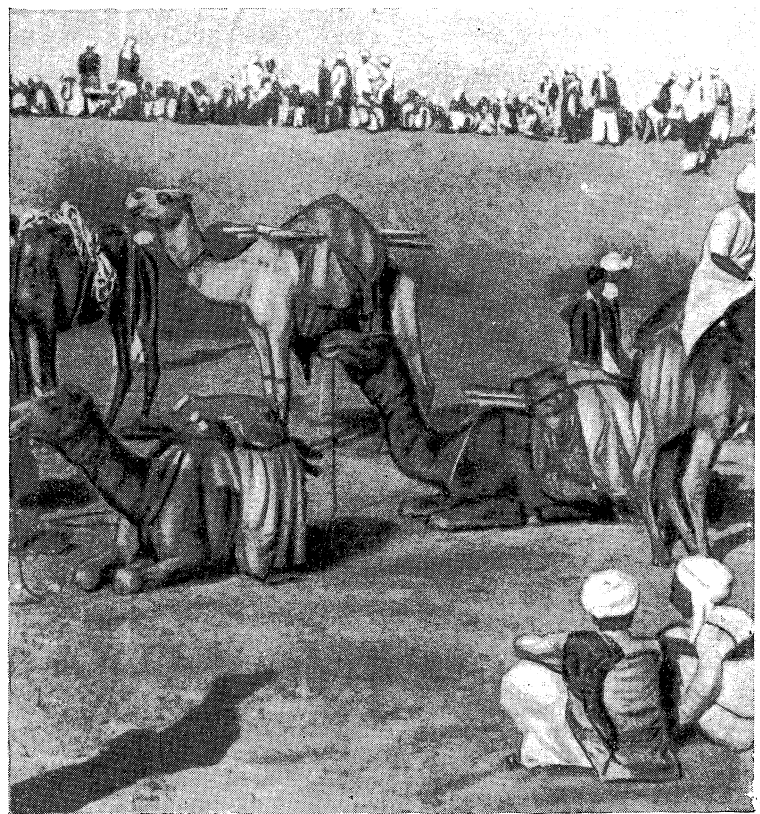
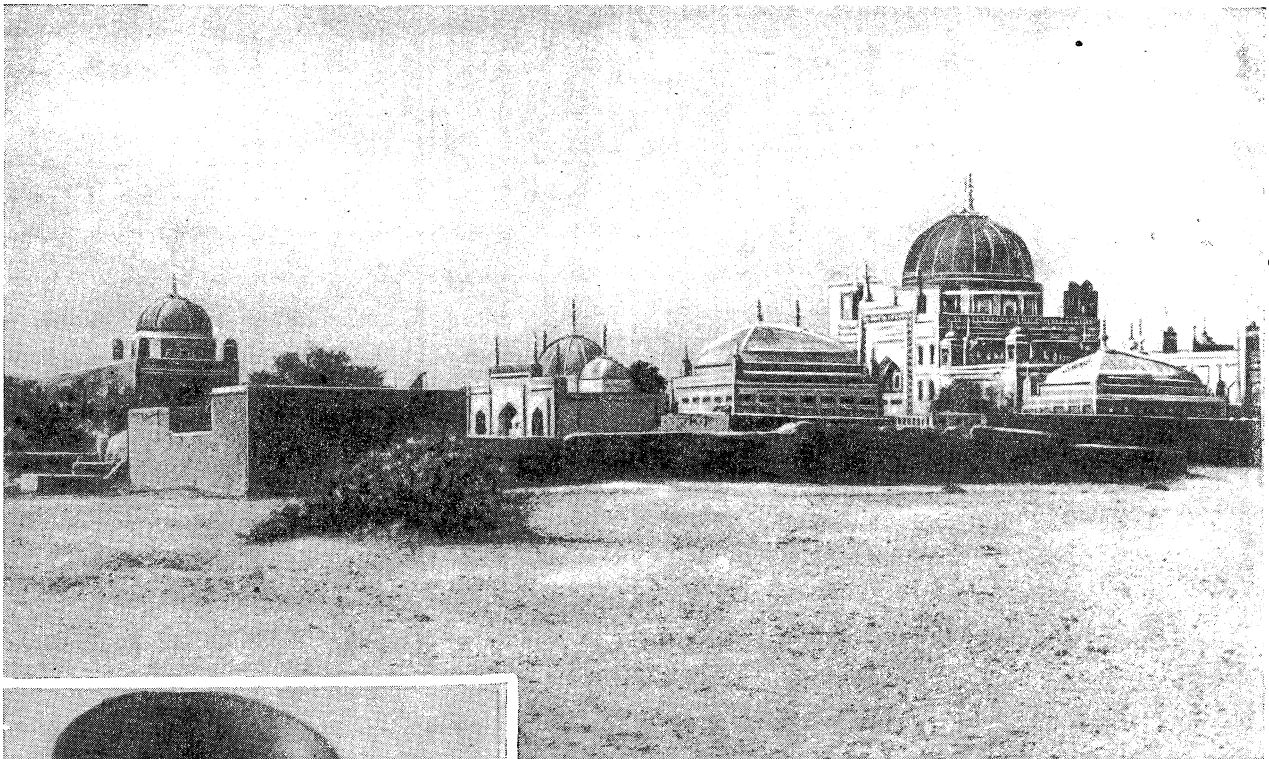
За Таттой сворачиваем с шоссе на проселочную дорогу. Она ведет к Инду. Кое-где среди поросших камышом болот виднеются кукурузные поля.

Вот машина взбирается на высокую зигзагообразную дамбу, и перед нами открывается широкий мутный Инд. Вдоль его берегов тянется узкая полоса леса.

У переправы оставляем машину и на плоскодонке спускаемся вниз по Инду. Лодка устроена необычно. Нос острый, сильно вытянут вперед и нависает низко над водой. Корма же, наоборот, очень поднята. На ней укреплен руль — широкая и длинная (3—4 метра) доска. Лодка сидит в воде на глубине в 25—30 сантиметров и движется с помощью единственного весла.

Инд круглый год несет с собой огромное количество ила, оседающего в дельте. По реке безопасно могут плавать лишь плоскодонные баржи и мелкосидящие речные колесные суда.

Карачи. Одна из главных улиц.

Королевские гробницы в Хайдарабаде. Крестьянская девочка. Караван на отдыхе. Пакистанский гончар.

Чем ниже мы спускаемся по реке, тем отчетливее видны озера, деревушки, дороги среди кустарников. Нам кажется, что река постепенно поднимается. В действительности понижается прилегающая к ней местность. На некоторых участках река течет на 20 метров выше нее.

Все острова, берега рукавов и озер в дельте поросли густыми вечнозелеными мангровыми зарослями.

Мы долго путешествуем по реке и только через шесть часов возвращаемся к переправе. Здесь мы снова садимся в машину и направ-

муссонных дождей превращается в бурную водную лавину, сметающую все на своем пути.

В ХАЙДАРАБАДЕ

Мы переезжаем через самый большой мост на реке Инд. По нему проходят шоссейная и железная дороги, связывающие северные провинции Пакистана с крупнейшим портом страны — Карачи.

Сразу за мостом начинаются пустыри, узкие улицы, застроенные мазанками, — пригороды Хайдар-абада.

Ветры, дующие из пустыни Тар, расположенной к востоку от города, несут с собой массу пыли, которая даже в безветренные дни тучей стоит над ним. Кажется, что Хайдар-абад окутан туманом. Пыль лежит на тротуарах, на окнах и карнизах домов, на листьях деревьев, на одежде людей.

На тротуарах главных улиц, на площадях, у подъездов общественных зданий расположились ремесленники со своими орудиями производства. Здесь они заготавливают основу для выработки ткани на ручном станке, сучат веревки, плетут корзины, выделывают броши, шкатулки, мундштуки из слоновой кости, пепельницы из бронзы. Делают вручную сигареты, пишут письма и прошения, печатают на машинке... И все это под открытым небом, на улицах.

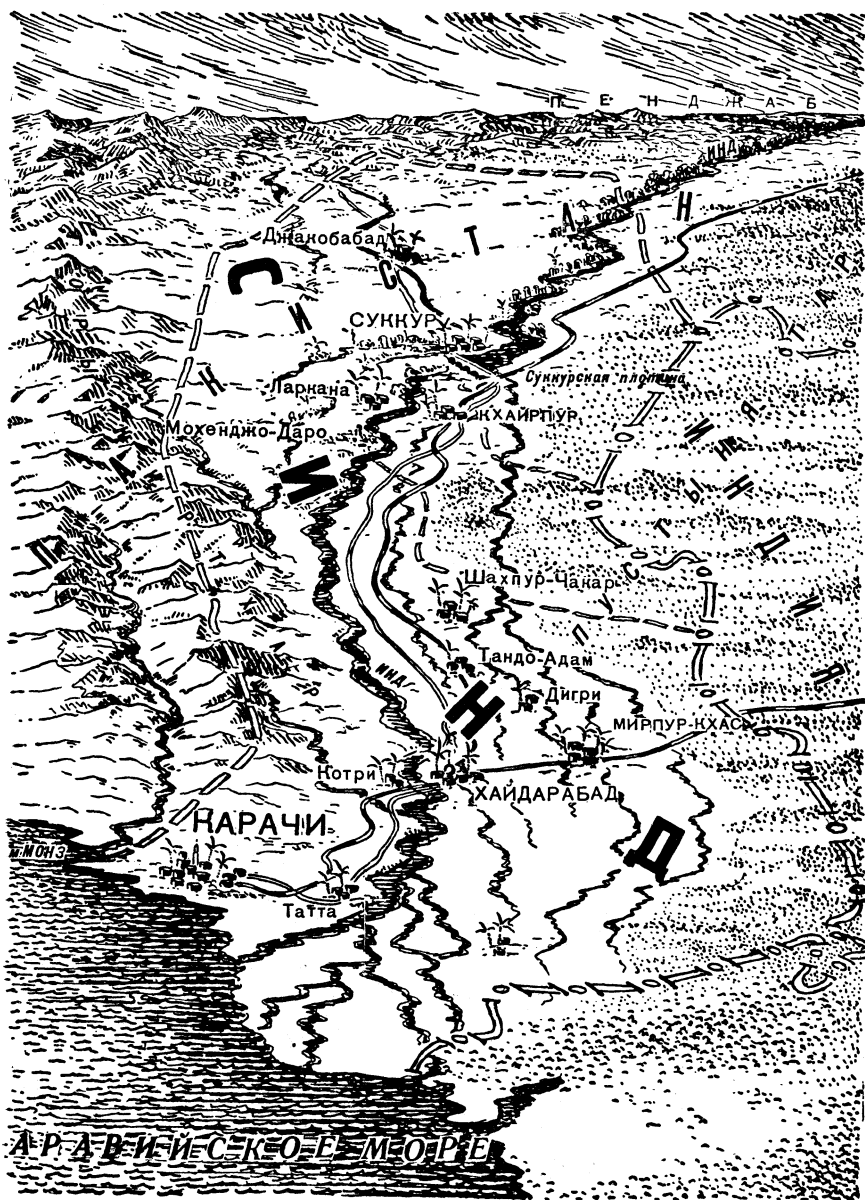
На одной из площадей мы увидели огромную толпу людей. Они были похожи больше на крестьян, чем на городских жителей.

Пожилой человек с редкой седой бородкой, в старой, заплатанной домотканной рубашке и шароварах тяжело поднялся с камня и сказал нам:

— Разве саибы не знают, что здесь находится биржа труда? Все, кто ищет работу, идут сюда, регистрируются и ждут, когда подвернется хоть что-нибудь. А работы все нет. Посмотрите, сколько желающих получить ее. Все эти люди из разных деревень. Помещики не дают им землю в аренду. Некоторые из них уже более месяца ждут работы. Вы, саибы, наверное, из Карачи? Не слышали там, когда будут давать землю крестьянам?..

Неподалеку от площади находится городской базар. В многочисленных небольших лавках и прямо на земле разложены изделия кустарей: гончарная посуда, цветные ткани, статуэтки из дерева, куски самодельного мыла... Промышленных товаров почти не видно.

В Хайдарабате имеются цементный, стекольный, хлопкоочистительный и металлообрабатывающий заводы. До раздела Индии на металлообрабатывающем заводе изготавливались мотыги, лопаты, слесарные инструменты, некоторые запасные части к автомашинам. Но сейчас производить эти товары из английского сырья очень дорого, поэтому завод

Карта провинции Синд.

Вдоль берегов тянутся высокие и длинные земляные валы, защищающие поля от разливов. По валам проложены автомобильные дороги.

Наша лодка проходит то по широким плавням, то по узким с быстрым течением рукавам, обходит большие и малые острова, над которыми с криками носятся тучи диких уток, прилетающих сюда на зиму из Сибири.

Въезжаем в город Хайдарабат, считающийся столицей Синда. На деле правительство и законодательные органы провинции находятся в Карачи.

Въезжаем на мост, перекинутый через реку Баран. Ее русло огромно, но сама она — небольшой, извивающийся среди камней ручей. Это единственный крупный приток Инда в провинции Синд. Летом во многих местах река пересыхает, но во время

перешел на изготовление... медных браслетов.

В цехе окончательной отделки в три ряда стоят точильные колеса. За каждым из них на полу сидит точильщик, напротив него — подмастерье, мальчик лет десяти. Он подает мастеру заготовленное кольцо, тот обтачивает его, шлифует и бросает ученику, который нанизывает уже готовые браслеты на веревку. За работой наблюдает надсмотрщик. Он все время прохаживается между рядами с записной книжкой в руках. В нее он вписывает сумму штрафа. Толчок рукояткой плетки в плечо рабочего означает, что он оштрафован.

На заводском дворе мы увидели огромную кучу бледнозеленой глины. Десятка три подростков лепили небольшие брикеты, складывали их на доски и выставляли на солнце для сушки. Нам объяснили, что эти брикеты заменяют бедному населению мыло, а также мазь для лечения ушибов и ран.

Хайдарабад производит впечатление запущенности. Мы нигде не видели строящегося здания, если не считать нескольких домов купцов; зато часто попадаются разваливающиеся постройки, приходящие в негодность каналы, огромные выбоины на улицах, наполненные грязной водой.

«ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА»

Через полчаса езды от Хайдарабата в восточном направлении мы неожиданно оказываемся в самой настоящей пустыне с движущимися песками.

Во время подъема на одну из небольших возвышенностей автомобиль наш застревает. Шофер делает несколько попыток рывками преодолеть препятствие, но задние колеса уже по ступицы зарылись в песок.

Наконец машина снова становится на относительно твердый грунт, и мы начинаем спускаться в узкую зеленую долину, тянущуюся с севера на юг между двумя высокими песчаными холмами.

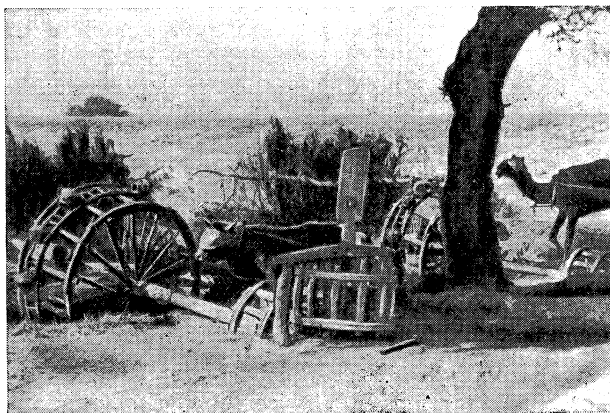
В долине разбросано несколько небольших деревушек, через которые протекает безыменная речка, дающая воду полям. Здесь зеленеют участки риса, растут огромные деревья, преимущественно шелковица, листья которой идут на выкормку шелковичных червей. Сушеные плоды этого дерева иногда являются единственной пищей крестьян.

Останавливаемся в деревне Тандо. Дома огорожены серыми полуразвалившимися заборами из глины. Вдоль пыльных улиц, под густой тенью деревьев, в канавах монотонно журчит вода.

Несмотря на страшную жару, улицы полны народом. Под деревьями и у канав расположились целые семьи. Возле каждой семьи лежат свернутые постели, а кое-где рядом стоит и ослик — единственное богатство крестьянина. Все это люди, согнанные помещиками с земли.

В Синде почти вся земля принад-

Устройство для поливки полей.

лежит помещикам, которые сдают ее в аренду. Арендаторы делятся на две категории: постоянных и временных. Разница между ними лишь в том, что согласно закону постоянного арендатора помещик не может самовольно, без решения суда, согнать с земли, тогда как временный в любую минуту может лишиться ее.

В последнее время резко усилилась борьба крестьян за землю, и правительство вынуждено итти на проведение так называемых «земельных реформ». По проекту такая «реформа» временным арендаторам, обрабатывающим один и тот же участок земли в течение трех лет, предоставляет права постоянных. Проект стал известен помещикам, и они

срочно начали согнать временных арендаторов с земли. К моменту провозглашения «реформы» в провинции не оказалось ни одного временного арендатора.

Когда мы уже садились в машину, к нам подошел один из крестьян в серой рубашке и коротких белых штанах. Он несмело спросил:

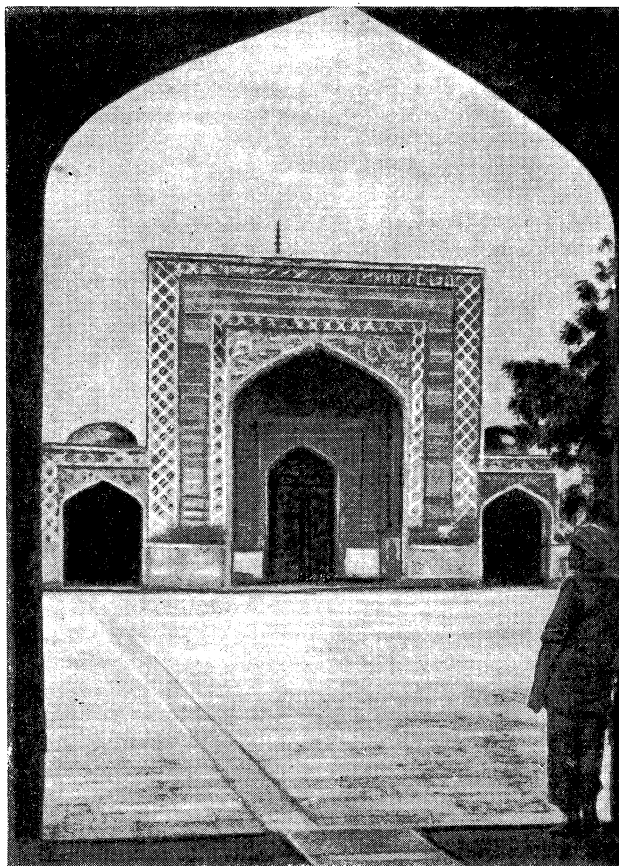
— Ничего не слышно, когда будут давать крестьянам землю?..

Все тот же вопрос! Его задавали нам везде...

УРОК ГЕОГРАФИИ

Мы снова в пути. По дорогам неизвестно куда бредут люди. У колодцев толпятся изможденные путники. Верблюды тащат канат, другой конец ко-

Вход в мечеть Шах-Джехан в городе Татте, бывшей столице Синда.

торого опущен в колодец. Деревянная бадья с водой появляется на поверхности, лишь когда животное отойдет от колодца на 250 метров.

В селении Дигри останавливаемся у здания школы. Оно ничем не отличается от убогих глиняных крестьянских хижин. В классной комнате нет никакой мебели. Лишь два фанерных ящика, один на другом, стоят у стены. Это «классная доска». На тростниковых цыновках сидят ученики.

Вечером за чашкой чаю мы долго разговаривали с учителем.

Его зовут Асадулла Хан. Он окончил географический факультет педагогического института. В поисках куска хлеба Асадулла Хан исходил

Но великая индийская пустыня Тар наступала на Синд. Хакра оказалась засыпанной песками, а значительная часть провинции превратилась в бесплодную пустыню. Сейчас вся восточная часть Синда покрыта песчаными дюнами, тянущимися с северо-востока на юго-запад. Между ними лежат плодородные ложбины. Их орошают водой из Инда.

К западу от реки Инд, делящей провинцию почти пополам, лежат невысокие горы Киртхар, которые в районе Хайдарабада подходят почти вплотную к Инду. В них много горячих минеральных источников, которые остаются неисследованными.

него обихода говорят о том, что здесь жили люди высокой культуры. Они имели свою письменность и стандартные меры длины и веса, обжигали глиняную посуду и покрывали ее красивым орнаментом, делали из бронзы орудия производства, занимались ваянием, изготавливали оригинальные и красивые украшения из золота, серебра и слоновой кости, выделывали из хлопка ткани...

Город распадается на две обособленные части: нижнюю и верхнюю. Его прорезают прямые улицы, пересеченные такими же ровными перпендикулярными улицами. Они образуют правильные кварталы длиной в 350 и шириной в 250 метров.

Там, где Инд подходил к городу (сейчас река отошла в сторону), стояли массивные высокие стены из обожженного кирпича. Они служили защитными дамбами при подъеме воды в реке. Неподалеку сохранились фундамент и невысокие стены огромного зернохранилища. Раскопаны основания общественных зданий, бассейны для купанья.

СУККУРСКАЯ ПЛОТИНА

Покинув развалины древнего города, мы вскоре оказываемся в долине крупнейшего оросительного канала, так называемого Центрального рисового, берущего начало у Суккурской плотины.

На многие километры тянется ровная как стол местность. Плотной стеной стоит созревающий рис на помещичьих полях. На участках крестьян рис низкий, чахлый и редкий. Эти поля не знают удобрений и машин, а воды они получают значительно меньше, чем помещичьи.

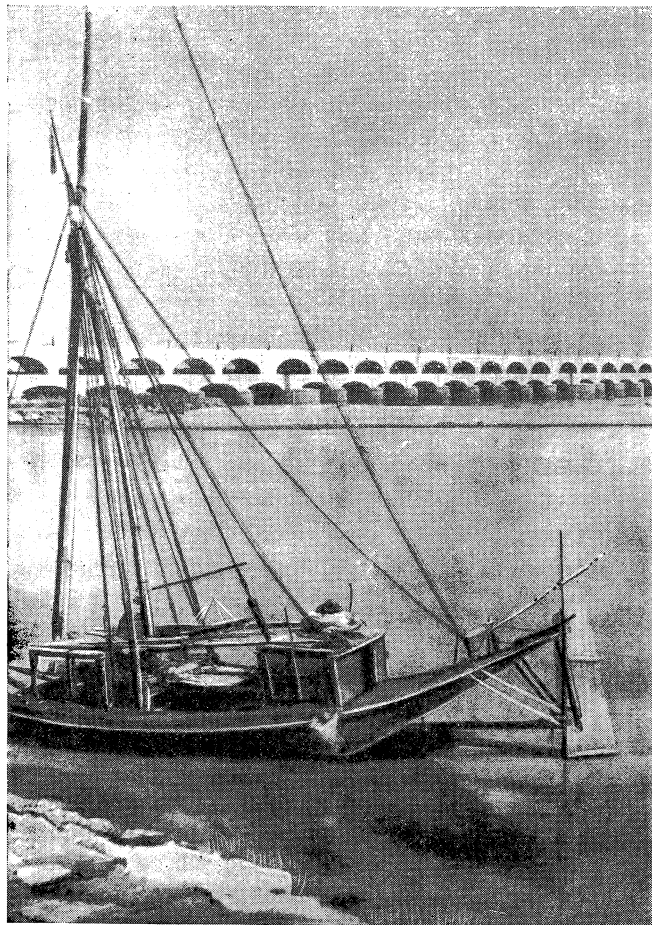
Еще до недавнего времени весь этот огромный район представлял собой бесплодную пустыню, несмотря на то, что почва, образовавшаяся в результате отложения ила во время разливов Инда, очень плодородна.

Освоение пустыни началось в 1932 году, после введения в строй крупнейшего на всем полуострове ирригационного сооружения — плотины через Инд у города Суккур.

Вскоре мы увидели ровную железобетонную плотину длиной в полтора километра. От нее отходят шесть мощных оросительных каналов — по три с каждой стороны. Они тянутся на сотни километров на юг и орошают более полутора миллионов гектаров земли.

К северу же от плотины — по-прежнему царство песков и сухих ветров, поднимающих с земли мелкую пыль, по неделям висящую в воздухе. С грустью смотрит крестьянин на мутные воды Инда: здесь река не орошает его поля. Приходится деревянной бадьей добывать воду из глубоких колодцев.

В одном есть сходство между этими двумя районами. Даже и там, где Инд поит своими водами поля, крестьянам живется очень тяжело — везде страдают они от феодального гнета.

Суккурская плотина на Инде.

всю провинцию и лишь после долгих скитаний нашел место учителя в этой деревне.

Вот что он рассказал нам о великом Инде.

Вся жизнь населения зависит от него. Народ говорит, что Синд — «дар реки Инд». Это верно. Река кормит людей. Но чтобы получить ее воду, надо затратить много труда, ибо река часто меняет свое русло. Кроме Инда, на территории провинции нет других больших рек. Несколько столетий назад немного восточнее Инда протекала еще одна крупная река — Хакра. Тогда южная часть Синда была цветущим краем.

ГОРОД БРОНЗОВОГО ВЕКА

Примерно в 40 километрах южнее города Ларканы недавно обнаружены развалины города бронзового века — Мохенджо-Даро. К поселению, существовавшему 4—5 тысяч лет назад, ведет сейчас проселочная дорога. Как-то неожиданно въезжаем в этот древний город и попадаем на одну из улиц, видимому центральной. Ширина ее — 10—12 метров. По сторонам — пятиметровой высоты кирпичные стены, вдоль них тянутся мощные тротуары.

Планировка города, устройство жилищ, канализация, предметы домаш-

КАШКАЙЦЫ

В Иране в провинциях Фарс и Исфаган живут кашкайцы — небольшая тюркская народность. Мужчины всегда вооружены. Они среднего роста, стройные, смуглые, с суровыми чертами лица. Носят они войлочные шапки, широкие штаны и архалук (мягкий кафтан), поверх которого надевают шерстяной плащ. На плечах он завязывается шнурком. Женщины ходят в длинные разноцветных халатах. Они повязывают небольшим платком лоб, а сверху набрасывают вышитую шелковую шаль.

Кашкайцы делятся на племена, во главе которых стоят наследственные вожди — калантары. Власть их над рядовыми кашкайцами очень велика. Они владеют племенными землями и огромными стадами скота.

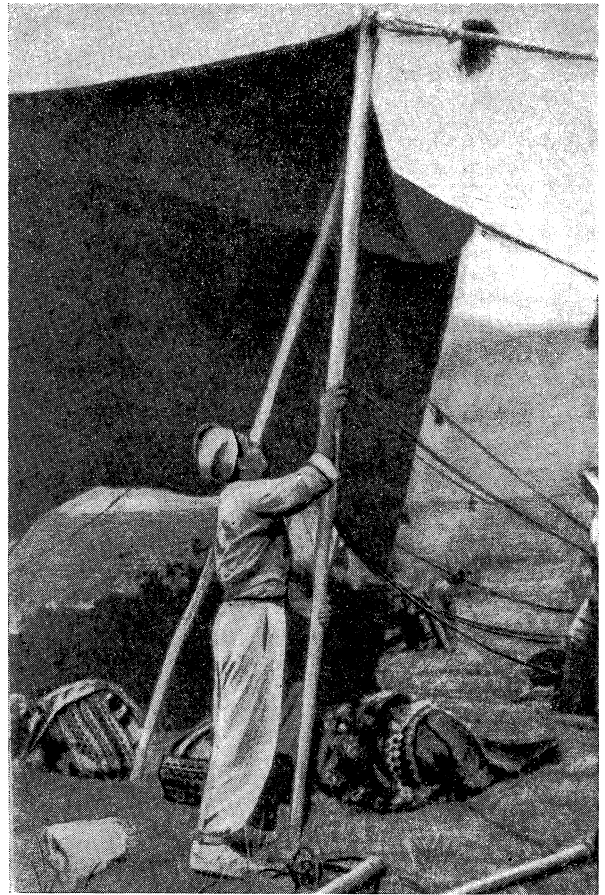
У кашкайцев сохранились многочисленные патриархальные пережитки: древняя военноплеменная организация, кровная месть, выкуп за невесту.

Основное занятие кашкайцев — скотоводство. Проводя зиму на юге, в горах близ Персидского залива, они весной перегоняют овец, коз, лошадей, ослов далеко на север, на безлесные равнины в ок-

рестностях Исфагана. Летом они перекочевывают на высокогорные пастбища Загроса, а поздней осенью, когда наступают холода, навьючивают на верблюдов свой скарб и черные войлочные шатры и возвращаются на юг.

Скот — главное богатство кочевника. Он дает его семье молочные продукты, которые наряду с ячменным или кукурузным хлебом составляют основную пищу, шерсть для одежды и шатров. Кашкайцы победнее арендуют землю у калантаров и занимаются земледелием и ковроткачеством.

Иногда бедняки уходят на заработки в города и на нефтепромыслы Южного Ирана или нанимаются

для перевозки грузов из города в город.

Оседлые кашкайские селения обычно состоят из двух-трех десятков небольших глинобитных домиков с плоскими крышами. Часто рядом с ними разбивают и шатры.

Во главе всех племен стоит династия ильханов — крупнейших в Иране феодалов. Ильханы об-

ладают огромными богатствами, живут во дворцах, держат слуг и телохранителей. На улицах Фирузабада — их главной резиденции — можно видеть десятки автомобилей новейших американских марок, здесь имеется театр, кино, проведено электричество. А вокруг Фирузабада разбросаны жалкие, нищие деревушки.

И. ГОРЧИЛИН, С. КИСЕЛЕВ

Фото авторов

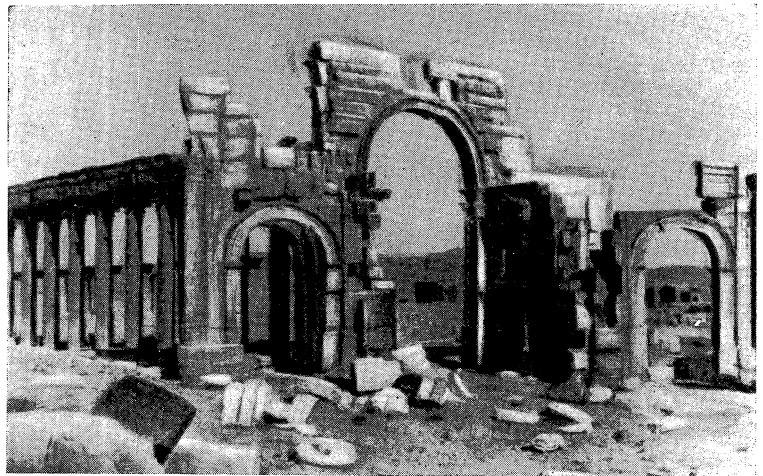
ПАЛЬМИРА- невеста пустыни

...Остался позади небольшой оазис, кончилась проезжая дорога. Дальше тянулась пустыня. В разные стороны разбежались верблюжьи тропы. Промелькнули цветные одеяла, развешанные у палаток кочевого лагеря бедуинов.

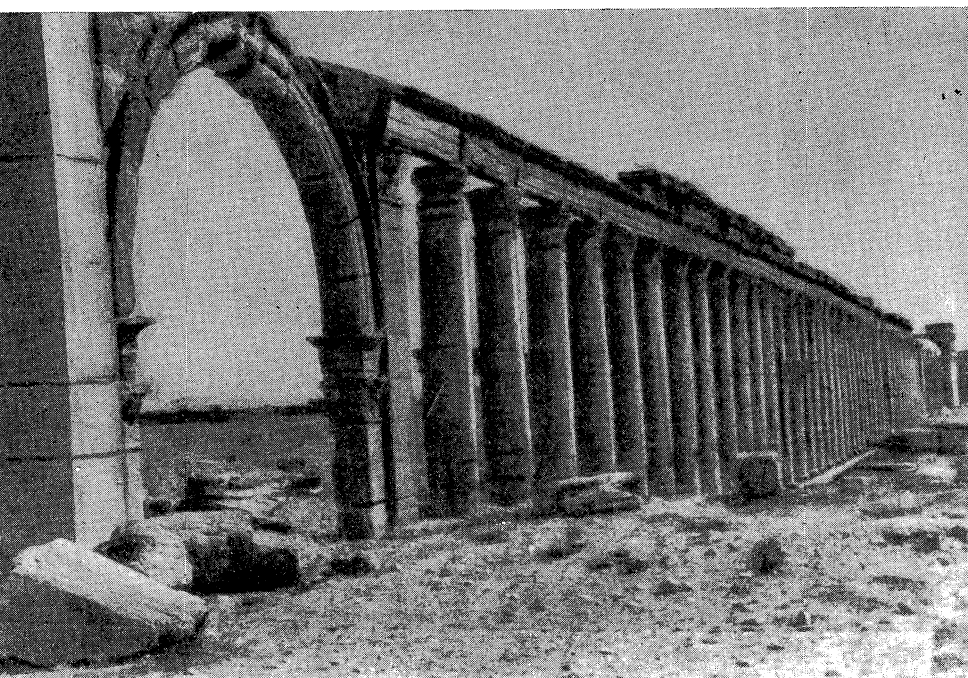
Теперь мы уже едем вдоль цепи невысоких гор.

Преодолен последний подъем. Среди пальмовых рощ нашим глазам представились величественные руины столицы древнего государства — Пальмиры, или Тадмора, что по-арабски значит Город пальм. Он возник в первом тысячелетии до нашей эры на караванном пути, ведущем из Дамаска, нынешней столицы Сирии, к берегу Евфрата, и вырос как торговый посредник между Западом и Востоком.

Из Китая в Пальмиру везли шелка;

Городские ворота.

из Финикии — статуэтки из металла и виноградные вина; из Эфиопии и Аравийских стран — масло для бальзамирания и духи.

Богатства города привлекали внимание правителей Парфянской и Римской империй, враждовавших между собой.

В I веке римляне завладели Пальмирой, но сохранили за ней известную самостоятельность.

К этому времени в городе начинают развиваться ремесла (главным образом ювелирное). Создаются красивые дворцы, общественные здания, сооружается подземный водопровод...

В шестидесятых годах третьего столетия, при царе Оденате II и после

От городских ворот тянулась улица Больших колоннад.

его смерти, в царствование его жены Зиновии, Пальмира достигает наибольшего расцвета.

Воспользовавшись ослаблением Римской империи, Зиновия сумела не только отделиться от Рима, но и подчинить своей власти страны Ближнего Востока.

Быстрому возвышению государства положил конец римский император Луций Аврелиан, разгромивший в 271 году войска Пальмиры и взявший в плен царицу Зиновию. Столица была разграблена и опустошена и уже не могла вернуть своего бывшего могущества.

Спустя два года в Пальмире поднялось восстание против Рима. Оно было жестоко подавлено, римляне разрушили город, и он перестал существовать.

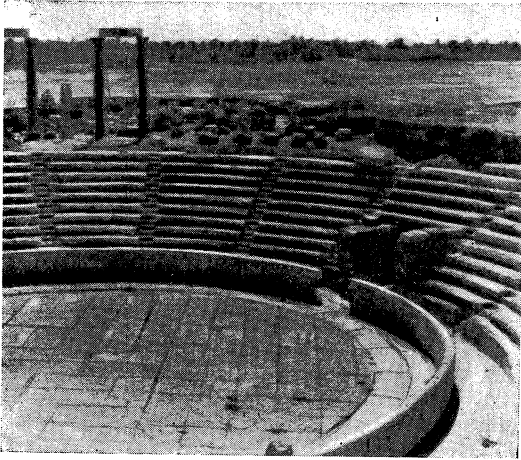
Впоследствии многочисленные землетрясения довершили разрушение уцелевших храмов, дворцов, колоннад. Наступавшие пески Сирийской пустыни поглотили развалины.

Только в XVII веке были обнаружены руины древнего города. Сейчас

Уцелевшие коринфские колонны, окружавшие двор храма бога Солнца.

Колонны на общественной площади — агоре.

Развалины театра.

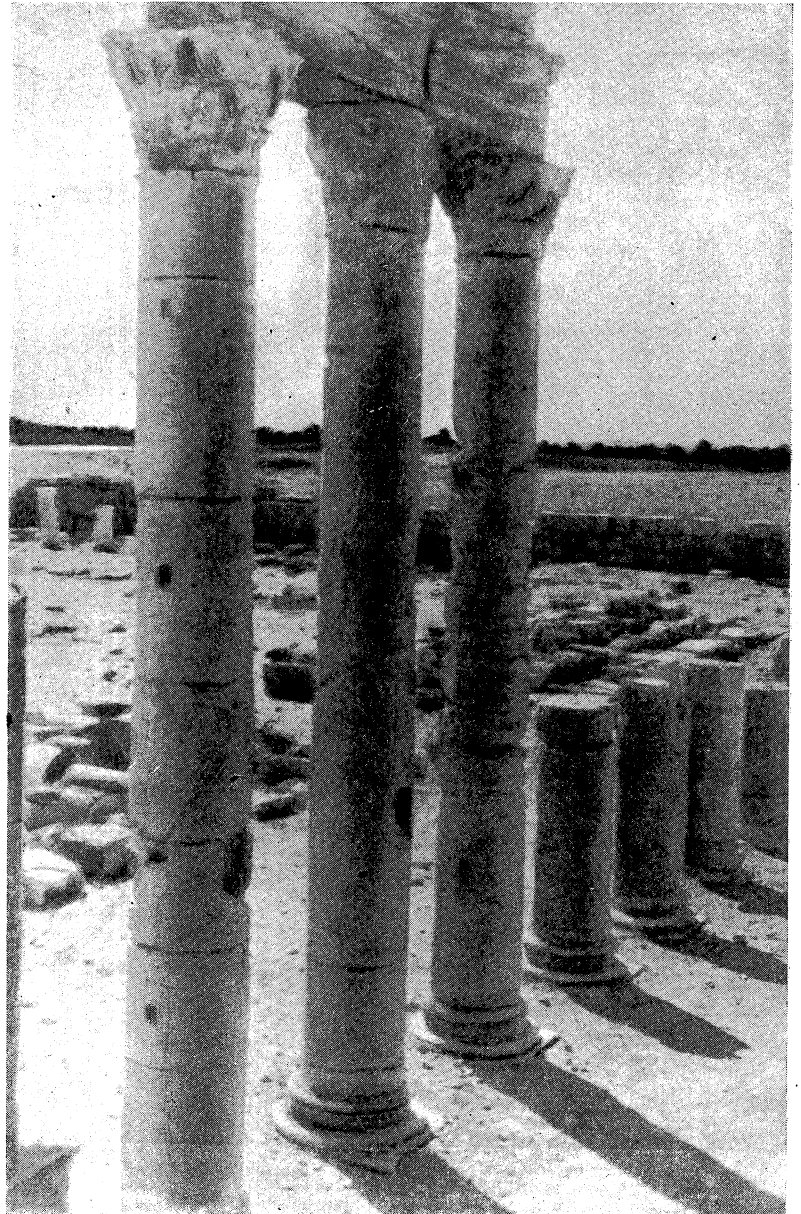
территория, где когда-то находилась Пальмира, превращена в национальный музей Сирии. Он знаменит памятниками архитектуры Римской империи периода упадка.

Неподалеку от Пальмиры расположено арабское селение.

* * *

При въезде в город мы остановились у монументальных триумфальных ворот из базальта, гранита и мрамора, построенных около 200 года нашей эры. Огромная двадцатиметровая арка опирается на двойные колонны, две небольшие арки по краям ведут в боковые крытые улицы. Поражает богатство орнамента.

Пройдя центральную арку, мы вступили на улицу Больших колоннад — главную торговую магистраль, пересекавшую город из конца в ко-

нец. Во всю ее длину (свыше километра) тянулись четыре ряда семнадцатиметровых колонн. Они делили дорогу на три части: средняя, более широкая, служила для проезда экипажей и всадников; две боковые, более узкие, — для пешеходов. За колоннадами располагались дома, склады и лавки.

Длинная аллея коринфских колонн, на консолях которых стояли статуи знатных горожан, украшала Пальмиру.

Из 1 400 колонн сохранилось только 150. При раскопках были найдены

некоторые скульптуры — шедевры античного искусства. Почти все они вывезены в другие страны.

В стороне одиноко стоят четыре колонны, каждая из целого куса гранита. Это все, что осталось от общественных бань.

Свернув с улицы Больших колоннад налево, мы подошли к театру. Совсем недавно он расчищен от песка. Театр был построен в самом оживленном квартале Пальмиры. С западной стороны он примыкал к зданию сената. Театр и сенат находились на агоре — квадратной пло-

щади, окруженной портиками в ионическом стиле. Портики были украшены статуями римских и пальмирских чиновников, полководцев, начальников караванов.

Мы остановились у развалин храма бога Солнца. Это красивая постройка I века со сводчатым потолком, на котором изображен бог Солнца. Стены украшены лепным растительным орнаментом. В центре находилось святилище, к которому вели семь высоких ступеней. Двор был окружен двойным рядом коринфских колонн.

Недалеке возвышается еще один храм, посвященный богу Молнии, построенный в 129 году.

Еще издали мы увидели группу людей, разгребавших мотыгами и лопатами землю около храма. Это производила раскопки швейцарская экспедиция.

За чертой города, в небольшой долине, у подножия горы Джебель, сохранились многочисленные башни из огромных тесаных камней. Это фамильные усыпальницы. Самая интересная из них принадлежала богатой семье Ямблиха. Внутри эта усыпальница разделена каменными плитами на пять этажей. Нижний этаж украшен коринфскими пилястрами.

На вершине горы, господствующей над Пальмирой, стоит арабский замок XVI века. Отсюда как на ладони видны руины древнего города. Воображению представилась картина далекого прошлого, времени расцвета Пальмиры: красивые светлые здания, мощные фонтаны на площади, оживленная торговая улица Больших колоннад...

Рощи финиковых пальм и сады, окружавшие чудесный город среди песков, придавали ему вид наряженной красавицы. Недаром арабы называли Пальмиру невестой пустыни.

...День угасал. Длинные тени колонн легли на желтый песок. В лучах заходящего солнца блеснула на горизонте полоска соленого озера. Повеяло прохладой. Ночь наступила быстро и незаметно. Освещенные лунным светом, руины стали еще сказочнее.

Мы пошли кратчайшим путем к серному источнику Эфга. Открыв небольшую дверь в пещеру, мы зажгли фонарь и спустились по лестнице к довольно глубокому бассейну. Вокруг него в скале высечены скамьи. Мы окунулись в воду и почувствовали приятную теплоту. Усталость как рукой сняло.

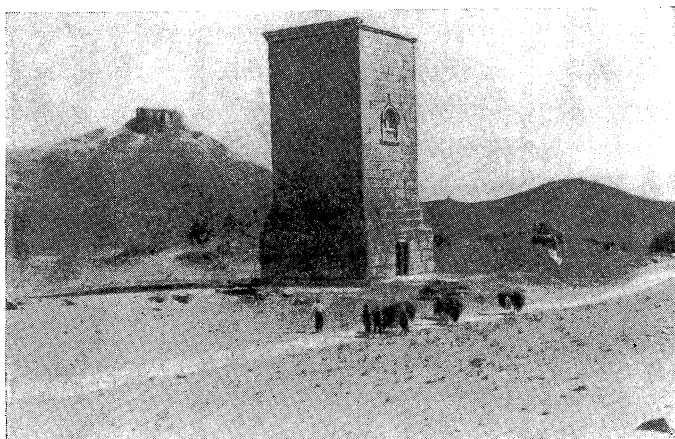
Тишина прерывалась журчанием серного источника и легким плеском воды о каменные уступы. Причудливые тени плясали по стенам и потолку пещеры.

* * *

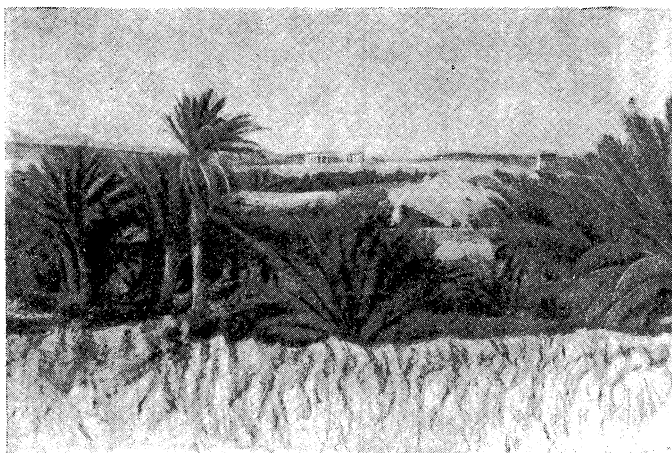
Уезжая из Пальмиры, мы узнали из книги записей отеля «Зиновия», названного так в честь пальмирской царицы, что были первыми кинооператорами, посетившими развалины древнего города.

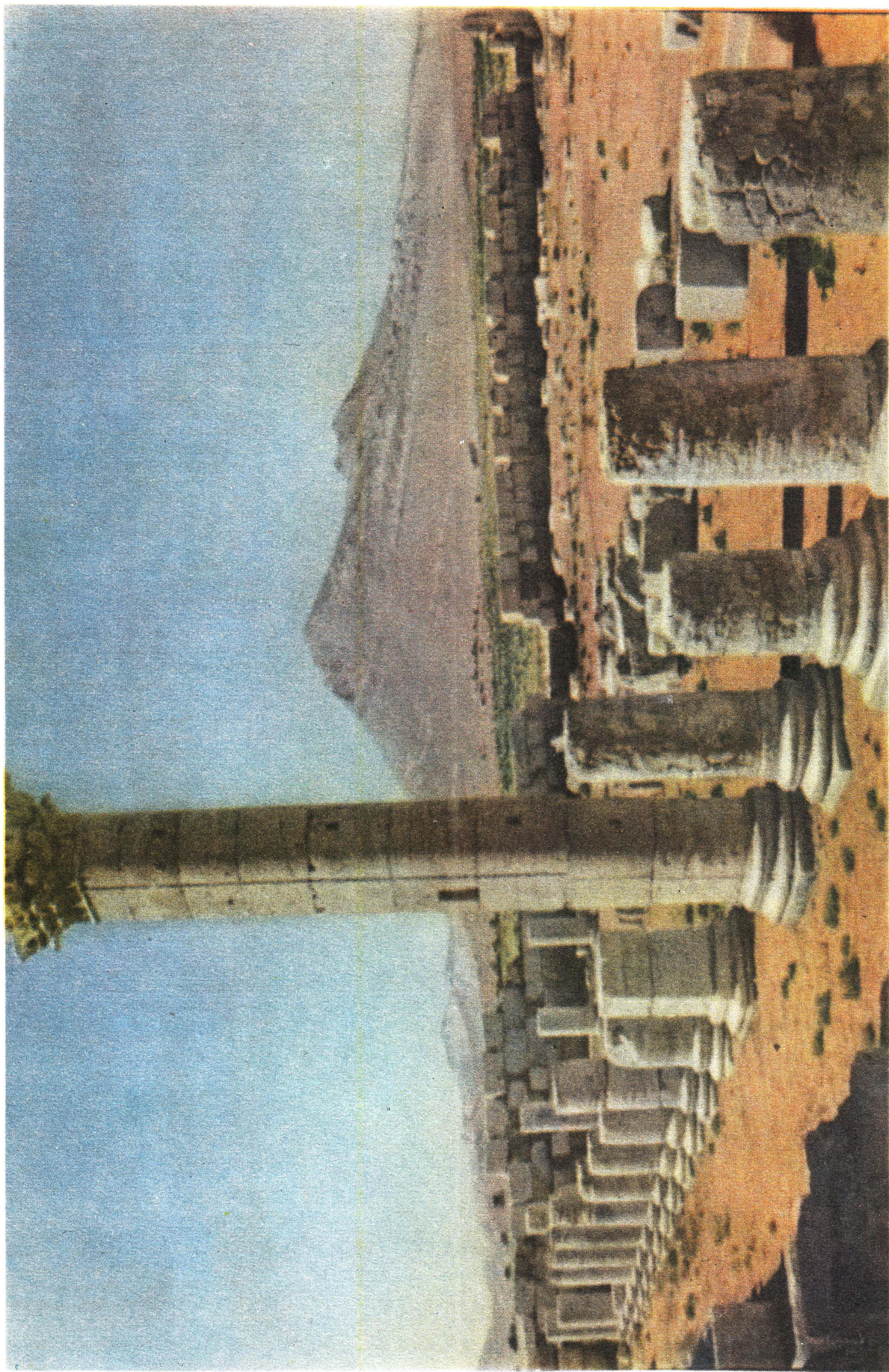
Храм бога Молнии.

Башня-усыпальница. На вершине горы — арабский замок XVI века.

Оазис Пальмира в центре Сирийской пустыни.

На территории Сирии в центре пустыни находятся развалины древнего города Пальмиры. На снимке: остатки колоннады разрушенного здания сената.
Фото И. ГОРЧИЛИНА и С. КИСЕЛЕВА

Сахалинская область славится богатой природой — плодородными землями, лесами, полноводными реками, изобилующими рыбой. На снимке: река Вал, несущая свои воды в залив Чиво Охотского моря. Колхозный катер тянет на буксире лодки.

Фото В. МИНКЕВИЧА

В. КИСЛОВ

Мы ехали по Большому Памирскому тракту. Дорога поднималась все выше, под самые облака.

— Внимание, архары! — воскликнул шофер и свернул с дороги в долину. В километре от нас, у самого подножия гор, виднелась десятка полтора диких баранов.

Когда мы приблизились, стало видно, что это не архары, а горные козлы «теке», или «кийки», как называют их киргизы. Кийки медленно передвигались, не обращая на нас внимания.

...Ближе и ближе подходит машина к стаду. Земля покрыта слоем гравия и песка. Идем на второй скорости, мотор гудит. Козлы начинают проявлять беспокойство. Вот они подняли головы, собрались в кучу и так и замерли, глядя в нашу сторону. Расстояние примерно четыреста метров.

— Сейчас удерут, стреляйте! — шепчет шофер.

Раздался выстрел. Один из козлов подпрыгнул и упал. Остальные, рассыпавшись цепочкой, большими размашистыми прыжками бросились к склону. Подгоняемые выстрелами, животные вихрем взлетели на первую складку горы и скрылись за ней.

Нас охватил азарт. Спрыгнув с кузова, мы бежим к добыче. Однако, пробежав 20—30 метров, один за другим останавливаемся, тяжело дыша, переходим на шаг. Не хватает кислорода. Сердце усиленно и гулко бьется.

Бегать на Памире, оказывается, нельзя, особенно в день приезда. Надо освоиться с новой обстановкой, привыкнуть к высокогорному воздуху.

Дальше идем медленно и молча, дышим во весь объем легких.

Убитое животное оказалось молодым козлом с небольшими загнутыми назад рогами. Он был покрыт короткой, грубой, очень густой шерстью, коричневатобурой на спине и снежно-белой на

груди. Добычу погрузили на машину.

Увлечшись охотой, мы не заметили, что погода резко изменилась. Вздыхая тучи мельчайшего песка, дул холодный порывистый ветер. Повсюду образовывались столбы пыльных смерчей в десятки метров высоты. Они причудливо изгибались, распадались и возникали вновь.

«Долина смерчей», известная всем, кто ездил по Большому Памирскому тракту, давала себя знать. Почти каждый день здесь после полудня поднимается ветер и начинается пляска вихрей, переходящая в пыльную бурю. Видимость сокращается до ста метров, горы застилаются пыльной пеленой, ветер свистит и завывает...

Дышать трудно, на зубах скрипит песок, он забивается в нос, уши, во рту пересыхает.

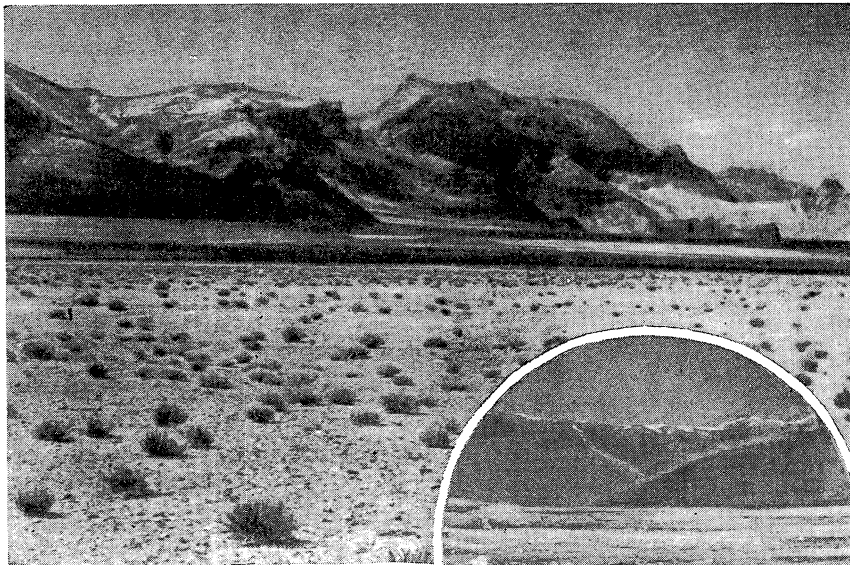
К вечеру буря обычно быстро стихает. Воздух становится снова прозрачным, солнце косыми лучами освещает долину и окружающие горы, от которых падают необычайно темные тени. Солнце светит здесь по-особенному. Сухость и чистота воздуха позволяют солнечным лучам свободно проникать через него.

...На возможно большей скорости мы стремились уйти от пыльной бури. Через час-полтора перед нами открылась огромная долина, окруженная зубчатой цепью невысоких гор. В долине раскинулось озеро Кара-Куль, около 4 тысяч метров над уровнем моря. Оно занимает почти 400 квадратных километров, глубина его местами доходит до 238 метров.

Большая часть озера покрыта толстым слоем льда. Дорога идет по восточному берегу. Зимой груженные автомашины ходят напрямик, по льду.

Кое-где среди озера выступают скалистые острова, воды глубокими заливами заходят в долины, по которым со всех сторон бегут питающие озеро речки и ручьи.

Свободная ото льда поверхность

По песчаным почвам Восточного Памира стелется ползучий кустарник — терескен. Он здесь основное топливо. Служит терескен и кормом для яков.

воды поражала яркоголубой окраской.

По словам местных жителей, в этом озере нет рыбы, так же как и в некоторых других крупных озерах Памира: Шор-Куль и Рачг-Куль, например. Наряду с этим подобные им озера — Яшилкуль и Булун-Куль, Сарезское и Зор-Куль — изобилуют рыбой, как и впадающие в них речки. Правда, там водятся только две породы — маринка и осман, но зато в большом количестве.

Вскоре мы сделали привал на берегу озера, у впадавшего в него ручья с совершенно прозрачной ледяной водой.

Наш повар вытащил из кузова убитого козла и тотчас принялся свежевать его, обещая вечером угостить всех пельменями и котлетами. А пока мы с удовольствием подкрепились консервами.

Во время нашего завтрака к ручью на водоной подошло стадо яков-кутасов. Мы с интересом рассматривали этих редких животных, живущих только на Восточном Памире и в Тибете. Подойти поближе мы, однако, не решились: вид у яков был весьма внушительный. Животные издавали звуки, очень сходные с хрюканьем свиней.

Могучее, массивное тело, покрытое длинной косматой шерстью, короткие крепкие ноги, длинный, до самой земли, пушистый хвост, большие острые рога делают яка

спереди похожим на буйвола, а сзади — на лошадь.

Громадный, свирепого вида як отделился от стада. Сердито сопя и хрюкая, он начал рыть передними ногами и носом землю. Казалось, еще мгновение — и стадо ринется на нас... Но все обошлось благополучно. Напившись, яки пошли прочь.

Молодые животные резво прыгали и гонялись друг за другом, не ощущая, видимо, недостатка кислорода на четырехкилометровой высоте.

Впоследствии нам пришлось ездить верхом и возить пружы на яках, мы привыкли к ним и высоко оценили их прекрасные качества — неутомимость, силу и выносливость в самых трудных условиях. Они проходят по кручам, поднимаясь и спускаясь без всяких дорог удивительно легко и спокойно. Яки очень нетребовательны. Они едят даже жесткие кусты терескена. Ночью они пахнут, терпеливо разыскивая корм, а днем готовы к любой тяжелой работе.

Молоко яков очень вкусно и питательно. В нем до 12 процентов жира. Оно в два раза жирнее самого лучшего коровьего молока, а мясо мало чем отличается от говяжьего.

Ценна также шкура яка и его шерсть.

Это животное в условиях Восточного Памира незаменимо и как выючный и как продуктивный скот. Свирепый вид яков обманчив. На самом деле они весьма спокойны и послушны. На Памире

есть специальный совхоз, занимающийся разведением яков.

Поздним вечером прибыли мы на полевую базу, находящуюся в долине. Ночь была безлунной. Черное небо, усыпанное необычайно яркими звездами в таком количестве, какого никогда не увидишь на равнине, раскинулось над нами. Неподалеку темнела громада горы, на горизонте чуть заметно выделялись вершины дальних хребтов. Ветра не было, и небольшой мороз в несколько градусов почти не чувствовался.

После долгой быстрой езды и ветра приятно немного размяться. Мы спустились к речке, протекавшей метрах в пятидесяти.

В отличие от обычных горных потоков немногочисленные речки Восточного Памира текут по широким долинам, образуют заводи и заболачивают десятки гектаров земли. Эти болота местами бывают труднопроходимы, в некоторых из них, расположенных поближе к тракту, добывают торф.

Наша речка шириной метров в пять текла почти бесшумно, обмывая выступающие большие камни. В прозрачной и черной воде отражались звезды.

Неясный шум доносился с ближайшей высокой горы: он то усиливался, то стихал. Здесь форма скал такова, что ветер, постоянно дующий наверху, производит гудящий звук. При свежем ветре этот звук усиливается, и кажется, что где-то невдалеке низпадает водопад или бурный горный поток. Мы назвали эту гору — Поющей горой.

В широкой долине мы раскинули лагерь.

Я расскажу тебе об УРУГВАЕ

АЛЬФРЕДО ГРАВИНА,
уругвайский писатель

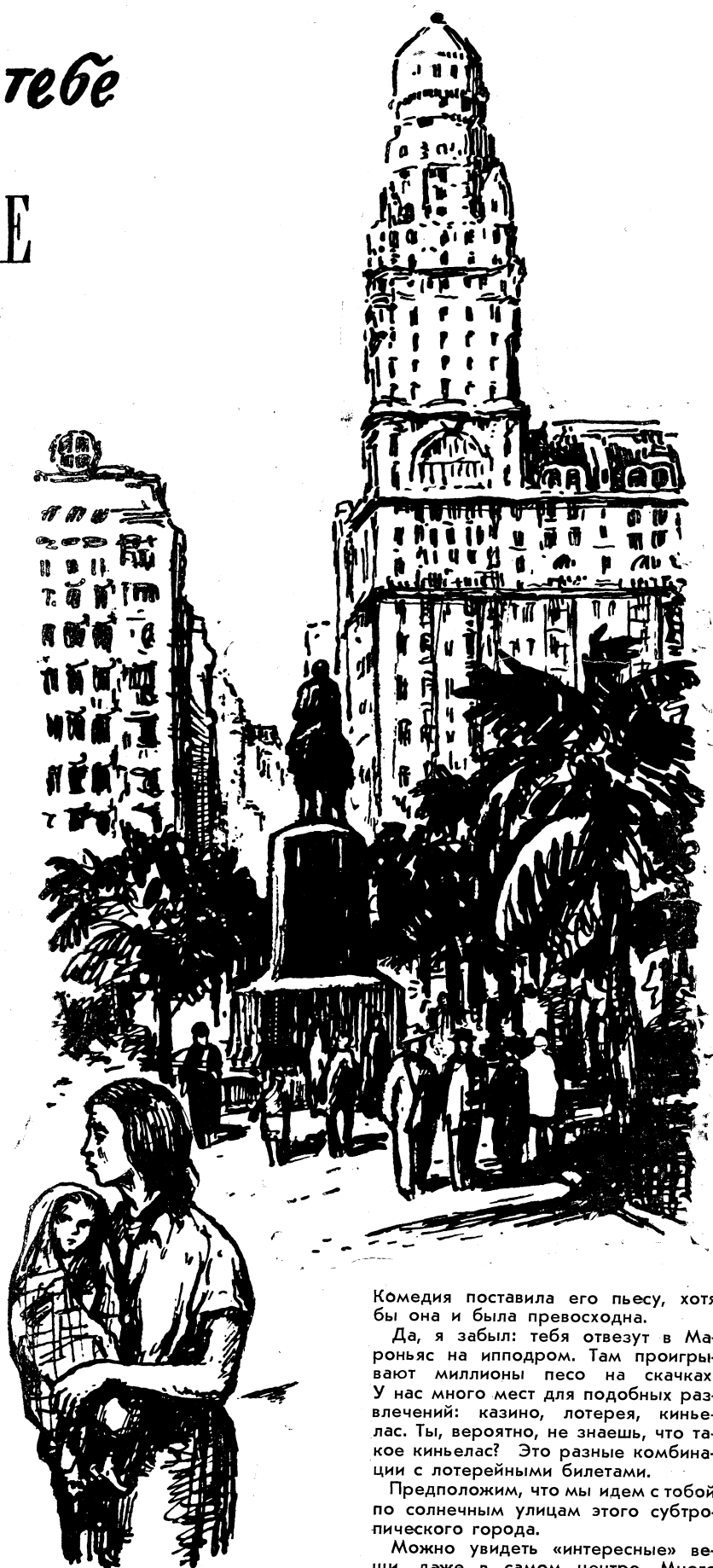
Рисунки А. Тарана

Если ты приедешь в Монтевидео по приглашению какой-нибудь официальной организации (это только предположение, не более), тебя захнут в автомашину, чтобы показать красивый город, его центр, главные улицы, а также пляжи. Главным образом пляжи, которые тянутся почти без перерыва на многие сотни километров по побережью Атлантического океана и реки Ла-Платы. Пляжи очень красивые. Однако у Монтевидео вода загрязнена: сюда по широким трубам выливаются все нечистоты города с миллионным населением. Если ты обеспеченная персонa, то сможешь поехать отдохнуть в одну из водолечебниц, расположенных подальше от города. Там отдыхают буржуа, привычки которых, очевидно, тебе не доставят удовольствия: они играют в рулетку, напиваются, скандалят. Там нет театров, не бывает концертов и других развлечений для души.

Мы можем предположить, где ты остановишься. В Монтевидео имеются хорошие отели. Скорее всего это будет уютный номер гостиницы Палас-отель — небоскреба, с крыши которого можно любоваться прекрасным видом. Этот отель принадлежит американцам. Они привезли сюда всю обстановку, не заплатив пошлин, налогов, хотя обязаны были сделать это.

У Палас-отеля огромное «преимущество»: в нем не грозит неприятность встретиться с негром. Негров сюда не пускают.

В субботние вечера можно послушать государственный симфонический оркестр, довольно хороший. Но только по субботам. Ты можешь также посмотреть спектакль Национальной комедии в старом театре «Солис». Актеры неплохие, есть и очень хорошие. Пьесы же в общем плохие. Видно, что друзья руководителей Комедии очень неталантливые писатели. Автор, поставивший свою подпись против применения атомной бомбы или имеющий друзей-коммунистов, никогда не добьется, чтобы

Комедия поставила его пьесу, хотя бы она и была превосходна.

Да, я забыл: тебя отвезут в Мароньяс на ипподром. Там проигрывают миллионы песо на скачках. У нас много мест для подобных развлечений: казино, лотерея, киньелас. Ты, вероятно, не знаешь, что такое киньелас? Это разные комбинации с лотерейными билетами.

Предположим, что мы идем с тобой по солнечным улицам этого субтропического города.

Можно увидеть «интересные» вещи, даже в самом центре. Много

роскошных магазинов, но в них почти нет покупателей: у народа мало денег. Но посмотри туда. У входа в церковь Кордон стоит слепой, одетый в лохмотья. Он протягивает религиозную картинку, чтобы ты дал монету. Этим он живет. Немножко дальше просит милостыню женщина с грудным ребенком на руках. Летом ты еще сможешь подавить свою боль. Зимой же сердце содрогается при виде голодных, замерзших детей. А рядом из машин выходят богатые женщины в очень дорогих пальто. Такие контрасты существуют во всех странах, входящих в орбиту капитализма. Если бы ты жил в Монтевидео, то каждый день кто-нибудь стучался бы к тебе в дверь, выпрашивая монетку, еду или старое платье.

Пройдем по городу, и я покажу тебе жилые дома, которые мы называем общежитиями для нищих. Это домишки очень мрачные и старые. За грязные и убогие каморки трудовой люд отдает треть своего месячного заработка, а иногда и больше.

Скопления жалких жилищ, которые в связи с безработицей и нищетой возникли в последние годы во многих предместьях Монтевидео, народ с горькой иронией называет Кантегрилем — по имени аристократического курорта, известного в Уругвае своими водолечебницами. Мы говорим об убогих домишках, сооруженных из досок, кусков жести, картона и другого «материала», который можно найти на свалках. В этих убежищах, населенных моими соотечественниками, нет ни воды, ни света.

Работа?.. Многие напрасно ищут ее. Почти треть уругвайского пролетариата — безработные. Часть фабрик закрыта или работает в половину мощности. Недалеко от Монтевидео имеется небольшой холм. Там расположено селение Вилья дель Сьерро с фригорификос¹, принадлежащими янки. Уже несколько месяцев более десяти тысяч рабочих этого предприятия находятся без работы. Рабочие и их семьи голода-

ют — переживают настоящий голод. Ты понимаешь?

Некоторые буржуазные политики посетили это селение и давали невыполнимые обещания улучшить условия жизни рабочих. Градом камней они были обращены в бегство.

Текстильные фабрики также закрываются, а некоторые из них работают всего лишь два дня в неделю. Моя страна — крупный производитель мяса и шерсти, но шерсть не поступает на фабрики, а забивает склады. Ее скупают североамериканские предприниматели, когда хотят, и по цене, которую сами устанавливают. Они не продают запасов шерсти уругвайским текстильным фабрикам, а меняют их на акции, чтобы потом захватить в свои руки и сами предприятия. Пришла в упадок обувная промышленность, которая раньше бурно развивалась.

Уже вечер, продолжим прогулку. Пойдем теперь в какой-нибудь другой квартал, например в Мальвин.

Свет внезапно гаснет, весь квартал погружается во мрак. Это бывает довольно часто. Сегодня здесь, завтра там.

Два года назад государственная электрическая компания заключила договор с американским банком на получение займа для улучшения работы компании. По условиям

договора мы не могли покупать оборудования нигде, кроме Соединенных Штатов. Договор устанавливал также, что американцы будут контролировать в Уругвае и расход денег, что еще более наносило ущерб суверенитету страны. А когда государственная электрическая компания захотела купить необходимое оборудование, цены на него повысились вдвое, и мы смогли приобрести лишь половину того, в чем нуждались. В результате тарифы за пользование электроэнергией возросли, и это вызвало бурю народного протеста. Таковы наши торговые отношения с «демократическим» северным соседом.

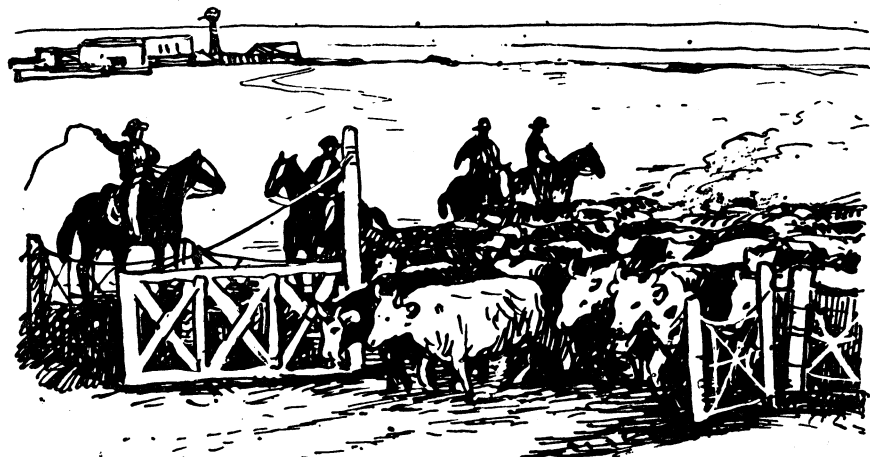
И вот мы сегодня без света.

Прерываем прогулку, чтобы поужинать в соответствии с нашими возможностями в дешевой ресторане.

Хочешь мяса? Бифштекс обойдется по одному песо с человека. Если мы попросим, чтобы его дали с яйцом или жареной картошкой, то порция будет стоить от полутора песо до одного песо и 80 сентисимос. Затем порция лапши или блинчиков с мясом — 60—80 сентисимос. Возьмем еще сладкое, вино или пиво.

Надо прибавить к затратам предусмотренные законом 15 процентов на чаевые. Кроме них, надо дать на чай и неофициально — не менее 10 процентов. Мы поели скромно и уплатили по 4—5 песо. Конечно, этот же обед, приготовленный дома, стоит раза в два дешевле. Необходимо есть, однако, два раза в день, не считая завтрака, а средний месячный заработок рабочего 200 песо. Вот и подсчитай расходы на еду да вспомни, что квартирная плата отнимает треть или даже половину месячного заработка...

Ну, теперь мы пойдем в кино. Там иногда показывают советские фильмы. Недавно шла картина «Садко». Она имела колоссальный успех. Показывают также итальянские картины и некоторые французские. Но в сотнях залов идут, как правило, американские фильмы. Стоит только прочитать рекламы, посвященные им, и то волосы встают дыбом! Слова «убийство», «самоубийство»,

¹ Фригорификос — мясохладобойные комбинаты.

«смерть», «кровь», «ненависть» встречаются в восьми из десяти афиш.

После полуночи город затихает. Молодые люди расклеивают на стенах воззвания. Утром жители прочтут призывы за мир, против военного пакта с США, требования улучшения жизни. Из них ты узнаешь, что рабочие общины то и дело участвуют в забастовках за увеличение зарплаты, за выполнение предприятиями решений третейского суда Совета зарплаты.

Необходимо объяснить тебе кратко, что такое Совет зарплаты. Так вот. Несколько лет назад Эухенио Гомес, генеральный секретарь коммунистической партии, будучи депутатом парламента, вызвал дебаты по вопросу о прибылях крупных предприятий и заработной плате рабочих. Его доводы основывались на детальном изучении экономического положения страны. В результате родились Советы зарплаты — органы из представителей исполнительной власти, владельцев предприятий и рабочих от каждой общины. Эти органы время от времени пересматривают заработную плату. Однако предприятия часто не признают решений третейского суда, и тогда рабочие прибегают к забастовке, чтобы вынудить хозяев выполнить их.

Всеобщее объединение трудящихся Уругвая состоит из многочисленных и значительных рабочих общин.

Четкие ряды демонстрантов проходят Первого мая под знаменами Всеобщего объединения трудящихся и солидарных с ним профсоюзов. Демонстрации эти — мощное выступление трудящихся в защиту мира, за национальную независимость, благосостояние народа, за установление экономических и культурных связей со всеми странами.

* * *

Посетим и сельские места. Моя страна относительно мала — всего 187 тысяч квадратных километров. Значительных гор у нас нет, есть лишь невысокие горные цепи. Большая часть территории занята слегка всхолмленными равнинами с очень

богатыми пастбищами, реками, ручьями.

Перепись населения не проводилась уже много лет. У нас приблизительно два с половиной миллиона человек, из них один миллион проживает в столице.

Отправимся сначала в земледельческий район, расположенный на юге у реки Уругвай. Почти все земли здесь находятся в руках крупных латифундистов. В местечке Каньяда-Гранде есть сельскохозяйственный кооператив, объединяющий триста мелких хозяев. Они расскажут тебе о том, как предложили выращивать картошку, необходимую для внутреннего потребления, а также для вывоза, с условием брать за нее минимальную цену. Это нанесло бы удар посредникам и скупщикам, резко увеличивающим цены на все продукты. Но и у посредников и у скупщиков в правительстве есть своя рука. В результате мы часто, несмотря на наши возможности, едим картошку голландскую и испанскую. Тебе кажется, что это дико, а?

...Продолжим путешествие. На западе, на берегу реки Уругвай, находится колония русских крестьян — Сан-Хавьера с двумя тысячами жителей. Они приехали сюда лет сорок назад. Многие из этих крестьян —

смелые борцы за мир и прогресс. Им не хватает земли. В 1951 году население Сан-Хавьера и другого поселка — Офира — захватило земли соседней латифундии. Некоторые из них заплатили за эти действия 45-дневным заключением. Широкое движение солидарности рабочего класса столицы и всей страны способствовало их освобождению.

Позже крестьяне по инициативе коммунистов и с помощью городского пролетариата добились того, что парламента принял проект закона об экспроприации земель у этой латифундии.

Сейчас продолжается борьба за то, чтобы участки были закреплены за крестьянами, которые по-настоящему нуждаются в земле. Но власти намерены отдать землю богатым крестьянам, а также владельцам крупных животноводческих поместий.

В Сан-Хавьере работает филиал столичного Центра культуры «Максим Горький»: проводятся конференции, устраиваются доклады, демонстрируются кинофильмы. Часто из Монтевидео приезжают представители Центра, чтобы побеседовать о движении за мир и в защиту культуры.

Жители Сан-Хавьера сыграли очень важную роль в большом походе в Монтевидео (в сентябре 1952 года) крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Их поддержало Всеобщее объединение трудящихся. Рабочие столицы братались с крестьянами различных районов страны, батраками постоянных дворов, рабочими с рисовых полей, пеолами животноводческих хозяйств, со стригальями овец. Выступали певцы, народные поэты, гитаристы и аккордеонисты, они воспевали стремления сельского населения к миру и прогрессу.

Теперь познакомимся с животноводческими хозяйствами, называемыми эстансиями.

В эстансию попадают обычно через ворота в несколько метров шириной, предназначенные для прохода скота. К эстансии никогда не

подъезжают галопом, только рысью. Издалека уже слышен лай. Прежде чем из помещения не выйдет какой-нибудь человек и не прикрикнет на собак, слезать с лошади не стоит.

Если мы закупщики скота или шерсти или просто богатые персоны, нас проведут к хозяину. Если же мы батраки или проезжие погонщики рогатого скота, нас примут очень хорошо батраки эстансии, угостят чаем, но для того, чтобы расседлать лошадь и переночевать, нужно получить разрешение хозяина эстансии или, если его здесь нет, эконома. Как правило, владельцы крупных эстансий живут в столице, получают ренту и пользуются всеми благами жизни или посвящают себя политике и торговле.

С наступлением сумерек батраки

собираются вокруг костра, чтобы попить чаю—мате. Они молчат, если люди из города незнакомы. Но сумей завоевать их доверие,—а это не очень легко,—и они расскажут тебе о своих мечтах, горестях и обо всем, что накопилось у них против хозяина. В своем кругу они очень сердечны, веселы, разговорчивы. Они любят рассказывать истории и прибегать к аллегориям, таким красочным на их богатом и выразительном языке.

Лапша с кусочками баранины составляет обычную, редко меняющуюся пищу батраков. Им дают еще кувшин сырого молока. Его очень много в эстансиях.

Спят батраки на грубых складных кроватях в маленьких бараках или под навесом.

В три-четыре часа утра они уже

пьют свой мате. Немного позже получают кувшин кофе с молоком и кусок твердой галеты. После этого они объезжают поля, готовят загон для скота, лечат зараженных чумой, снимают шкуры с убитых животных. Эти тяжелые работы требуют огромного умения и большой физической силы. В полдень батраки едят и после часового отдыха снова работают до темноты.

В среднем в животноводческих хозяйствах на каждую тысячу гектаров приходится один батрак. В крупных эстансиях с 15—20—30 тысячами гектаров земли и того меньше.

* * *

Отсутствие работы породило «крысиные поселки». Они так называются потому, что их обитатели действительно живут, как крысы.

В Уругвае до двухсот тысяч человек ютятся в семистах таких «крысиных поселках». Нищета тут исключительная. Люди очень скученно живут в грязных, плохих хижинах, сложенных из глины, соломы, досок. В них только одна комната. Здесь царят всевозможные заболевания. В некоторых «крысиных поселках» есть школы, но они плохо посещаются, так как дети с самого раннего возраста вынуждены помогать своим родителям. Часто здесь едят мясо животных, умерших от чумы.

«Крысиные поселки» представляют собой прискорбную картину, которую правящие классы ревностно скрывают не только от иностранцев, но и от жителей городов моей страны. Это суровое обвинение против власти имущих.

Это они говорят везде, что жители «крысиных поселков» — лентяи, не любят работать. Ложь! Необходимо провести аграрную реформу, дать землю этим людям, послать в их поселки специалистов, которые научат их обрабатывать землю. Развитие промышленности внутри страны также откроет источники работы для безработных.

За это борются рабочие, крестьяне, батраки. Медленно, но прочно вырабатывается в сознании эксплуатируемых масс мысль о необходимости организовать и бороться за проведение аграрной реформы. Городской пролетариат ведет решительную борьбу за объединение всего рабочего класса и народных масс в единый фронт борьбы за мир, за демократию. Эта борьба пролетариата в союзе с крестьянством и сельскохозяйственными рабочими должна закончиться победой.

* * *

Мы очень бегло познакомились с Уругваем. Мне бы хотелось показать тебе мою страну лучше, подробнее. Однако я был бы удовлетворен, если бы ты получил представление о той скромной лепте, которую совместно с международными силами, борющимися за мир и счастье, вносит и моя маленькая страна.

Мастера чешского стекла

Ю. ДЕМИДОВИЧ

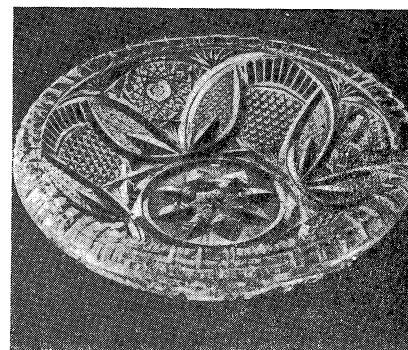
В большом, залитом светом зале все сверкает и искрится. В витринах и на стендах выставлены блестящие, играющие всеми цветами радуги хрустальные вазы и бокалы, целые столовые приборы из прозрачного хрустального, молочного или цветного стекла с эмалью и позолотой. Глаза разбегаются — не знаешь, на что смотреть. Радужными огнями горят украшения: целые россыпи бус, ожерелий, браслетов, брошей и булавок из драгоценных и полудрагоценных камней, а также из стекла. По качеству шлифовки, по чистоте камня, по изяществу ювелирной оправы не специалисту трудно, просто невозможно опреде-

Городок Залезлы на реке Лабе. Близ него находятся разработки стекольных песков.

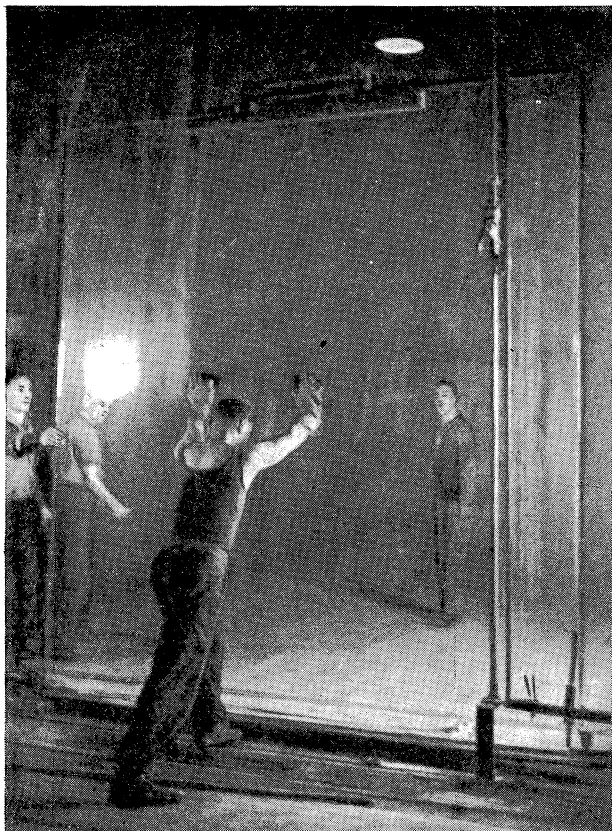
лить, где камень настоящий, где искусственный, — так замечательно выполнены эти безделушки.

Эта выставка стеклянных изделий и ювелирных, так называемых «яблонецких» безделушек, названная выставкой «500 лет чешского стекла», была открыта в апреле прошлого года в Праге, в Валленштейнском дворце.

Дворец в пышном стиле барокко строился и украшался с 1624 по 1630 год под руководством итальянских и голландских архитекторов и художников. Честолюбивый Валленштейн, мечтавший стать чешским королем, навез сюда роскошную мебель, статуи, ковры и картины из многих стран. Но все хрустальные кубки и вазы, вся вызывающая восхищение стеклянная посуда, искусно шлифованная, украшенная эмалью и позо-

Изделия из чешского хрустала. Внизу — гравированная ваза «Шахтер».

Производство листового стекла.

Обработка хрустальной вазы.

лотой, была сделана руками чешских мастеров.

Это было то самое «чешское стекло», производство которого достигло значительных размеров уже в XV веке.

Европейскую известность оно начало приобретать особенно с конца XVI и начала XVII века, когда художник и гравер Кашпар Леман первый в Чехии стал гранить и резать приготовленное по особому рецепту стекло так, как до этого гранили и резали только драгоценные камни или горный хрусталь.

С тех пор изделия из чешского хрустала получили известность во многих странах мира.

Однажды нам представилась возможность посетить те районы Чехии, где сейчас, как и раньше, наиболее развито производство художественных изделий из стекла. Это окраинные, пограничные, горные и предгорные районы Чехии — Шумава, Крушны горы, предгорья Судет, Лужицкие и Йизерские горы и предгорья Крконош.

Здесь было много пригодных для стекольного дела чистых кварцевых песков, были обширные, еще мало тронутые человеком леса, дававшие в большом количестве дрова (единственное известное тогда топливо) и древесную золу, из которой получается необходимый для стекловарения поташ. Тут, вдалеке от промышленных и торговых центров, было также

много дешевых рабочих рук, много бедноты, которую предприниматели могли беспощадно эксплуатировать. Так в пограничье, особенно на севере, наряду с кустарными мастерскими появились фабрики: в 1630 году была построена первая в Чехии крупная фабрика стеклянных изделий в Новом Свете, в Крконошах. Затем был построен еще ряд предприятий. Обработка стекла велась частично и кустарным способом на дому. Этот метод обработки сохранился кое-где до сих пор.

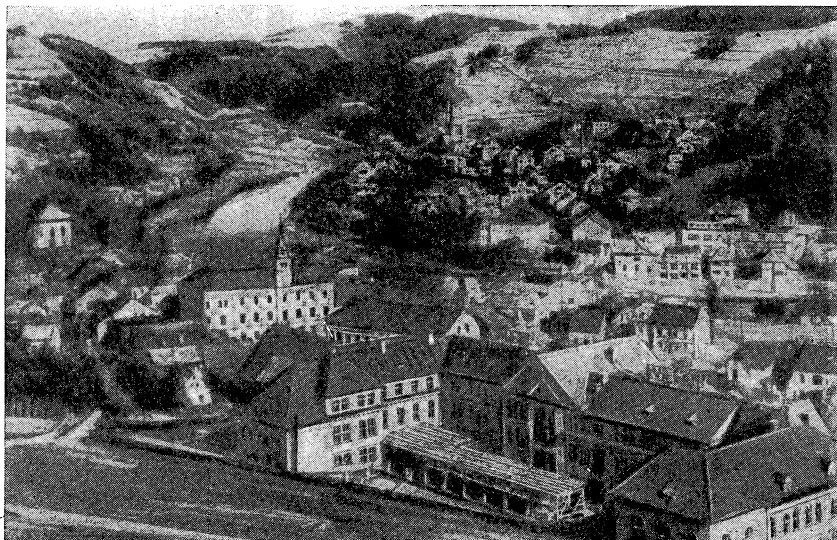
...На горизонте появляются поросшие густыми лесами холмы. Мы въезжаем в восточную часть гористой области, которая называется Чешское Среднегорье. Эти конусовидные холмы — остатки базальтовых или фонолитовых лавовых излияний на поверхность земли через трещины в песчанике. Сам же песчаник при выветривании образовал тут местами чистые кварцевые пески, пригодные для варки стекла. Недалеко отсюда, в долине реки Плоучницы, находится одно из богатых месторождений высококачественных стекольных песков.

Машина быстро мчится по накапанному глянцу шоссе. В неприроках долинах расположены городки Новый Бор и Каменицкий Шенов — центры большой области стекольного производства, протянувшейся отсюда до Нового Света в Крконошах.

Новый Бор — крохотный городок. Живет в нем не более 6 тысяч человек. Здесь занимаются главным образом шлифовкой и гранением стекла. Работают и на фабриках в самом городке, в поселках и хуторах, рассеянных в окрестностях.

На одной из фабрик мы зашли

Город Железный Брод — один из центров производства художественного стекла.

в цех, где шлифуют и гранят хрустальные подвески к люстрам.

— А знаете ли вы, как можно отличить настоящий горный хрусталь от искусственного? — спрашивает нас мастер.

Вынув из ящика стола два прозрачных шарика размером с куриное яйцо каждый, он протягивает их нам. Один из них — хрустальный, другой — стеклянный.

— Угадайте, какой из хрустала? — предлагает мастер.

Мы долго рассматриваем и вертим оба шарика. На наш взгляд, они совершенно одинаковы. Мастер посмеивается над нашей неопытностью.

— Запомните, — говорит он, — настоящий горный хрусталь всегда прохладнее, чем стекло.

Я по очереди прикладываю оба шарика к щеке. Действительно, один из них заметно холоднее другого.

— А теперь посмотрите внимательно. — И мастер протягивает лупу.

Первый шарик совершенно прозрачен, а в другом видны крошечные пузырьки воздуха, образовавшиеся при отливке.

...Из Нового Бора мы поехали на восток; через невысокий перевал в Лужицких горах спустились в долину реки Нисы и, миновав большой город Либерец, доехали до Яблонца — главного центра производства стеклянных украшений.

По названию города, откуда эти дешевые, но красивые изделия в огромном количестве расходились по всему свету, они получили название «яблонецких».

Мы в большом, хорошо освещенном цехе. С восхищением смотрим, как стремительно бегают пальцы работниц, вставляя стеклышки в пустые гнезда и загибая «лапки». Вот из проворных рук выползает сверкающая чешуйкой змейка, извивающаяся как живая. Быстро вставляются «глаза» — два горящих рубина, и браслет готов.

На фабрике делают самые разнообразные браслеты: от простых и дешевых до замысловатых и дорогих, сверкающие ожерелья, бусы и многие другие украшения.

Ювелирными изделиями из стекла славится и город Турнов, находящийся у южного подножия вулканического хребта Козаков. Здесь, в горах, еще в древности добывались различные драгоценные и полудрагоценные камни, например гранат, опал, различные виды кварца. Шлифовкой самоцветов Турнов и его окрестности, а также Железный Брод, Семилы и другие городки прославились еще в средние века. Однако залежи самоцветов в горах Козаков и их окрестностях постепенно начали истощаться. Тогда шлифовщики и камнерезы стали искать другой материал. Таким материалом стало стекло, изготовленное по особому рецепту чешских мастеров.

Это было более полутысячелетия назад.

Так в Турнове, Яблонце и других городах развилось производство искусственных камней. Затем их стали вставлять в металлическую оправу изящной ювелирной работы. С тех пор и прославились «яблонецкие безделушки».

В Турнове находится единственная в своем роде во всей Европе высшая школа художественного производства ювелирных изделий. А в Железном Броде, в специальном политехникуме, оснащенном новейшим оборудованием, цехами и лабораториями, готовят новые кадры работников для чешской стекольной промышленности.

Спустя некоторое время мы познакомились в районе северочешского бурогоугольного бассейна под Крушными горами с другим видом продукции чехословацкой стекольной промышленности. Большие современные механизированные фабрики у городов Теплице, Усти и других производят в массовом количестве бутылки, баллоны для кислот, оконное стекло, огромные стекла для витрин, непрозрачные армированные зеркальные стекла и еще множество видов стеклянных изделий, необходимых как для растущей промышленности, так и для жилищно-бытового строительства, широко развернувшего-

ся сейчас в народно-демократической Чехославании.

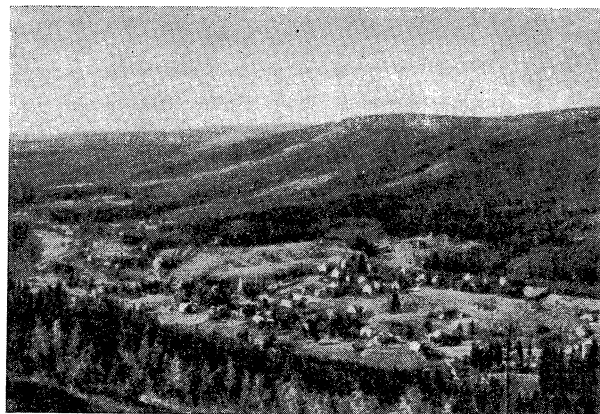
В Праге и к югу от нее работают заводы химического стекла. В столице нам показывали и новые виды оптического стекла, которое не уступает прославленному иенскому.

Мы видели гигиеничные стеклянные трубопроводы в новом молочном комбинате и на новой мельнице, самой большой в стране. Видели чудесные пустотелые стеклянные кирпичи, стеклянные плиты для облицовки кухонь, ванн и внешних стен зданий, замечательное пеностекло, кирпичи из которого не тонут в воде и режутся стальной пилой. А комбинированное стекло «Витрасилк» (из двух листов чистого стекла с прокладкой из стеклянного волокна), хорошо изолирующее тепло и звук и рассеивающее свет, является простокладом для архитекторов. К этому можно еще добавить высокого качества стеклянное волокно, которое применяется для изоляции, при изготовлении химических фильтров и для многих других целей.

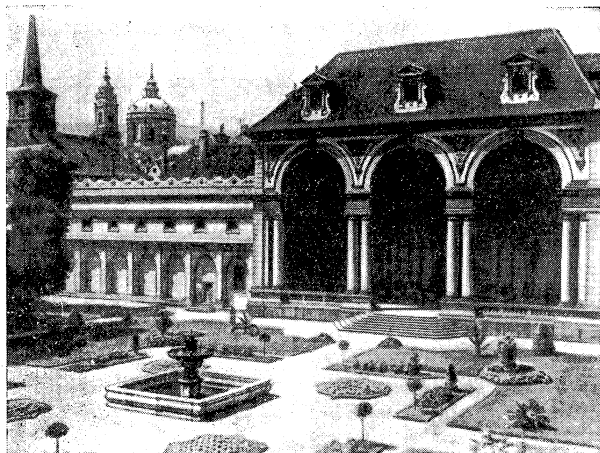
Работники чехословацкой стекольной промышленности в течение первой пятилетки увеличили выпуск продукции по сравнению с 1949 годом на 21 процент.

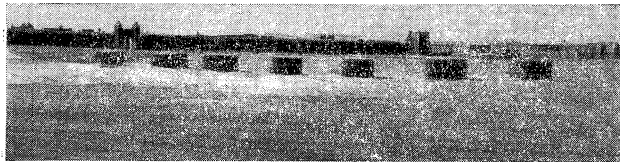
Замечательно работают мастера чешского стекла!

*Город Новый Свет
в Крконошах.
Здесь находится
старейшая в Чехии
фабрика стеклянных
изделий.*

*В этом дворце
в прошлом году была
открыта выставка
«500 лет чешского
стекла».*

ФОГГАРЫ ТАУАТА

«Дорогой пальм» обычно называют в Алжире южный район страны — Тауат, занимающий площадь в три пятых Франции. Через него проходит древний караванный путь, берущий начало в песках северной Сахары у поселения Бени-Аббес. Пересекая почти весь Алжир, путь этот тянется на тысячу километров до Ксаибу на берегах Нигера, уже в пределах Французского Судана.

В солнечный полдень оазисы Тауата пустеют.

В эти жаркие часы вся жизнь перемещается в прохладные фоггары — подземные каналы, тысячелетия назад проложенные предками теперешних жителей оазисов.

Фоггары когда-то орошали обширные земли Сахары. С поверхностью они связаны вертикальными колодцами. Похожие снаружи на короткие отрезки глиняных труб, они раскинулись среди песков на сотни километров.

С этих колодцев и начиналось сооружение фог-

гар, требовавшее тяжелого труда тысяч людей. Строители выкапывали их на глубину до 3—4 метров. Затем из одного колодца в другой прокладывали горизонтальные ходы. Так создавалась сеть каналов, по которым и поступала вода из какого-либо ее основного источника.

В настоящее время фоггары почти разрушены и занесены песком.

Лишь некоторые из них уцелели и действуют до сих пор.

В сохранившихся фогга-

рах вода собирается в особых резервуарах, из которых выходит наружу по небольшому каналу и растекается по пальмовым рощам.

Большинство таких водохранилищ принадлежит кайдам — вождям племен. Бедняки арабы вынуждены платить за воду, которую они получают для орошения.

В стенах резервуаров сделаны отверстия разных размеров — большие, средние, маленькие. Чем больше отверстие, из которого бедняк получает воду.

На снимках: наружные колодцы; распределительное устройство: видны отверстия, через которые кайды отпускают воду.

СЪЕДОБНЫЕ ГНЕЗДА

Многие, наверное, слышали о «ласточкинских гнездах» — лакомом кушанье у некоторых народов Юго-Восточной Азии. Это гнезда стрижей-саланганов, которые водятся на Суматре, Борнео, Цейлоне и других островах Тихого океана.

В мае — июне, в период гнездования, у птиц начинают усиленно работать слюнные железы, они выделяют тягучую клейкую массу, которая на воздухе постепенно затвердевает. Из нее птицы строят тонкие гнезда, прикрепляя их в виде кармашка где-нибудь в защищенном уголке: под навесом скалы или в темной пещере.

Сборщики гнезд снимают их совсем готовыми. Не найдя своих жилищ, птицы принимают за строить другие. Только теперь они используют и «подсобный материал» — перышки, травинки.

Гнезда из «чистой слюны» почти прозрачны и имеют белый или слегка желтоватый цвет.

Центром торговли съедобными гнездами является Гонконг. Отсюда

этот своеобразный товар вывозят и в другие места.

Гнезда разваривают в кипятке и очищают от примесей. Получается плотная, желеобразная масса, содержащая около 50 процентов белка.

«Ласточкины гнезда» широко применяются в тибетской медицине. Полагают, что они обладают некоторыми диетическими свойствами, снимают усталость.

В Японии изготавливают даже искусственные «ласточкинские гнезда» — из агар-агара.

„МЕДОВАЯ“ ПАЛЬМА

В окрестностях чилийского города Вальпараисо растут огромные (высотой в 30—35 метров) пальмы. Ствол пальмы, раздутый внизу до 15—20 метров в окружности, ближе к кроне сужается. Наверху, как из горлышка гигантской бутылки, торчат длинные и плотные

слегка лоснящиеся листья. Это юбея. Серовато-белая сморщенная кора ее похожа на кожу слона. Поэтому юбею иногда называют «слоновым деревом».

Пальма ценится главным образом из-за ее сока, содержащего очень много сахара.

Сок добывают самым варварским способом. Юбею спиливают под корень с таким расчетом, чтобы, падая, она зацепилась кроной за соседние деревья и осталась лежать наклонно. Из среза в течение шести недель вытекает прозрачная жидкость.

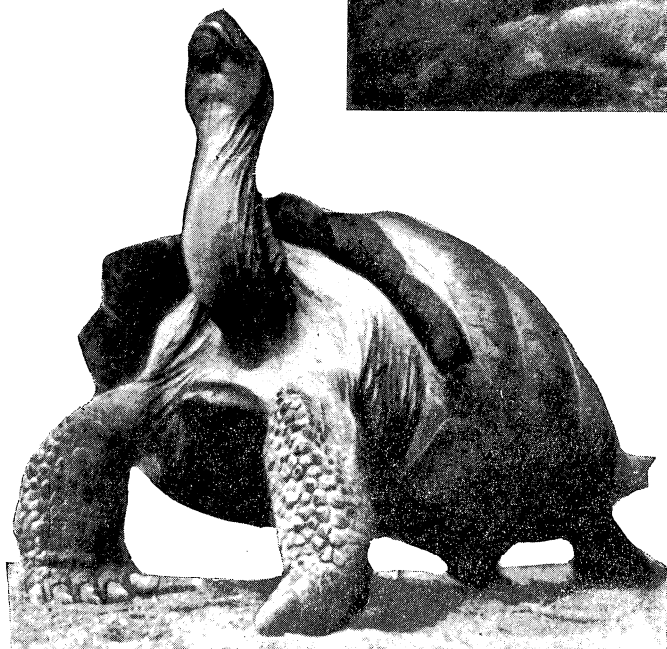
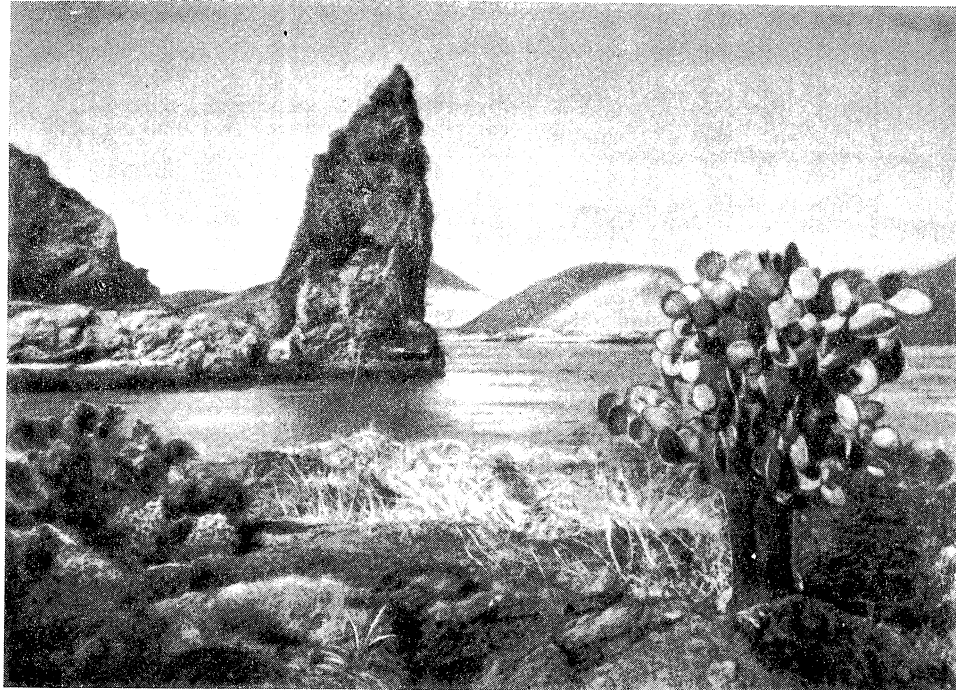
Дерево дает 300—400 литров сока. Его собирают, уваривают до густоты патоки и получают «мед».

Расточительный способ добычи пальмового сока привел к тому, что громадные когда-то леса юбеи в окрестностях Вальпараисо сильно поредели.

На суше
и
на море

Галапагосские острова.
Еще в прошлом веке здесь
бродили целые стада сло-
новых черепах.

ЧЕРЕПАХИ

И. ДАРЬЕВСКИЙ

Нередко говорят, что черепаха живет внутри своего скелета; действительно, позвоночный столб и ребра у нее плотно срастаются с панцирем и образуют с ним одно целое, чего у других животных не наблюдается.

В черепахе все необычно: плотно одевающий тело панцирь, из-под которого выдвигаются только голова, ноги и хвост; роговой клюв вместо зубов; необычайная живучесть, — черепаха без головы может прожить несколько недель; способность в течение многих месяцев и даже лет обходиться без пищи.

Но, пожалуй, наиболее интересная особенность черепах — это все-таки панцирь.

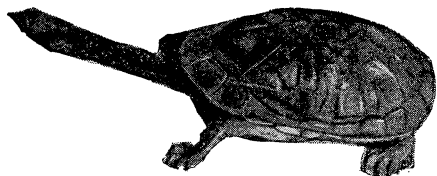
Панцирь может быть круглым, овальным, вытянутым, сердцевидным, выпуклым или почти плоским, гладким или иметь продольные кили, ребра, зубцы.

Если бы черепахи вымерли и не дожили до наших дней, то их панцирь, по словам одного из зоологов, был бы загадкой для ученых. Он является одним из замечательнейших защитных приспособлений, которые когда-либо были у четвероногих. Панцирь состоит из плотно сросшихся костных пластинок, поверх которых расположены роговые щитки. Так как границы пластинок не совпадают с границами щитков, панцирь приобретает особую прочность.

Прочность его достигается у черепахи при наименьшей затрате материала. В этом отношении панцирь может служить хорошим образцом при проектировании арок, сводов и других конструкций.

Панцирь надежно защищает животное от многих врагов, но некоторые хищники, ягуары и леопарды например, переворачивают черепах на спину и затем извлекают их из панциря когтями. Хищные птицы поднимают черепах в воздух и бросают с большой высоты на камни до тех пор, пока панцирь не разобьется. Известный русский зоолог и путешественник Н. А. Зарудный видел выступ скалы, усеянный обломками разбитых черепах.

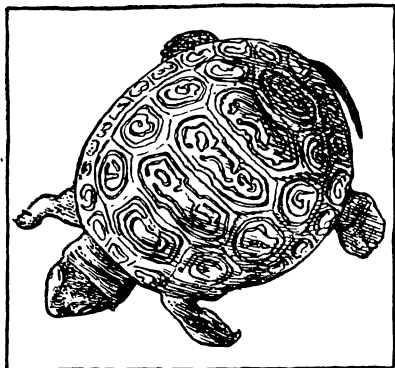

Змеиношейная черепаха.

Всего существует около 250 видов черепах. Особенно много их в тропических и субтропических странах.

Черепахи обитают на суше — в степях, пустынях и лесах; в пресноводных водоемах — реках, озерах, прудах и болотах. Морские черепахи всю жизнь проводят в открытом море, иногда в сотнях километров от берега.

Среди этих животных встречаются и гиганты длиной до 2 метров и весом в несколько сот килограммов и крошечные черепашки в 10 сантиметров, весящие всего 200—300 граммов.

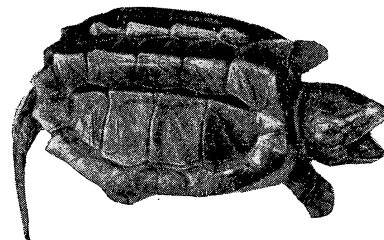
Большинство черепах серого цвета, но некоторые поражают пестро-

той окраски. У индийской пресноводной черепахи, например, спинной щит оливково-бурый с мраморными разводами и крупными оранжево-красными пятнами в передней части; брюшной щит — оранжево-желтый с темным узором, голова покрыта красными пятнами, а на шее множество яркожелтых продольных линий.

Растут черепахи довольно быстро. Крупная сухопутная черепаха за семь лет пребывания в неволе увеличилась в весе с 14 до 163 килограммов.

Живут черепахи в среднем сто пятьдесят лет.

Яйца и мясо черепах, особенно морских, очень питательны. В некоторых странах, в Америке в частности, существуют специальные фермы, где разводят этих животных. Из их жира готовится ценное техническое и пищевое масло.

Кусающаяся черепаха.

ния. В настоящее время ее успешно заменяют пластмассой.

О наиболее интересных видах черепах мы расскажем в нашей статье.

СЛОНОВЫЕ ЧЕРЕПАХИ

«Я встретил двух огромных черепах, каждая весила по меньшей мере 100 килограммов. Одна из них ела кусок кактуса, посмотрела на меня, когда я приблизился, и затем спокойно пошла дальше, другая же издала глухое шипение и втянула голову. Чудовищные пресмыкающиеся среди застывшей черной лавы, безлистных кустарников и больших кактусов показались мне существами первобытного мира». Так описывает Чарлз Дарвин в «Путешествии на корабле «Бигль» свое знакомство с гигантскими черепахами на Галапагосских островах.

В XVI—XVII веках на островах, расположенных в тропической части Индийского и Тихого океанов, встречались огромные стада этих животных. Особенно много их было на Галапагосских, Маскаренских и Сейшельских островах.

Некоторые черепахи достигали 2 метров в длину и весили около 200 килограммов. За высокие неуклюжие ноги они получили название слоновых.

Черепахи протаптывали к пресным источникам широкие тропинки, по которым путешественники находили воду.

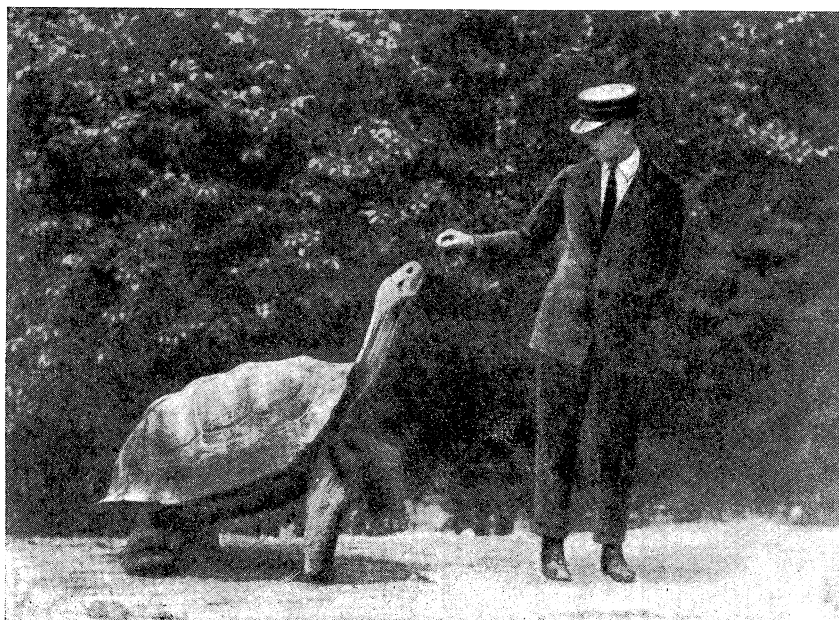
«Замечательное зрелище представилось мне у этих источников, — пишет Дарвин. — Там было множество этих огромных животных. Одни спешили к воде, далеко вытянув шею, другие возвращались обратно. Придя к источнику, черепаха погружает голову глубоко в воду, жадно пьет большими глотками. Я часто садился к ним на спину и несколькими ударами по задней части панциря заставлял их встать и идти вперед, при этом было довольно трудно сохранять равновесие».

Слоновые черепахи хищнически истреблялись. Их сотнями увозили в трюмах кораблей в качестве «живых консервов»: в продолжение многих месяцев они существовали без всякой пищи. Подсчитано, что с различных островов было выве-

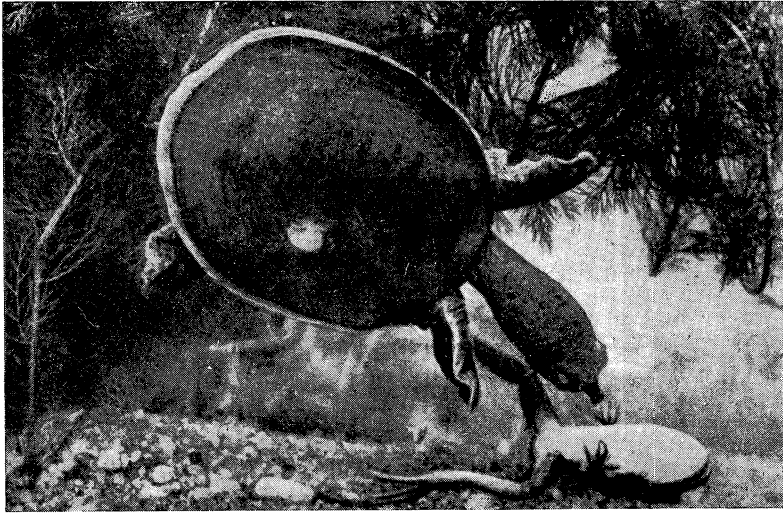
ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЧЕРЕПАХА

Некоторых черепах террарин называют «географическими». Сложные узоры на их панцире напоминают очертания материков, островов, морей.

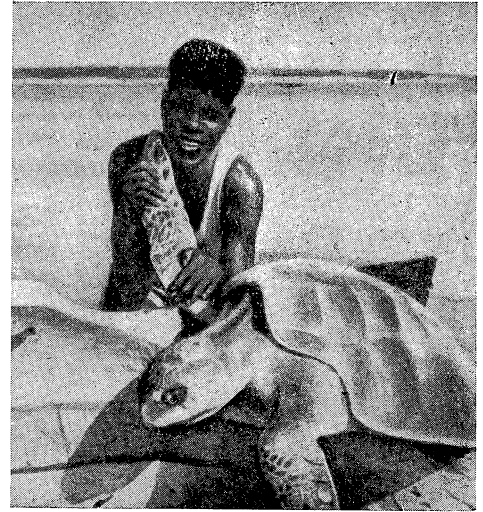
До недавнего времени существовал промысел «черепаховой кости». Роговые щитки панциря погружали в кипящую воду, и они склеивались между собой. Полученную массу помещали под пресс. Из черепаховой кости делали дорогие гребни, пуговицы, броши и другие украше-

Слоновая черепаха в Лондонском зоопарке.

Трионикс охотится за лягушкой.

Морская черепаха.

зено в общей сложности не менее 10 миллионов слоновых черепах.

Сейчас эти животные почти совсем истреблены. Последние слоновые черепахи доживают свой век в различных зоопарках.

МОРСКИЕ ЧЕРЕПАХИ

Когда они плавают взад и вперед во всех направлениях, то напоминают больших хищных птиц. Эти черепахи ныряют и плавают одинаково превосходно на различных глубинах.

Они широко распространены в тропических и умеренных зонах Атлантического, Индийского и Тихого океанов. Их жизнь протекает в открытом море, и на сушу они выходят только для кладки яиц.

Движения морских черепах сильны и быстры. Они очень выносливы. Конечности этих крупных пресмыкающихся хорошо приспособлены к передвижению в воде, они не втягиваются под панцырь и имеют форму ластов. Сила их так велика, что пойманная на берегу черепаха может тащить на себе столько людей, сколько умещается на ее панцыре.

Пожалуй, наиболее интересная морская черепаха — это кожистая. Она самая крупная из современных черепах: длина ее панцыря достигает двух метров, весит она почти тонну.

Кожистая черепаха встречается довольно редко, и поймать ее мож-

но обычно только на суше. Известен случай, когда такая черепаха стащила к воде шестерых рыбаков, охотившихся на нее. Связать ее удалось десяти человекам только после отчаянной борьбы.

Способы ловли морских черепах очень разнообразны. На острове Куба, например, для этого используют рыб из семейства макрелевых, так называемых прилипал. Рыбы эти имеют на голове большую присоску, с помощью которой они присасываются к днищам кораблей, к морским животным.

К хвостам нескольких прилипал привязывают длинную веревку и та-

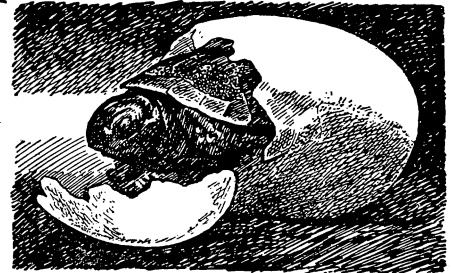
животное, его переворачивают на спину и связывают ласты. Такая охота требует большой ловкости и осторожности.

МЯГКИЕ ЧЕРЕПАХИ

На рынках Китая, Индии и стран Юго-Восточной Азии часто продают так называемых мягких черепах. Панцырь их покрыт не роговыми щитками, а гладкой кожей, образующей по его краям мягкую складку. Кончик морды вытянут в мягкий хоботок с ноздрями, роговые челюсти прикрыты мясистыми губами. На ла-

„БЕСПРИЗОРНИКИ“

Черепаха не заботится о своем потомстве. Яйца она закапывает в песок, и их развитие происходит под действием солнечных лучей. Едва выйдя из яйца, молодые черепашки сами находят путь к воде и пищу.

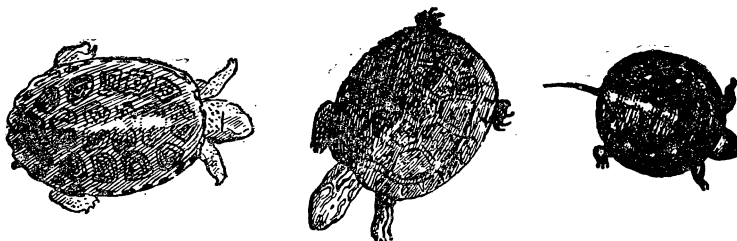
щат их за лодкой. Когда они прочно присосутся к панцырю черепахи, их подтягивают к лодке.

Иногда к спящей на воде черепахе бесшумно приближаются вплавь или на небольшой лодке. Схватив

пах у них по три длинных острых когтя, поэтому их называют также триониксами — «трехкогтевыми». Крупные мягкие черепахи весят до 100 килограммов.

Живут триониксы в реках и озерах Азии, Северной Америки и Африки, в илистых, медленно текущих водах, заросших камышом. Черепахи, обитающие в устьях рек, уплывают в открытое море. Они могут больше десяти часов находиться под водой, так как через богатую кровеносными сосудами кожу глотки усваивают воздух, растворенный в воде.

Питаются мягкие черепахи рыбой, лягушками, а иногда нападают на

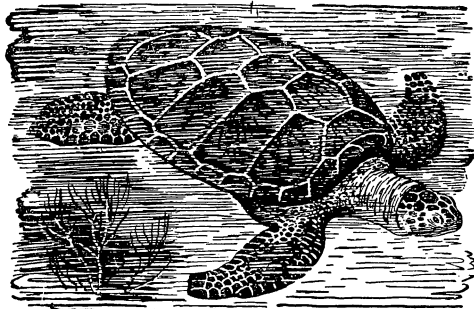

Матамата.

молодых аллигаторов. Взрослые же крокодилы нередко поедают их самих.

Охота на триониксов опасна: черепаха может нанести глубокие раны острыми, как ножницы, роговыми челюстями и длинными шиловидными когтями.

В реках Индии трионикса нащупывают в иле под водой длинной бамбуковой палкой. Затем баграми подцепляют за складку кожи на панцыре и вытаскивают.

СУПОВАЯ ЧЕРЕПАХА

Вкусный суп готовят из морской зеленой черепахи. Поэтому ее еще называют суповой.

КУСАЮЩИЕСЯ ЧЕРЕПАХИ

«Крокодил в панцыре черепахи» — так прозвали этих животных. Они с яростью набрасываются на свою добычу и не отпускают ее.

Выходя из яйца, черепашка уже пытается кусаться, едва высунула из скорлупы голову.

Один путешественник рассказывал, что пойманная и посаженная в лодку черепаха сейчас же поднялась на ноги и стремительно бросилась вперед, кусая подставленное весло.

Эти сравнительно крупные черепахи водятся в Северной Америке. Живут они в болотах и реках, где зарываются в илистое дно. Нередко они нападают на вошедшего в воду человека и наносят ему серьезные раны своими острыми крючковатыми челюстями.

Питаются черепахи рыбой и земноводными, но бросаются и на домашних водоплавающих птиц. Чере-

паха втягивает гуся или утку за лапы под воду и быстро топчет свою добычу.

БОЛЬШЕГОЛОВЫЕ ЧЕРЕПАХИ

Кажется, что большая ящерица пыталась пролезть сквозь плоский панцырь, посредине его застряла, и торчат голова, ноги и чешуйчатый хвост.

Голова так велика, что не помещается под панцырем. В случае опасности черепаха втягивает под него только шею; голова, покрытая сплошным роговым чехлом, плотно прижимается к передней части панцыря и как бы служит его продолжением. Крепкие челюсти черепахи вооружены сильным, изогнутым, как у хищной птицы, клювом.

Большеголовые черепахи живут в реках Китая, Филиппинских островов и других стран Юго-Восточной Азии. В отличие от других пресноводных черепах они не боятся сильного течения и нередко встречаются у порогов и водопадов.

ЗМЕИНОШЕЙНЫЕ ЧЕРЕПАХИ

Подстерегая добычу, матамата неподвижно лежит в зарослях, зарывшись в ил. Высунута только ее

го, изгибая шею, прижимают голову к телу.

Змеиношейные черепахи живут в реках Южной Америки, Австралии и Новой Гвинеи.

* * *

Черепахи принадлежат к тем немногим современным животным, которые почти без изменения сохранились на протяжении многих миллионов лет, прошедших со времени их появления на земле. Это тем более интересно, что по своему строению и внешнему виду черепахи, о чем уже говорилось выше, очень резко отличаются от всех других животных, когда-либо живших на земле.

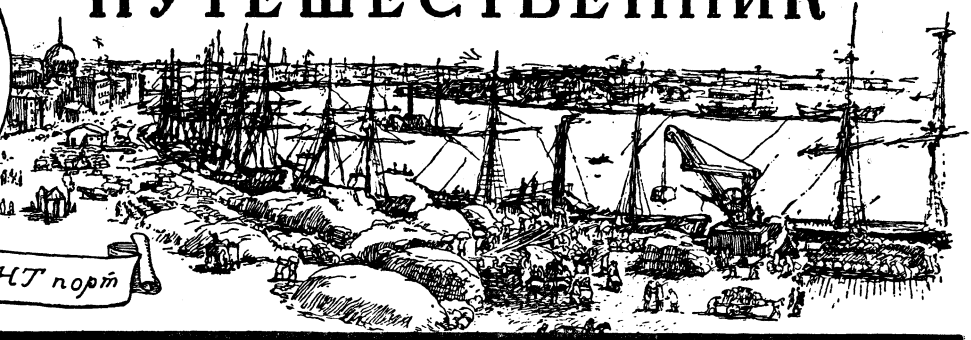
Возникновение твердого панцыря, покрывающего тело животного, привело к тому, что скелет, внутренние органы, а в связи с этим и многие жизненные функции черепах претерпели серьезные изменения. Поэтому изучение этих пресмыкающихся представляет большой интерес для палеонтологов, зоологов, физиологов и специалистов других областей биологии.

Лишь совсем недавно было, например, окончательно выяснено, как черепахи дышат. У них есть легкие. Но, как известно, у животных, дышащих легкими, грудная клетка то расширяется, то сжимается, обеспечивая таким образом вдох и выдох. Как же обстоит дело у черепахи, если ее грудная клетка неподвижно срослась с панцырем и не может изменять своего объема? Оказывается, что изменение объема легких у большинства черепах происходит при помощи движений шеи и костей плечевого пояса, в частности лопатки, которая у них, в отличие от всех других животных, располагается внутри грудной клетки. Кроме того, черепахи как бы накачивают воздух в легкие, набирая его в ротовую полость и затем заглатывая.

О черепахах написаны тысячи страниц книг и научных работ, принадлежащих перу ученых самых разных специальностей, но все же сказать, что эти замечательные животные уже окончательно изучены, мы еще не можем.

ВСЕМИРНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

КИРИЛЛ АНДРЕЕВ

Рисунки П. Гавлинова

Знаменитый писатель Жюль Верн написал множество книг, больше ста томов. Его герои объехали не только весь земной шар, но путешествовали в мировом пространстве. Они пять раз совершали кругосветный рейс, побывали на обоих полюсах, в те годы еще не открытых, исследовали малоизвестные тогда материи — Африку и Южную Америку, изучали морское дно. Они облетели вокруг Луны, охотились за метеорами и, обосновавшись на блуждающей комете, пронеслись между планетами до крайних пределов солнечной системы.

Но кто же был сам автор всех этих необыкновенных путешествий? Об этом сто лет спорили и до сих пор продолжают спорить его читатели. Одни считали, что это смелый путешественник, объехавший весь свет, другие утверждали, что это домосед, никогда не покидавший своего кабинета, описывающий чужие страны только по книгам. Иные говорили, что это старый морской волк «капитан Верн», а некоторые даже думали, что он никогда не существовал, что целое географическое общество пишет под этим псевдонимом.

Мы не знаем почему, но Жюль Верн никогда не опровергал легенд, окружавших его имя ореолом таинственности. Больше того, он как-то сказал одному своему другу, указывая на карту Земли, укрывающую стену его кабинета:

— Я довольствуюсь вот этим. Я иду по следам моих героев. От настоящих путешествий мне всегда приходится отказываться.

— Как, вы не совершили ни одного кругосветного путешествия? — спросил изумленный посетитель.

— Нет, никогда!

— И никогда не видели людоедов?

— Что вы! Я боялся, что они меня съедят!

Сказки, которые сочиняли о Жю-

ле Верне, прожили полвека после его смерти.

В действительности писатель был страстным путешественником и с раннего детства мечтал о дальних странах. Недаром несколько поколений его предков были моряками, кораблестроителями и судовладельцами.

Родился он в старинном городе Нанте, в одном из крупнейших портов Франции, лежащем на берегу полноводной реки Луары, в пятидесяти километрах от ее устья. Мальчик вырос на острове Фейдо, расположенном на самой середине реки. Остров был похож на огромный каменный корабль, плывущий вниз по Луаре. Для мальчика главная улица острова казалась капитанским мостином, а позиция у слухового окна дома — «воронийм гнездом» на вершине мачты. В те годы к Нантскому порту был приписан флот в две с половиной тысячи судов. На пристанях горами возвышались бочонки с ромом, мешки с кофе и какао, связки сахарного тростника. Лето маленький Жюль проводил на даче в Шантеней, пригороде Нанта. Океанские парусники, отчаливавшие от пристани, проплывали мимо мальчика. Иногда он видел таинственные «пиротскафы» — паровые корабли, которые мчались против течения и ветра, словно катясь на своих огромных колесах.

Ранним летним утром 1839 года, сложив в маленький парусиновый мешок немного одежды, несколько книг и две пригоршни сухарей — «настоящих морских галет», одиннадцатилетний Жюль прокрался через спящий дом и кружным путем выбрался на большую дорогу. У харчевни под названием «Человек, приносящий три несчастья» уже толпились бордаты рыбаки, матросы в полосатых фуфайках, морские офицеры с золотым шитьем на мундирах. Несколько часов подряд юный ме-

чтатель, теребя фуражку, предлагал свои услуги боцманам и офицерам, шкиперам и капитанам. Мальчик был небольшого роста, но коренаст и хорошо знал морской жаргон. Поэтому капитан Кур-Грандмезон, шкипер трехмачтовой шхуны «Корали», критически разглядев смелого подростка, наконец кивнул головой и молча указал трубкой на свой корабль, стоявший невдалеке от берега.

Шхуна снялась с якоря в полдень, чтобы отплыть в Индию. Исчезновение мальчика было замечено не сразу; в погоню за ним немедленно был снаряжен паровой катер — новинка и гордость Нантского порта, который, чудовищно дымя, помчался вниз по Луаре. Через несколько часов, уже в устье, на пороге океана, корабль с беглецом был постигнут, и путешественник водворен в отчий дом.

Второе путешествие, уже более удачное, Жюль Верн предпринял только в 1858 году. Банковский чиновник и начинающий писатель, он совершил на грузовом пароходе рейс по маршруту Сен-Назер—Ливерпуль—Гебридские острова—Эдинбург—Лондон—Сен-Назер. Это плавание по трем морям, через три пролива, вокруг всего Великобританского острова было настоящим морским крещением Жюля Верна. Впервые он увидел океан с палубы настоящего корабля!

Бурное Бискайское море было полетнему великолепным. Жюль Верн больше половины времени проводил не на палубе, а внизу, с командой. Он задавал офицерам и матросам один вопрос за другим. В какое время года бывают бури на Ла-Манше? Плавал ли кто-нибудь из экипажа в открытом океане? А в Арктике? Нападают ли киты на большие суда? Узнав, что одному седобородому матросу «посчастливилось» потерпеть кораблекрушение, Жюль весь день ходил за ним с карандашом и запис-

ной книжкой. Где это произошло? Почему погиб корабль? Каким образом людям удалось достигнуть земли? О чем думаешь, когда считаешь себя погибшим?

Когда Жюль Верн вернулся из путешествия, его записная книжка была переполнена заметками и очерками. Его поразили лондонские доки, верфи Темзы и строящийся там корабль «Грейт Истерн» — величайшее в то время судно мира. «Когда-нибудь я совершу путешествие на нем», — писал он жене из Лондона.

Через три года еще более романтическое предприятие овладело его воображением. Ему удалось вместе со своим другом, композитором Иньяром, устроиться бесплатным пассажиром на маленький угольщик, который отправлялся в плавание на целых три месяца. Он должен был посетить множество портов Норвегии, Швеции и Дании.

15 июня 1861 года маленькое суденышко, чуть не до самых мачт нагруженное углем, отплыло из Сен-Назера. Как зачарованные, друзья любовались берегами Скандинавии, изрезанными глубокими фьордами, восхищались скалистыми островами, омываемыми холодным морем. Невольно в воображении вставала Исландия,

остров огня и льда, родина первых открывателей Америки... Подножия гор, выбегающих к самому берегу, были подернуты мягкой дымкой зелени: потемнее там, где сосны и ели, и серовато-зеленой там, где березы. Дома каждой деревни были выкрашены в какую-нибудь одну краску: зеленую, розовую, желтую, яркокрасную. Крыши из березовой дранки, переложенной дерном, цвели, как крошечные луга...

Это был Телемарк — захолустье Норвегии, но для Жюль Верна этот край был как бы всем миром, увиденным через «бэконовский кристалл» — волшебное стекло средневековых алхимиков, через которое можно видеть весь мир. Здесь были горы и глетчеры, как в Швейцарии, грандиозные водопады, как в Америке, крестьяне были одеты в старинные костюмы, как в Голландии... И, главное, как бы ни мелькали эти пестрые картины, всегда неизменным оставалось море, которое гудело и ревело и лизало борта корабля.

Путешествие в Америку Жюль Верн совершил в 1867 году на том самом «Грейт Истерне», о котором девять лет назад писал жене. Теперь его мечта исполнилась. Вместе со своим братом, капитаном дальнего плавания Полем Верном, он стоял на набережной

Ливерпуля, пытаясь что-либо рассмотреть сквозь густой утренний туман.

Маленький парходик, предназначенный для перевозки пассажиров, принял, наконец, братьев на борт и ровно в семь утра отчалил от берега.

«Грейт Истерн» стоял на якорях почти в трех милях от Ливерпуля, вверх по реке, — так рассказал об этой памятной встрече Жюль Верн. — С набережной Нью-Принс его не было видно. Только когда мы обогнули берег в том месте, где река делает поворот, он появился перед нами. Казалось, что это был небольшой остров, наполовину окутанный туманом. Сначала мы увидели только носовую часть корабля, но когда парход наш повернул, «Грейт Истерн» предстал перед нами во всю свою величину и поразил нас своей громадностью. Около него стояло три или четыре угольщика, которые ссыпали ему свой груз. Перед «Грейт Истерном» эти трехмачтовые суда казались небольшими барками. Трубы их не доходили даже до первого ряда портов, а брамстенги не превышали его бортов. Гиганту ничего не стоило взять их в качестве паровых шлюпок».

Заметки, беглые зарисовки и цифры заполнили записную книжку

ку писателя. В первый день он сделал лишь самую лаконичную характеристику корабля:

Длина — больше двух гектометров (690 футов).

Тоннаж — 17.915.

Пассажиров — 2 186.

Мощность — 11 000 лошадиных сил.

Давление пара — 30 фунтов на квадратный дюйм.

Скорость — 13 узлов.

Мачт — 6.

Труб — 4.

Стоимость — 750 000 фунтов стерлингов...

Вечерами писатель отпраплялся на «бульвар», так он шутливо именовал палубу, — он кичился, что как истый парижанин не мыслит жизни без бульваров — и, опершись на поручни, глядел на безбрежное море.

«В воздухе чувствовался острый запах морской воды, волны были покрыты пеной, в которой в виде радуги отражались преломленные лучи солнца. Внизу работал винт, свирепо разбивая волны своими сверкающими медными лопастями.

Море казалось беспредельной массой расплавленного изумруда. Бесконечный след корабля выделялся на воде беловатой полосой и походил на громадную кружевную вуаль, наброшенную на зеленоватый шелк. Белокрылые чайки то и дело пронеслись над нами...»

Когда открылись американские берега, пассажиры стали ожидать лоцмана. Начались безумные пари:

— Десять долларов за то, что лоцман женат!

— Двадцать, что он вдовец!

— Тридцать, что у него рыжие бакенбарды!

— Шестьдесят, что у него на носу бородавка!

— Сто долларов за то, что он вступит на палубу правой ногой!

— Держу пари, что он будет курить!

— У него будет трубка во рту!

— Нет, сигара!

— Нет! Да! Нет! — раздавалось со всех сторон.

Наконец столь нетерпеливо ожидаемый лоцман прибыл. Он был маленького роста и совсем не походил на моряка. На нем были черные брюки, коричневый сюртук с красной подкладкой и клеенчатая фуражка. В руках он держал большой дождевой зонтик.

Его встретили радостные приветствия выигравших и крики неудовольствия проигравших.

Оказалось, что лоцман был женат, что

у него не было бородавки и что усы у него светлые.

На палубу же он спрыгнул обеими ногами.

За его спиной — там, совсем рядом, лежал Новый Свет.

За короткий срок братья успели осмотреть Нью-Йорк, побывать в главных городах восточных штатов, полюбоваться Ниагарой и пересечь канадскую границу. Величественная природа Америки привела писателя в восторг.

Но Соединенные Штаты совсем не оказались той обетованной страной, о которой мечтал Жюль Верн. Правда, здесь не было ни монархии, ни сословий, ни военщины — всего того, что так ненавидел писатель. Но молодой американский капитализм оказался еще более свирепым, чем капитализм дряхлой Европы.

Однако это первое впечатление было еще мимолетным. Для молодого писателя эти тревожные мысли были заслонены образами красоты земного шара.

«Теперь, когда я сижу за своим письменным столом, — записал он в своем дневнике по возвращении на родину, — мое плавание на «Грейт Истерне» и дивная Ниагара могли бы показаться мне сном, если бы передо мною не лежали мои путевые записки.

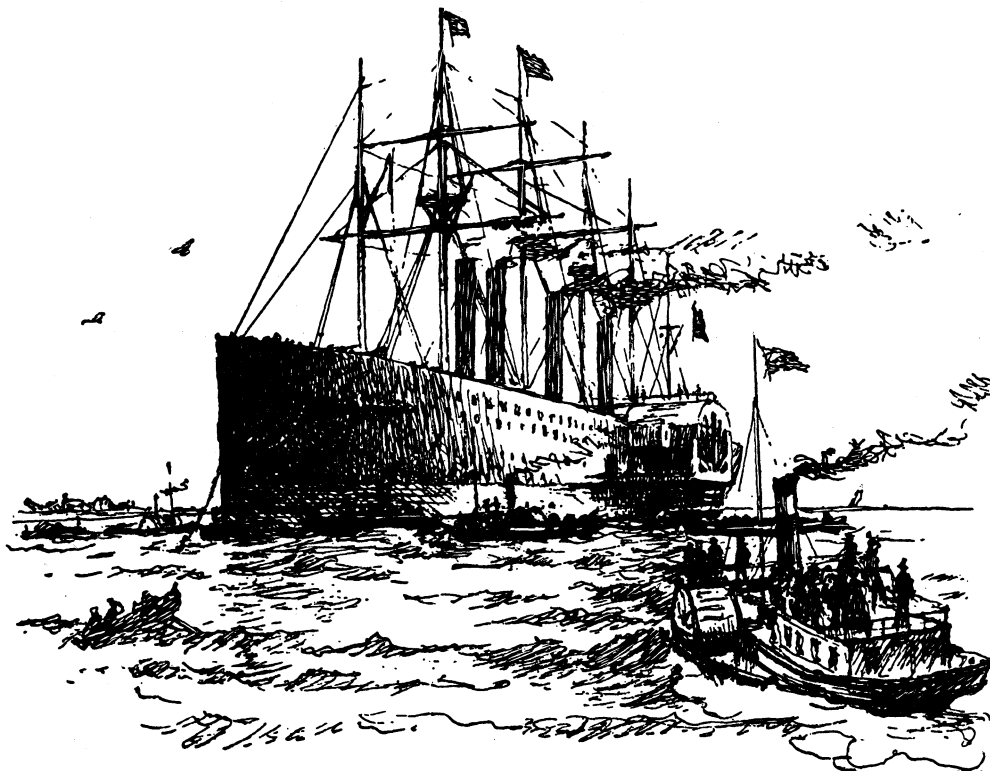
Нет на свете ничего лучше путешествий!»

Ко времени своего путешествия в Америку Жюль Верн уже вполне мог считать себя старым морским волком: он был не только капитаном, но и владельцем собственного корабля. Весной 1866 года вместе со своим четырехлетним

сыном Мишелем он поселился в маленькой рыбацкой деревушке Ле Кротуа, лежащей в устье Соммы, в пяти километрах от открытого моря. Местные жители называли свои рыбацкие лодки с открытой кормой и широким корпусом «кузнечиками». Одна из таких шхун с помощью местного плотника, единственного в Ле Кротуа, меньше чем за месяц была превращена в некоторое подобие яхты. В честь «небесного покровителя» нормандских рыбаков суденышко получило имя «Сен-Мишель», чему немало радовался маленький Мишель, а на первой странице «настоящего» судового журнала корабля гордо красовалась надпись: «Судовладелец и капитан — Жюль Верн».

Кораблик представлял собой удивительную смесь яхты и рыбацкой лодки. Но если для жителей Ле Кротуа «Сен-Мишель» все еще оставался «кузнечиком», то для нового владельца это было исполнением детской мечты.

Восемь тонн водоизмещения, впереди кубрик — вернее дыра для команды, на корме каюта для капитана и пассажиров, высотой и шириной меньше полутора, длиной около двух метров, — разве этого мало для человека с воображением! Правда, обставлена каюта была не слишком роскошно: две лавки с тюфяками из морской травы — сиденья днем и спальные койки ночью, доска на шарнирах, заменяющая письменный стол, и висячий шкаф, где хранились судовые журнал и «корабельная библиотека», состоящая из астрономического альманаха, морских

карт и нескольких географических словарей.

В матросском берете и простой блузе из толстого синего сукна или вязаной фуфайке в ясные дни, в непромокаемом плаще и клеенчатой рыбацкой шляпе в непогоду, «капитан Верн» определял по солнцу местоположение судна и наносил его на карту, следил за «хронометром», вел журнал плавания и, стоя на палубе, которую

ков вытаскивал свою яхту на берег и отправлялся домой, в тихий Амьен. Но каждую весну он неизменно снова возвращался в Ле Кротуа.

Конфискованный во время франко-прусской войны корабль Жюль Верна был сожжен немецкими войсками. Позже усилиями все того же старого плотника из Ле Кротуа был рожден новый «Сен-Мишель», получивший, как короно-

Кают-компания была отделана красным деревом, остальные каюты — светлым дубом.

— На этом судне мы сможем совершить путешествие вокруг света, — сказал Жюль своему брату, когда они осматривали новое приобретение.

Жюль Верн вступил во владение кораблем в 1876 году и дал ему название «Сен-Мишель III».

Первые годы корабль капитана Верна делал только каботажные рейсы. Позже, когда место на мостике занял капитан Оллив, старый земляк писателя, плавания стали более далекими. «Сен-Мишель» крейсеровал у берегов Португалии, Испании, Бельгии, Голландии, Англии, Шотландии, Ирландии, Дании, Швеции, Норвегии, даже Исландии. «Великий романтик на море» обычно писали газеты, и каждый маленький порт надеялся, что корабль Жюль Верна его посетит...

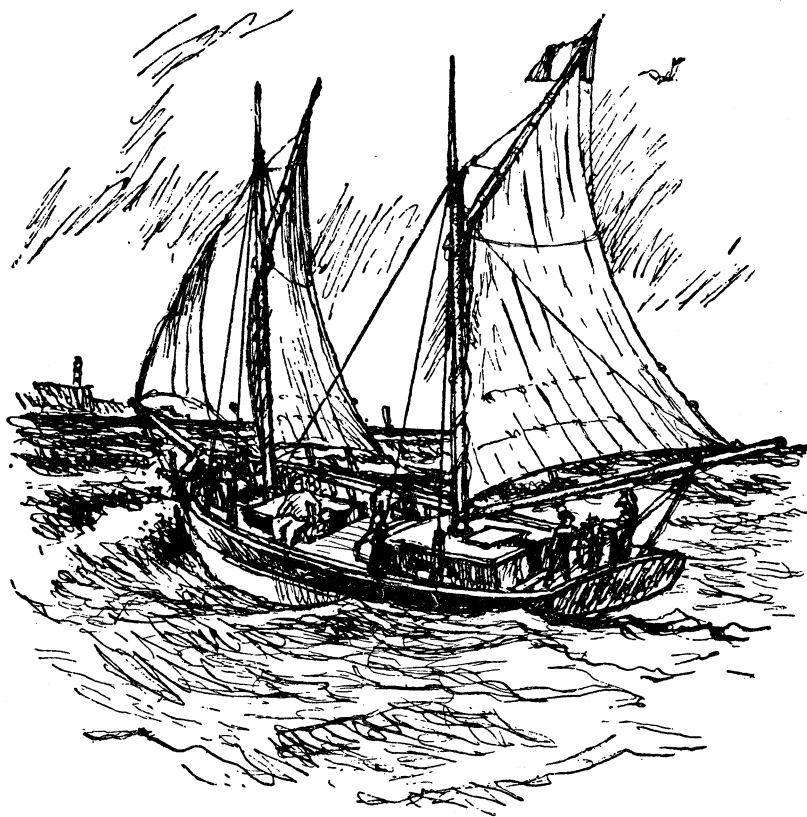
Когда-то писатель использовал свои морские путешествия для работы. Теперь, на борту своей яхты, он лишь отдыхал и мечтал, зная, что в тишине кабинета его ждет старая конторка, стопка аккуратно нарезанной бумаги и связка тонко очиненных карандашей.

Но море все время жило в его воображении — не синие океаны географических карт, но живые зеленые волны, бьющие в борта корабля. «Море, музыка и свобода — вот все, что я люблю», — сказал он однажды своему племяннику. А в дневнике путешественник он написал:

«У моря нет собственного цвета; это только громадное отражение неба. Синее оно? Его синей краской не изобразишь. Зеленое? Зеленой не изобразишь. Его легче схватить в его ярости, когда оно мрачно, бледно, когда кажется, что небо в нем смешало все облака, которые развесило над ним... Ах! чем больше я смотрю на этот океан, тем величественнее он мне представляется. Океан! Одним этим словом сказано все! Океан! Это громада! На недостижимых глубинах он скрывает безграничные луга, рядом с которыми наши луга — пустыни, как говорит Дарвин. Что материи, даже самые обширные по сравнению с ним — простые острова, которые он окружает своими водами...»

В 1884 году Жюль Верн впервые почувствовал себя очень усталым. Нужно было сделать большой перерыв в работе. Прогулка вдоль побережий не казалась уже достаточной, большие моря и дальние страны снова, как в юности, стали манить стареющего писателя. Ему только что исполнилось 56 лет; еще не поздно было совершить кругосветное путешествие.

Плавание это превратилось в ряд триумфов. В честь знаменитого писателя местные власти устраивали приемы и чествования, вы-

си именовал «мостиком», с достоинством командовал своим экипажем, состоящим из двух рыбаков, пенсионеров французского военного флота, взрывавших на мир с флегматичностью истых морских волков.

Очень часто встречные корабли первые салютовали маленькому паруснику, храбро пробирающемуся среди волн, а капитаны пакетботов выкрикивали в рупор слова приветия. Эти знаки внимания относились, конечно, не к «Сен-Мишелю», а к его владельцу. И капитан Верн неизменно вежливо отвечал им, салютуя собственным флагом — трехцветным со звездой.

«Сен-Мишель» обычно крейсеровал вдоль побережья, от берегов Бретани на юге до северных берегов Франции, заплывая иногда в бельгийские и голландские воды. Изредка он даже отваживался пересекать пролив и посещать меловые берега Англии. Когда наступала осень, писатель с помощью экипажа и местных рыба-

ванная особа, прозвище «Второй». Он так же верно служил своему капитану, каждый год храбро отправляясь в открытое море.

Но Жюль Верна обуревали гордые замыслы. Он мечтал уже не о каботажных плаваниях, а о далеких путешествиях. Но он был терпелив, он ждал, он присматривался, он выбирал. И случай, наконец, представился — и какой случай!

...Это была одна из лучших в мире яхт, построенная по заказу бельгийского короля Леопольда I и только из-за его смерти перешедшая в другие руки. Корабль был настоящим красавцем. Построенный в Нанте, родном городе Жюль Верна, прославленными инженерами-судостроителями, он имел железный корпус длиной в 53 метра, и его водоизмещение равнялось 67 тоннам. Белая, сильно наклоненная назад труба и две мачты с полным рангоутом позволяли яхте легко достигать скорости в 17—20 километров в час.

сылали за ним экипажи, украшенные цветами, говорили речи и произносили тосты. Изрядно утомленный путешественник спешил к Суэцкому каналу, но каждый город желал его видеть. Пройдя через Гибралтар, корабль долго блуждал по средиземноморским портам, пока, наконец, не добрался до Италии. В Чивита-Веккиа писатель решил на время покинуть корабль и побывать в Риме, Флоренции и Венеции. Венецианцы устроили ему пышную встречу. Город был иллюминирован, балконы и карнизы украшены свечами-транспарантами. «Эвива Джулио Верне!» — кричала толпа. Маленькая девочка поднесла герою праздничные лавровый венок.

...Но внезапно заболела жена Жюль Верна, сам он чувствовал себя очень плохо, и они решили возвратиться домой, в Амьен, по железной дороге. Путешествие было прервано — на время. Писатель никак не предполагал, что это плавание будет последним.

Тяжелая болезнь приковала писателя к его уединенному кабинету, расположенному в высокой башне. Но он все же продолжал путешествовать в своих книгах.

И если ему не удалось самому закончить свое кругосветное путешествие, то это сделали за него герои — Немо, Робур, Филеас Фогг, Дик Сенд, Антифер, экипаж яхты «Дункан». И, путешествуя по всему миру, они смотрели на все глазами Жюль Верна.

На полках библиотеки Жюль Верна теснились огромные томы ученых сочинений по географии, подлинные записки путешественников, новые номера журналов. Его частыми посетителями и друзьями были ученые, изобретатели, инженеры, исследователи далеких стран. На специальный

стол в его кабинете ежедневно падал целый дождь писем, пролетевших множество зеленых лье и бледносиних миль. Писатель с помощью своих двух внуков вел огромную картотеку — свыше двадцати тысяч карточек, — куда заносились все открытия в науке, все новейшие изобретения. Но весь этот почти необозримый материал ложился в книги писателя лишь пропущенный через его сознание, одухотворенный его идеями. Эти идеи оживали в образах его бесстрашных героев, преданных делу свободы, полных веры в науку.

Влияние великого сорок восьмого года определило мировоззрение молодого Жюль Верна. Сильный отпечаток наложили на него идеи утопического социализма. Ненависть писателя ко всякому угнетению — социальному, национальному, расовому, любовь к свободе привлекали к нему сердца многих поколений читателей.

«Британская политика, — читаем мы в книге «Дети капитана Гранта», — направлена к уничтожению туземных племен, к изгнанию их из тех местностей, где жили их предки. Овладев страной, англичане призвали на помощь колонизации убийство, жестокости их были неописуемы. Они вели себя в Австралии так же, как в Индии, где исчезло пять миллионов индусов, так же, как в Капской области, где из миллиона готтентотов уцелело всего сто тысяч. А недавно газеты сообщили, что в город Гобарт явился последний из тасманийцев»

Жюль Верн побывал в Африке лишь один раз, но его герои восемь раз пересекли таинственный черный материк. Где бы они ни бродили — в песках Сахары, в тропических джунглях Анголы,

в саваннах Трансвааля, — везде они были борцами за свободу негров, страстными противниками работорговли.

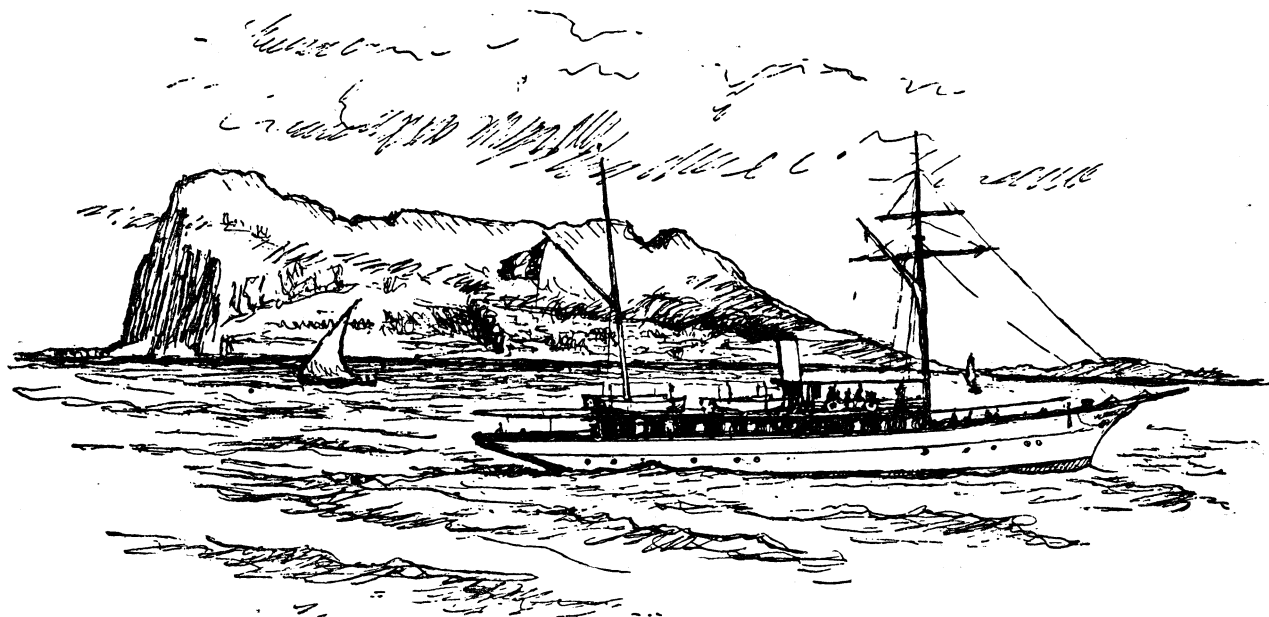
«Работоторговля! — писал Жюль Верн в романе «Пятнадцатилетний капитан». — Все знают, что значит это страшное слово, которому не должно быть места в человеческом языке».

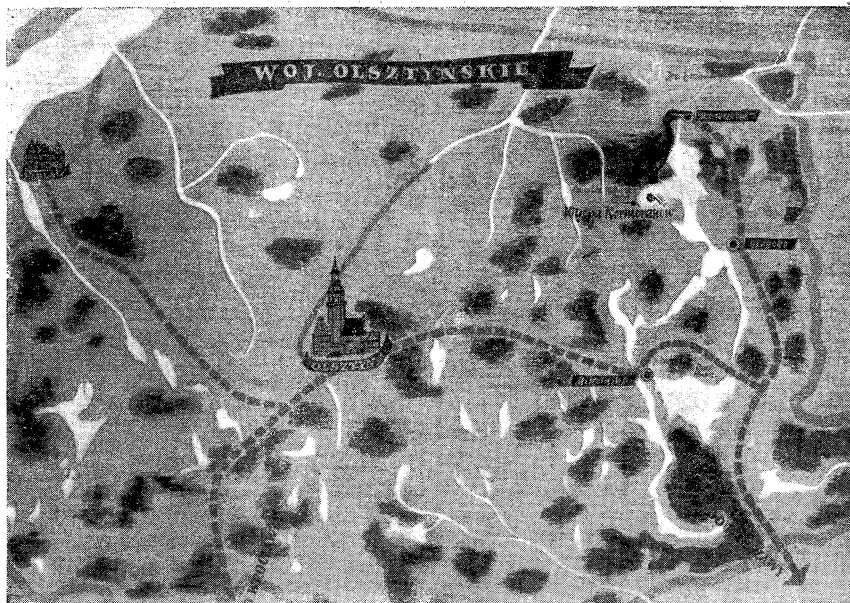
«Позорная торговля людьми долгое время с большой выгодой производилась европейскими нациями, имевшими колонии за океаном. Прошло уже много лет после запрещения работорговли, однако и по сей день она продолжает существовать... Нельзя замалчивать постыдное снисхождение к торговле людьми, какое проявляют многие представители европейских держав... Так обстоят дела в Африке и по сей день!»

Смелые и неутомимые герои Жюль Верна исколесили весь земной шар. Но они были не только отважными людьми: они были борцами за свободу, они верили в могущество науки, помогающей человеку побеждать природу. Именно поэтому они дороги читателям и в наши дни.

В эпоху Третьей республики, утопившей в крови героическую Парижскую Коммуну, Жюль Верн смело возвысил голос в защиту свободы. Во времена капитализма, торжествовавшего тогда во всем мире, писатель звал человечество к лучшему будущему, которое он нарисовал в образе трудовой коммуны Таинственного острова и в идеальном городе Франсевилле из романа «Пятьсот миллионов Бегумы».

Вот почему книги всемирного путешественника живы и в наши дни. Их можно найти и в портфеле школьника, и в каюте моряка, и на столе ученого.

Остров корморанов

В. ПУХАЛЬСКИЙ

«Сколько я себя помню, главную роль в моей жизни играли птицы. Они неудержимо привлекали меня своей проворностью, яркой окраской, а также тайнами своей жизни. И сильнее всего занимали меня водоплавающие птицы», — так пишет польский писатель-натуралист В. Пухальский в книге «Остров корморанов», отрывки из которой мы помещаем ниже.

В. Пухальский совершил интересное путешествие на Мазурские озера, чтобы изучить жизнь крылатых обитателей этого своеобразного края, лежащего на северо-востоке страны. В первую очередь его интересовали повадки корморанов — «птицы на первый взгляд невзрачной, но, несмотря на это, единственной в своем роде».

Расположившись на небольшом лесистом островке, путешественники с нетерпением ожидали весеннего прилета птиц.

Появление дроздов и скворцов, быстрое таяние снега, теплые ветры с юга — все предвещало раннюю весну.

Из трещин в деревьях, из-под коры и засохших листьев выползали насекомые.

Уже 10 марта мы отметили появление жаворонков. За ними прилетели трясогузки и чайки. С нетерпением ожидали мы появления корморанов.

И все же нам не удалось подстеречь прилета птиц...

Когда 15 марта мы высадились в нашем заливе, с другой стороны его поднялась в воздух маленькая стайка — около десяти корморанов. Они быстро приближались, летя низко над землей. В нескольких метрах от нас птицы неожиданно взмыли вверх и сели на ветки старого развесистого тополя.

У корморанов было блестящее бархатисто-черное оперение, белое

пятно под клювом и оранжевый зоб. У всех, кроме одного, на голове торчал седой хохолок.

Перепопчатыми лапами птицы крепко держались за ветки. Они сидели спокойно, только иногда какая-нибудь, теряя равновесие, хваталась сильнее за толстые сучья. Так они сидели около двадцати минут. Головы у всех были повернуты в одном направлении: казалось, что они что-то выжидают.

Высоко над нами тянулся большой караван журавлей, это отвлекло на минуту наше внимание.

Нам было трудно наблюдать за корморанами, так как теперь они разбились на две группы. Из большей отделились две птицы и сели на соседнее дерево. Потом одна из них отлетела еще дальше, на вершину вяза, в ветвях которого сохранились остатки прошлогодних гнезд.

Корморан посидел минутку на макушке дерева, потом перескочил на несколько веток ниже, еще ниже и, очутившись возле гнезда, начал внимательно осматриваться. Он переступал с ноги на ногу, то приближался, то вновь удалялся от гнезда, забавно вращая во все стороны головой. Затем взлетел повыше, к другому гнезду, и замер, повернув голову так, что один его глаз смотрел прямо в небо. Это было безошибочным признаком, что кто-то подлетает к острову. И действительно: белой лентой тянулася по небу стая лебедей. Они летели молча, и только крылья, рассекая воздух, издавали тонкий свист. Лебеди пронеслись мимо нас, не снижаясь; вероятно, они летели в заповедник недалеко от озера Снярдвы.

Сидя неподвижно, кормораны долго следили за лебедями. Потом, как по команде, взлетели в воздух и где-то некоторое время пропадали. Затем снова появились и сели прямо на воду, в нескольких десятках метров от нас.

Между тем над нами беспрерывно тянулись стаи уток и водяных курочек. Беспорядочно пролетали, жалобно крича, чайки, за ними — целые тучи скворцов.

Через некоторое время с острова, полного птичьего гама и суматохи, все кормораны улетели в сторону озера. Очевидно, ночь они хотели провести на воде.

НАПАДЕНИЕ ПИРАТОВ

Каждый день я запечатлевал все новые картины из жизни птиц.

Рано утром они совершали туалет: чистили «фраки» и «юбочки». Комичнее всего выглядели при этом цапли: они стояли на одной ноге, а другой терпеливо царапали спину и голую.

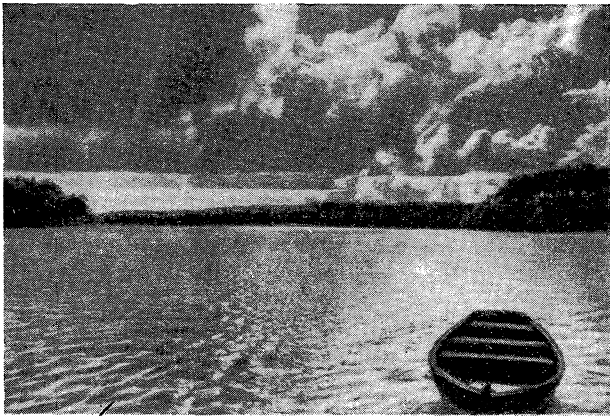
Кормораны зевали, широко раскрывая клювы, и распрямляли крылья и ноги после сладкого сна.

Затем все крикливое общество отправлялось на поиски корма и возвращалось назад со строительным материалом. Самая активная работа начиналась главным образом после шести часов утра. Материалом, из которого строились гнезда, служили маленькие и большие прутики, сорванные на земле, или свежие, только что сорванные с деревьев, а также мох, тростник, трава.

...В гнездо самка корморана откладывала три или пять светлозеленых яиц — величиной с куриные, но более продолговатые, сигарообразные.

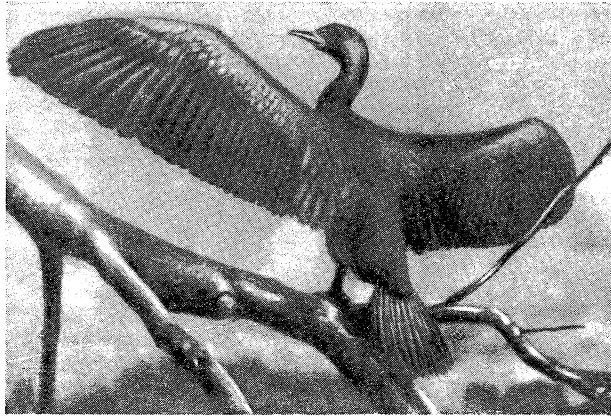
Спустя некоторое время после нашего переезда на остров я неожиданно услышал голос, как будто и знакомый и все же чужой среди привычных голосов острова. Чужой и неприятный.

Это было карканье ворон. Вероятно, непрощенных гостей было много,

В темнозеленой рамке берегов блеснула голубая гладь озера.

В таком положении кормораны просиживали над озером целыми часами.

так как карканье доносилось одновременно с разных сторон.

Через щели в моем укрытии я начал присматриваться к воронам, которые теперь кружились над всем островом и перекликались совсем иначе, чем в городах или деревнях, на свалках или на дорогах. В их голосах чувствовалось какое-то скрытое лукавство, какие-то тайные намерения хищников и желание обмануть других.

Одна ворона уселась над моей головой так, что я ясно видел ее глаз, клинообразный клюв и пепельную жилетку. Я чувствовал неудержимое желание схватить ее, но это могло вызвать ненужную тревогу и выдать мое присутствие.

Наконец ворона тоже меня заметила и тревожно закаркала. Откликнулись другие, и сразу же на острове началось движение.

Из гнезд высунулись головы беспоконных матерей корморанов, некоторые из птиц сорвались со своих мест и стали кружить в воздухе. Убедившись, что тревога была ложной, они вскоре вернулись назад.

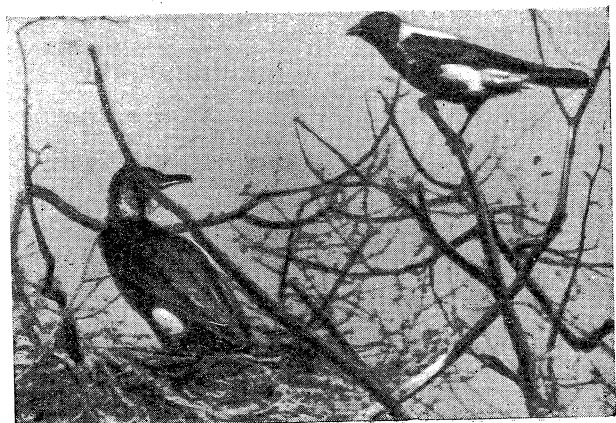
Но вороны использовали этот момент. Я заметил, как две из них быстро ринулись в опустевшее на минуту гнездо и стали жадно разбивать и выпивать яйца.

Целый день продолжалось нападение пиратов, в котором принимало участие несколько десятков во-

В поисках удобного для гнезда места кормораны перелетали с одного дерева на другое.

Ворона иногда часами сидела неподвижно возле гнезда корморанов, ожидая момента, когда можно схватить яйца.

рон. В следующие дни их стало значительно больше, и теперь ежедневно через остров пролетало несколько сотен этих птиц.

Нужно признаться, свою подлую процедуру они выполняли необычайно продуманно, каждый раз прибегая к разнообразным хитростям, вводящим в заблуждение несчастных матерей.

Когда воронам удавалось напасть на гнездо, они молниеносно разбивали яйца. Они пили их жадно и, не уничтожив одного, уже хватились за следующее. Если же в гнездо прилетали родители, вороны улетали, унося яйцо в клюве и часто теряя плоды своего грабежа. Еще долго после этого на острове можно было найти разбитые скорлупки.

Для того чтобы выманить из гнезд их владельцев, вороны применяли самые различные способы.

Обитатели острова очень хорошо знали повадки ворон. Но одна из них, за которой я наблюдал, решила сыграть другую роль. Это был ворон, у которого было во много раз меньше обязанностей, чем у самки: он «не спешил» и мог торчать здесь целыми часами.

Он скромно наклонил голову, распушил перья, спрятал одну лапу на груди и так, час за часом, скучал и подремывал недалеко от кормораньих гнезд. Он даже слегка прикрывал глаза, притворяясь спящим, однако ни одно гнездо не ускользало из его

поля зрения. Он отлично знал, в которых из них лежат яйца.

В это время в ближайшее ко мне гнездо, где на пяти яйцах сидела самка, прибыл «пан муж» с веткой в клюве. Вероятно, это был какой-то подарок «для отвода глаз», потому что сметливая «супруга» не позволила себя обмануть и, вместо того чтобы ласково встретить мужа, разозлившись, обрушилась на него и принялась клевать с таким ожесточением, что, позабыв обо всем, выпорхнула из гнезда вслед за улетающим самцом.

После четырехчасового сидения «дремлющая» ворона вдруг проснулась и одним прыжком очутилась в гнезде. С чувством бессилия наблюдал я за нею... На счастье, хозяин довольно скоро возвратился и отогнал врага, так что тот успел завладеть только одним яйцом. Схватив его в клюв, ворона бросилась наутек, но яйцо выскользнуло и упало.

При виде этого я почувствовал удовлетворение: четыре часа ожидания и — неудача!..

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Однажды в полдень, когда жизнь на острове замерла и шум затих, я услышал новые голоса: едва уловимый писк и какие-то другие звуки — словно кто-то звонил сразу в несколько колокольчиков.

Мне казалось, что голоса раздаются из левой половины гнезда, когда корморан меняет позу. Я стал вглядываться внимательнее и вскоре заметил, как какое-то страшное существо, похожее на что угодно, но только не на птицу, высунуло голову из-под крыла матери. Это была голова миниатюрного загадочного чудовища: резко обозначенный клюв напоминал страшную пасть, глаза, прикрытые тонкой пленкой век, были непомерно велики.

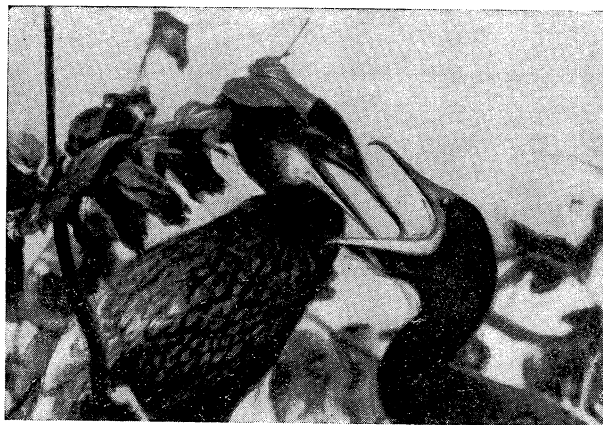
В гнездах корморанов появились птенцы. Первые часы своей жизни они проводили под крыльями матерей, зарывшись в пух. Время от времени самки вытягивали из-под себя пустые скорлупки и улетали, чтобы

отбросить их как можно дальше от гнезда. Оставленный самкой пост на это время занимал самец, и если вылуплялся новый птенец, корморан тоже сейчас же забирал скорлупу и уносил ее прочь.

Уже через несколько часов птенцы стали проявлять беспокойство. Выставляя трясущиеся, неповоротливые головки, они издавали тихий металлический писк, требуя, чтобы их накормили. Тогда кто-нибудь из родителей улетал в сторону озера.

Когда птица возвращалась с наполненным маленькими рыбешками зобом, другой родитель поднимался и вставал над головой птенцов. Прилетевший корморан неуклюжим движением вскакивал в гнездо и начинал качать головой. Через некоторое время птенцы уже повторяли это движение. Корморан подставлял свой широко разинутый клюв под маленькие розовые клювики и ждал

Корморан кормит птенца.

Пока не вылупились птенцы, кормораны не покидают гнезда.

до тех пор, пока один из них не падал в его глотку. Тогда птенец всовывал туда уже всю голову и извлекал еду.

Первые часы кормления доставляли птенцам много хлопот, но позднее маленькие кормораны уже превосходно знали, куда надо просунуть голову, чтобы получить пищу, и беспрерывно и настойчиво ее требовали.

Через неделю на нежной коже птенцов начал появляться черный пушок. Только голова еще долгое время оставалась совершенно голой.

В первые дни кормление производилось несколько раз в день. Аппетит юных жителей острова увеличивался буквально с каждым часом.

В том гнезде, где подрастали два или три птенца, родителям было не трудно их прокормить. Хуже, если птенцов было больше. Тогда в поисках корма им приходилось потрудиться порядочно.

Вначале птенцы питались только мелкими рыбешками: от 50 до 100 граммов весом. Позже они стали глотать и более крупную рыбу, почти в полкилограмма.

Время шло. Через двадцать дней пушок начал густеть, на крыльях стали вырастать первые перышки. С этой минуты дети чаще оставались одни. Старшие кормораны целый день искали еду или находились где-нибудь поблизости от молодых, карауля свое потомство.

Когда шел дождь или стояла невыносимая жара, один из старших — чаще всего самка — усаживался над птенцами и, широко раскинув крылья, закрывал их своим телом.

Оставшись в одиночестве в гнезде, молодые кормораны скучали. Они зевали, широко раскрывая клювы, толкали и щипали друг друга. Временами птенцы высовывали из гнезда головки и осматривались. Почувствовав голод, они садились на хвост и сразу становились похожими на маленьких черных пингвинов.

Во время наших поисков мы познакомились с интересным способом обороны маленьких корморанов и цапель. Как только к ним приближался враг, птенец, которому угрожала опасность, немедленно выбрасывал из зоба все содержимое. Нет ничего удивительного, что каждый раз, как только мы проходили под гнездами, на наши головы летели наполовину переваренные рыбы...

Подобный факт можно объяснить по-разному: то ли птицы в минуту опасности освобождаются от корма, чтобы легче было улечь, то ли выбрасывают его для того, чтобы отвлечь нападающего...

КАМЕННЫЙ ОСТРОВ

Однажды мы заметили, что птицы с нашего острова особенно часто улетают в одном и том же направ-

лении и возвращаются оттуда с добычей для своих птенцов.

Наблюдая за ними в бинокль, мы открыли на середине озера, приблизительно в тысяче метров от нашей «республики», «псевдо-островок» — над поверхностью воды возвышались несколько камней.

Молодым корморанам наскучило сидеть в гнезде.

Из гнезда то и дело выглядывает большая голова и длинная шея одного из молодых корморанов.

Вскоре мы выбрались на «завоевание» этого «островка».

Здесь у каждого камня был свой постоянный обитатель. Целый день тут сидели кормораны и каждый в отдельности или все вместе охотились на рыб.

Время от времени мы видели, как несколько десятков корморанов, словно по команде, бросались в воду и ныряли. Отплывая в разные стороны, они гнали рыбу друг к другу.

Вынырнув из воды и набрав воздуха, птицы снова ныряли, и так до

тех пор, пока каждая из них не схватит какую-нибудь добычу.

Мелкую рыбу кормораны проглатывали тотчас же, а более крупную выносили на берег и съедали там. Позже мне неоднократно приходилось наблюдать, как какой-нибудь из птиц удавалось поймать в озерке леща — рыбу довольно крупную. Не зная, как с ней справиться, корморан вскакивал на камень, подбрасывал рыбу вверх, снова ее хватал, махал крыльями и «разевал» клюв до тех пор, пока, наконец, добыча не исчезла в его жадной глотке. Такой «ры-

бак» становился для нас великолепным объектом для съемки, потому что кусок, застрявший в горле, заставлял его сидеть неподвижно. Птица оставалась в таком положении до тех пор, пока пища не переваривалась.

Надо сказать, что кормораны необычайно прожорливы. Они глотают все, что только подвернется им под клюв: рыбу, змей, лягушек, крыс, мускусных крыс, нырков...

* * *

Последний день на острове! Как он не похож на прежние! С грустью разбирали мы свои гнезда-укрытия, в которых пережили столько чудесных волнений.

...Мы проскочили лесок и поехали среди золотого жнивья. Огромное солнце вставало над этим живописным краем, уезжая из которого мы увозили с собой сотни метров пленки и тысячи воспоминаний.

Каменный островок.

ЮБИЛЕЙНЫЙ БИЛЕТ

БАЛЬВАНТ ГАРГИ

Рисунки С. Прусова

Поезд был набит доотказа. Женщины, дети, старики, корзины, вещевые сумки, подушки, кувшины и горшки, наспех, кое-как увязанные узлы, свертки материи, туго набитые мешки, легкие складные кровати — все перемешалось и сбилось в одну кучу.

Люди гроздьями висели на подножках, цеплялись за перила; они облепили поезд, как мухи кусок сахара. Не видно было ни окон, ни дверей: везде, куда ни глянь, только головы, руки, плечи, торчащие локти.

Но вот раздался свисток кондуктора, паровоз запыхтел, выпускающая клубы густого белого пара, и глухо, однозвучно застучали колеса.

Поезд мчался, как бешеный, свистя, пронзительно гудя, поднимая тучи пыли. Скрипели его стены, дребезжали окна. Тесно сбитая масса пассажиров и багажа тряслась и качалась от толчков. Вместе с другими качался и высокий сгорбленный старик, бывший школьный учитель Ралла Рам. Его лысеющая голова, гладкая и блестящая, как будто смазанная жиром, стукнулась о репообразную голову какого-то толстяка. При этом с его мясистого носа слетели старенькие очки в проволочной оправе, и он беспомощно шурил глазами. В борьбе за место старику оторвали рукав рубахи, который теперь висел, как подрубленный сук. Раллу Рама сдавили так, что он, задыхаясь, простонал:

— О-ох! Дайте местечко... О-ох, мои кости!

В вагоне стояла сырая духота. Люди охали, зевали, смеялись, чавкали.

Ралла Рам опять запричитал:

— Ох, ребра мои! Люди, дайте вздохнуть!.. Ох, мои старые косточки! — и сильно закашлялся.

Но его жалоб никто не слышал. Их заглушал грохот поезда, слитный гул голосов, скрип и ляг колес, гнетущее шипение пара.

Какой-то дюжий крестьянин, который, как обезьяна на ветке, сидел высоко на багажной полке и не слышал, что бормочет Ралла Рам, крикнул сверху:

— Чего надо этому оборванцу?

А другой крестьянин в это время наступил Ралле Раму на ногу своим тяжелым грубым башмаком, и старик вскрикнул:

— Не напирайте! Дайте вздохнуть! Ох, моя нога! Ох!

Наконец молодой человек, стоявший около него, изо всех сил стал расталкивать соседей, стараясь освободить для Раллы Рама местечко, чтобы он мог свободнее дышать. Тот, широко открыв глаза, горячо поблагодарил его.

...Ралла Рам всю жизнь был учителем географии в сельской школе. Тридцать лет назад он начал свою карьеру с жалованья в двенадцать рупий в месяц, потом постепенно стал получать скромные прибавки — по две рупии в год. Когда его доход

возрос до сорока рупий, прибавки давать перестали. И последние пятнадцать лет он получал только сорок рупий.

До второй мировой войны этих денег хватало по его скромным потребностям. На свое скудное жалованье он вырастил двух дочерей, выдал их замуж, дал образование единственному сыну и устроил его на службу в почтовом отделении. Но когда началась война, жить стало очень трудно. Правда, Ралла Рам теперь получал еще восемнадцать рупий «на дороговизну», но ведь продукты подорожали вчетверо. Война принесла с собой голод. Она нарушила прежний строй жизни и прежние социальные отношения. Та почтительность, смиренная преданность, с какой деревенские люди прежде относились к Ралле Раму, — единственное, что вознаграждало его за столь низко оплачиваемый труд, — исчезла, развевая страшную бурей войны. И старый учитель остался одиноким, как веретено, на котором нет ни единого пучка пряжи.

Шли годы, положение его становилось все более тяжелым, он терпел крайнюю нужду. Но не слабел его горячий интерес к жизни. С тем же неизменным увлечением он давал своим ученикам уроки географии. Палочкой, вырезанной из тутового дерева, водил по карте на стене, показывая жадно следившим за ним ученикам линии разных цветов и оттенков. Он сравнивал Гималайский хребет с Соломоновыми горами, указывая направление рек, которые те-

кут с гор к морю, объяснял, как река образует дельту, раньше чем вольется в море и затеряется в его бескрайнем просторе. Ралла Рам видел две реки родного Пенджаба — Биас и Сатледж, но ни разу в жизни не видел гор и моря. Откуда выходит река? И куда уходит? Он знал только то, что говорила ему ветхая географическая карта. Но он священнодействовал, как жрец в храме, когда в экстазе рассказывал своим ученикам о том, как огромен мир.

Он часто говорил:

«Дорогие дети, наша родина прекрасна. Она богата, щедра, она сверкает дивными красками. Нам следует увидеть ее, проехав от мыса Коморин до Кашмира. И земля ее так многоцветна! Местами она коричневая, местами черная или зеленая. Так же разнообразны люди нашей страны и их одеяния. Нам следует объездить родину, увидеть ее города и джунгли, высеченные из камня гробницы и храмы. Эта земля — мать наша. А кто не знает собственной матери, тот в жизни недалеко уйдет».

Каждый год Ралла Рам повторял эту речь перед новыми учениками, и ребяташки с восхищением глядели на карту, покрытую сетью разноцветных линий — голубых, красных, черных. Учитель был подобен паромщику: каждый год перевозил он партию учеников с одного берега знания на другой — и возвращался. Ученики, перевезенные через реку знания, поступали в колледжи, получали дипломы, занимались потом каждый своим делом. Одни становились коммерсантами, другие — видными государственными деятелями, третьи уезжали за границу, в дальние страны, добивались блестящих успехов. А Ралла Рам оставался на своем месте.

Много раз его охватывало страстное желание поехать по родной стране, побывать в знаменитых ее городах. Во время летних каникул, когда он бывал свободен целых полтора месяца, это желание просто не давало ему покоя. Но деньги уходили на семью, и он не мог никуда поехать. Все каникулы он проводил под старой смоковницей, в полдень дремал на складной кровати или курил, беседовал с соседями, которые тоже сидели в тени и играли в шахматы. Втягивая в себя дым из длинной деревянной трубки кальяна, он говорил:

«В будущем году я непременно поеду на какую-нибудь высокогорную станцию. В Кедар Нате и Бадри Нате есть чудесные места... Красивейшие уголки природы!»

Иногда он строил планы поездки в Дели, где он осматривает исторические памятники, а оттуда — в Бомбей, чтобы увидеть море. Ведь он никогда не видел моря, а о нем он больше всего мечтал. Как это, должно быть, изумительно: стоять на берегу, с которого не видно другого берега, а только вода, волны и пена! Иногда он мысленно сравнивал горы и море и говорил себе: «Горы неподвижны, безжизненны, тихи, а море колыхет-

ся или бурлит, ревет, бьется о берег. Оно живет! И в его водах скрывается целый мир, более обширный, красочный и необычайный, чем тот, в котором мы живем».

Он думал о разнообразнейших формах жизни, о мирадах живых существ, рыбах, раковинах, кораллах и жемчуге, которые таятся в водах моря. «И на морских побережьях, — говорил он себе, — воздух здоровый, в нем много озона. Вот потому-то святые отшельники и йоги жили в хижинах у моря. Картина морских просторов радует глаз и освежает душу. Когда я уйду в отставку, я тоже непременно поселюсь где-нибудь у воды, — если не у моря, так, может быть, у реки, или озера, или хотя бы там, где есть пруд...»

Такие планы строил учитель географии и делился ими с жителями своей деревни. Но каждый год его летние каникулы проходили под той же смоковницей, здесь сидел он, курил кальян или читая газету.

Два года тому назад Ралла Рам оставил школу, ушел на пенсию. Раз в месяц ходил он в канцелярию суда и получал там свои двадцать рупий, а на обратном пути всегда сворачивал к школе. Бродил вокруг нее, здоровался с бывшими товарищами по работе, осматривал пальму, которую сам посадил здесь двадцать лет назад и которая на его глазах из тоненького, молодого деревца выросла в пышную красавицу с густой зеленой кроной и толстым стволом. Потом старый учитель шел домой. Теперь ему не надо было больше заботиться о семье. Жена давно умерла, дочери вышли замуж, сын работал. И теперь Ралла Рам чаще прежнего мечтал поехать по разным местам. Времени на это было хоть отбавляй, но не было денег.

И вдруг в один прекрасный день он прочитал в газете, что управленческие железные дороги выпускает в продажу билеты стоимостью в тридцать рупий, которые дают право ездить

целых две недели по железной дороге в определенном районе, останавливаясь где угодно. Билеты выпустили в честь столетнего юбилея железной дороги. Везде были расклеены большие плакаты: «Купите юбилейный проездной билет, вы сможете вволю попутешествовать и увидите Индию».

Ралла Рам немедленно разузнал подробности и затем, подсчитав предстоящие расходы и взвесив все «за» и «против», решил купить юбилейный билет и поехать в Бомбэй. Он отметил на карте все города, которые лежат на пути, и составил себе такую программу:

«Прежде всего еду в Бомбей. Там я увижу море во всем его величии, увижу, как к вечеру солнце опускается в его воды. А на обратном пути побываю в храмах, во всех исторических местах, осмотрю Тай и другие грандиозные сооружения...»

Он купил билет и сел в пенджабский почтовый поезд, который шел в Бомбей...

Ралле Раму и в голову не приходило, что в поезде окажется такая масса людей. Прожив всю жизнь в деревне, он привык к очень спокойному и размеренному темпу существования. Его пугала всякая толча, шум и суматоха. А в вагоне давка была невообразимая, поезд бешено грохотал, выл, как голодная медведица, — все это совсем ошеломило Раллу Рама. Он чувствовал, что задыхается.

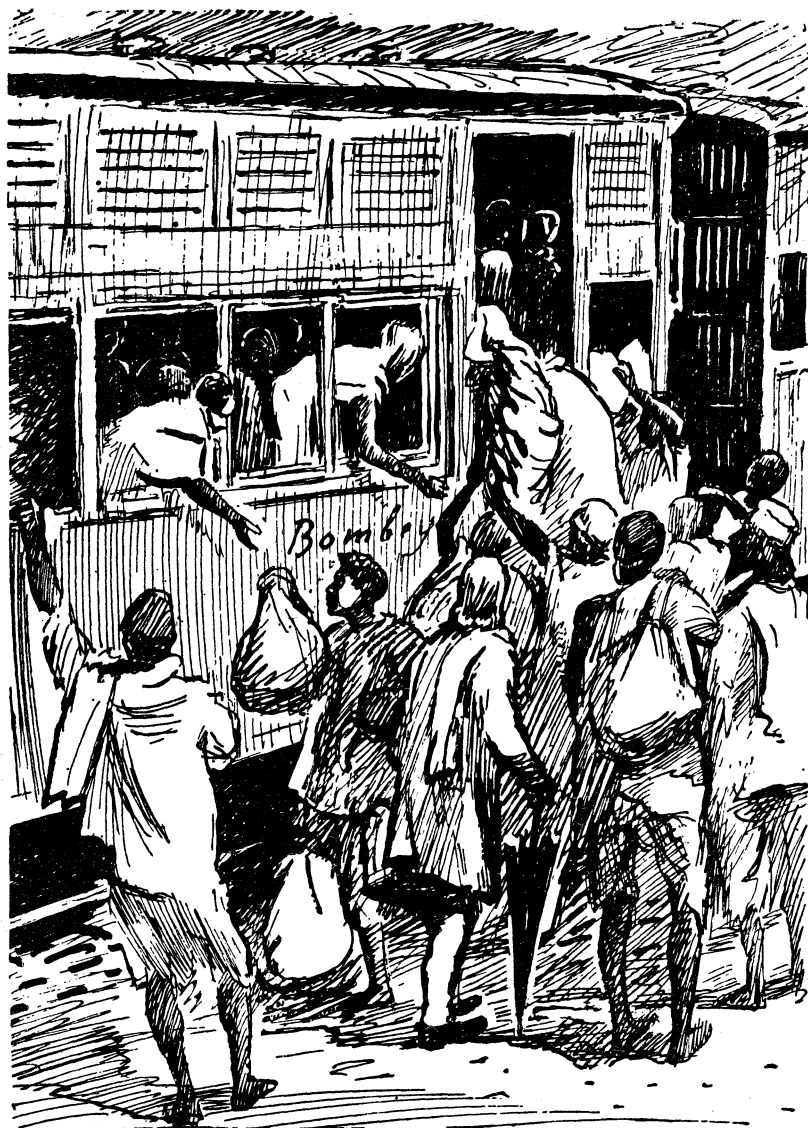
Он с тревогой озирался вокруг. И куда это едет такое множество людей? Все они суеются и неумолчно болтали, обмениваясь мнениями, жаловались, ссорясь. Одни ехали в дальние города устраивать какие-то свои дела, другие — к родственникам, а некоторые — поклониться священным гробницам. И странная же собралась компания! Здесь были самые разные люди, совсем чуждые друг другу. Но всех обуревало одно стремление — жажда как можно лучше использовать свой билет за тридцать рупий, проехать на него как можно больше миль, насладиться путешествием вволю. Никто из них не догадывался, что не они из этих билетов, а билеты из них выжмут все, что можно...

Кто-то потерял кошелек. У какой-то женщины в клочья изорвали шарф. Тучный торговец ворчал, так как в давке отломилось горлышко у его глиняного кувшина с соленьями. А над всем этим шумом и гамом, как пена на воде, вскипали лязг и грохот колес.

Вокруг жужжали голоса. Вопросы метафизики, логики, политики и высокой философии — все было здесь предметом обсуждения.

Старик, сидевший около Раллы Рама, рассказывал обо всем, что ему пришлось поведать во время аллюминации к святым местам. Он приводил изречения Кабира и Сурдаса в подтверждение того, что жизнь подобна путешествию в поезде: она так же быстротечна, так же летит, и все мелькает мимо — не ухватишь, не

остановишь! И в поезде, как в мире, мы только временные гости. К чему же, братья, ссориться из-за места в вагоне! Через несколько часов все пассажиры сойдут, вагоны опустеют. Так зачем же браниться? К чему роптать?

Такого же мнения был и Ралла Рам. Надо потерпеть несколько часов или один день, а там — свежий морской ветерок, открытое небо и море перед глазами! Он мысленно припоминал свой план: «Обойду весь Бомбей. Цельных два дня проведу у моря и буду дышать морским воздухом, а потом поеду в Аджанту и Эллару. Какое счастье! Я смогу увидеть так много мест!.. Буду бродить по набережной и подставлять лицо ветру...»

Вдруг что-то врезалось ему в бок, да так, что у него дыхание сперло. Это поезд сделал крутой поворот и качнулся на одну сторону, а с ним покачнулся сосед Раллы Рама и локтем уперся старика под самые ребра. Ралла Рам застонал:

— О-ох! О-ох!

А поезд продолжал мчаться.

На каждой станции несколько пассажиров проталкивались к выходу и покидали вагон, но на их место врывались десятки новых. Люди брали поезд штурмом и лезли, оглашая воздух криками. Глаза их сверкали, губы дрожали. Но раздавался свисток, поезд трогался, а они бежали за ним с узлами и чемоданами на головах и, запыхавшись, отставали. Наиболее отважные цеплялись за ходу. Но поезд, как быстро вращающийся строгальный станок, срезал все лишнее, и пассажиры, сорвавшись, летели на перрон, как стружки. Однако число их не убывало. И без передышки, на все лады жужжали в вагоне голоса.

Старуха с морщинистым лицом спросила:

— Что это за юбилейные билеты?

— Видишь ли, сто лет тому назад пошел в Индии первый поезд. И чтобы отметить этот день, выпущены такие билеты.

Один старик прохрипел:

— Кто едет по такому билету, непременно проживет еще сто лет.

А какой-то толстый делец плакался:

— Знай я, что будет такой наплыв людей, ни за что не купил бы проклятый билет!

— Но почему они не пустили побольше поездов, чтобы не было давки и люди не мучились так?

— Зачем это нужно? Брат, поезд — самое благое дело! Никогда он никому не отказывает в местечке. Сколько бы народу ни пришло, всех повезет, никого не оставит. Вот смотри: этот вагон рассчитан только на сорок пять сидящих пассажиров, а нас здесь больше чем двести пятьдесят...

Поезд шел уже не меньше двух часов. Теньями мелькали мимо деревья, дома, хижин, остановки «по требованию», а он все мчался и не думал останавливаться. Раллу Рама мучила жажда. Он то и дело облизывал запекшиеся губы.

— Воды бы! — вздохнул он.

Неожиданно поезд остановился. Народ зашумел, как пчелы в улье.

Паровоз пил воду. На платформе торговцы кричали:

— Картошка! Вафли!

— Сигареты! Земляные орехи!

Среди этого гама выделился высокий, пронзительный голос, выкрикивавший:

— Вода! Кому воды?

Язык Раллы Рама распух и лежал во рту, как дохлая ящерица.

— Где вода?

А внизу на перроне тот же голос заливался:

— Вода! Вода!

Сидящие около окон высовывались наружу, и продавец наливал в пригоршни воду. Вода брызгала на лица, заливала одежду. Только часть ее попадала в рот. А водонос, торопливо вылив кувшинчик им на ладони, бежал к следующему окну.

— О-о-о! Воды! — умолял Ралла Рам.

Среди стриженных голов он смутно различил на перроне мотавшийся в воздухе зеленый флажок. Пронзительно закричал паровоз, и поезд стал извиваться, подобно раздавленной гигантской сороконожке, которая, корчась от боли, судорожно шевелит своими изогнутыми ногами.

Несмотря на все усилия, Ралла Рам не мог сдвинуться с места. Он только бормотал: «О, боже... боже!»

В окне он видел клочок голубого неба, который двигался вместе с поездом. На фоне его порой мелькала зеленая ветка или куст, потом опять виднелась только ясная лазурь. Когда же будет конец этой езде? Или время остановилось? Почему так тянется день? Тысячи секунд трепетали в мозгу Раллы Рама. Теперь и жизнь казалась бесконечно долгой...

Он смотрел на окружающих его людей. Они о чем-то говорили, но он не слушал. Голоса доходили как будто издалека.

Кто-то подле него произнес:

— Всякому путешествуию приходит

конец, братья, как бы тяжело оно ни было.

— Ты прав, брат, — скоро и наше кончится.

* * *

Ралла Рам не заметил, как день перешел в ночь. Свет меркнул постепенно, и темные тени укрывали землю. В вагоне тускло горели лампы; они, казалось, распространяли больше жары, чем света. Мошкара и большие ночные мотыльки носились вокруг них.

«Странно! Откуда они взялись?» — подумал Ралла Рам. Один мотылек все ударялся крылышками о стекло и описывал круги в воздухе. Это ужасно раздражало Раллу Рама. Ночь была темная, только две-три звезды светили в окно. Утомленные глаза старика спалились, голова его склонилась на грудь, и скоро он задремал... Ему снилось, что он опять, как прежде, учит мальчиков географии. Он слышал журчанье реки, которая бежала по равнинам к морю... В классе стоял ужасный шум, ученики тараторили, орали. Он замахал своей указкой, стукнул ею по столу...

Бац! Мешок какого-то крестьянина упал на пол, и стук разбудил Раллу Рама

Но скоро опять вереницы грез замелькали в мозгу, сталкиваясь, рассеиваясь, появляясь снова... Трепетала на ветру пальма на школьном дворе, а на ее ветвях сидела большая черная ворона и хрипло каркала...

В вагоне заплакал ребенок, и плач его острым клином врезался в сон Раллы Рама. Учитель опять проснулся, осмотрелся, моргая глазами... За окном качалась и дрожала черная бархатная пелена мрака. Звезды рассыпались по ней фейерверком. Вот они заплясали вокруг Раллы Рама, превратившись в серебряные монеты. Он слышал звон рупий. Эти рупии катились быстро, как колеса...

Мелькали мимо станции. Старый учитель не знал, сколько часов он уже в дороге. Он сидел в каком-то полубытьи, сознавая, однако, все, что делалось вокруг.

Когда он окончательно проснулся, в небе стояло солнце и желтыми лу-

чами проникало в окно, освещая сонные, неумытые лица.

Поезд вынырнул из темного тоннеля ночи и теперь мчался в золотом утреннем тумане. Поля изменили свой цвет: вместо сухой бурой земли здесь всюду лежал жирный чернозем. Мимо окна проносились деревья с огненно-желтыми цветами. В вагоне было все так же жарко, воздух был тяжелый, смрадный. Ралла Рам уже не мог ни о чем думать. Его коленные суставы трещали, он дышал тяжело, с присвистом, а перед глазами металась огненная стрела. Он чувствовал, как по спине, вдоль позвоночника, разливается жар, словно языки пламени ползут вниз, лижут бедра. Голова у него болела, в горле пересохло.

Поезд сделал остановку в Игаптури и стоял долго. Здесь перевоз должны были заменить электровозом. Несколько пассажиров выскочило через окно, чтобы напиться и умыться под краном; его облепила туча людей... У Раллы Рама веки жгло, как огнем, болели онемевшие ноги. Он опять задремал. Но когда поезд тронулся, толчок разбудил его.

В окно веял теперь влажный и свежий ветерок, щекотавший ноздри. Мелькали мимо высокие кокосовые пальмы. Вдали тянулась цепь холмов. Высокая скала торчала в воздухе, как палец, указывающий на небо. Большие округленные бугры сияли на солнце, как золотые.

Холмики, пальмы, низины остались позади. Теперь резкий солоноватый запах моря, вяленой рыбы, гниющих водорослей, едкие испарения, шедшие с фабрик, черные хлопья сажи, извергаемые высокими трубами, — все возвещало близость Бомбея. Земля вокруг была изрезана рельсовыми путями. Сколько их! Поезд летел стрелой, пожирая пространство.

...Под лязг колес мысли Раллы Рама разлетались, как солома под ударами цепя. Обессиленный, вялый, он неуклюже топтался в толпе. Лицо его горело, земля уходила из-под ног. При каждом толчке он качался, как тростник. Безвольный, молчаливый, он чувствовал, как его охватывает блаженная усталость...

— Следующая остановка — Бомбей!

Пассажиры словно подхватила волна радости. Они засуетились, зашумели. Бомбей! У Раллы Рама кровь стучала в висках. Скоро, скоро он будет ходить по улицам и осматривать город! Он обещал цирюльнику Нату привезти из Бомбея хорошую острую бритву. И еще надо будет закупить безделушек из коралла. И большую раковину для жреца их деревенского храма. Когда-то он, Ралла Рам, показал свою ладонь астрологу Бишне, и тот, внимательно всмотревшись в линии, сказал: «Да вам в жизни предстоит морское путешествие!»

Поезд замедлил ход, остановился. — Бомбей! Собирайте вещи!

— Вставайте! Выходите! Бомбей! Толпа заколыхалась. Люди вылезали через окна. Багаж, мешки, корзины подпрыгивали у них на головах. Все теснилось к выходу, толкая и сшибая друг друга.

Ралла Рам едва держался на ногах. Когда толпа поредела и в вагоне стало свободно, он тяжело опустился на ближайшую скамейку, решив немного отдохнуть.

Голова у него кружилась. Крики кули, стук экипажей и гудение автомобилей — весь этот шум большого города оглушал старого учителя. Он выглянул в окно: голубое небо улыбалось ему. Но вот оно стало медленно расширяться, и это было уже не небо, а открытое море. Волны хлынули к окнам, разбивались с ревом... Этот рев слышался уже совсем близко. Раллу Раму казалось, что он погружается в них все глубже и глубже... Вот волны моря сомкнулись над его головой, и на губах он ощутил вкус соленой воды...

Пассажиры один за другим вышли. Вагон опустел. Через некоторое время сюда вошел человек, осматривающий пустые вагоны на конечной станции. Он стал трясти за плечи Раллу Рама, который лежал пластом на скамье:

— Вставайте! Приехали!
Но Ралла Рам не отзывался.

Перевела с английского М. АБКИНА

К ИСТОКАМ ОРИНОКО

«Длинные каноэ медленно скользили по реке, на берегах которой стоял тропический девственный лес. Мертвая тишина царила вокруг. При приближении лодок взлетали и снова садились, немного дальше, стаи цапель и большие мартыны-рыболовы. Иногда с камня или ствола поваленного дерева тяжело шлепались в воду рыжеватые бобры с блестящей шерстью.

Через два дня после начала путешествия, под вечер, из глубины леса раздались странные крики, привлечшие внимание участников экспедиции:

— Шори! Шори!

И почти сразу же затем два совершенно нагих человека, тела которых были покрыты лиловыми рисунками, появились среди прибрежных деревьев.

...Когда каноэ пристало к берегу, эти странные люди, буквально набросились на ученых. Они рассматривали их со всех сторон, поглаживали и дергали за бороды, ощупывали их одежду и обувь...»

Так начинается рассказ французского географа Жозефа Грилье о франко-венесуэльской экспедиции к истокам Ориноко, помещенный во французском журнале «Science et vie» («Наука и жизнь») в декабрьском номере за 1954 год.

Люди, встретившиеся путешественникам, были индейцы-вайкосы. Большинство из них еще никогда не видело белокожих.

Экспедиция ставила своей целью разыскать истоки Ориноко, этой большой реки, открытой еще в конце XV века.

После испанских конкистадоров, поднявшихся вверх по Ориноко в тщетных поисках легендарного Эльдorado и «золотого города» Маюна на берегах несуществующего озера Парима, многие пытались найти истоки реки. Однако до последнего

времени эти истоки оставались неизвестными.

Франко-венесуэльская экспедиция, которой удалось добраться до цели, была организована в 1951 году. Из тридцати ее участников четверо были французы.

Первая же встреча с вайкосами не подтвердила слухов о них как о «людях-обезьянах», очень свирепых и совершенно диких. Экспедиции легко удалось завязать дружеские отношения с вайкосами.

Индейцы-вайкосы ходят совершенно нагими, питаются дикими плодами и дичью. Все их имущество состоит из луков, стрел, кусочков дерева для добывания огня и небольших ножей с лезвиями из кости. Они кочуют в лесах маленькими группами, охотясь за пекари. Свои временные поселения вайкосы обычно обносят грубой изгородью, внутри которой строят хижины-навесы из трех воткнутых в землю жердей, покрытых сверху листьями банана. Хотя здесь много рек, вайкосы не знают еще не только лодок, но даже самых простых плотов.

Экспедиции потребовалось свыше четырех месяцев для достижения цели. Течение реки было настолько сильным, что больше трех километров в день делать не удавалось.

Там, где река сузилась до 30 метров, превратившись в бурный и быстрый поток, несущийся среди черных скал, лодки пришлось оставить и последние 60 километров идти по берегу, прокладывая путь через чащу леса с помощью мачете.

Леса на берегах Ориноко густые и мрачные. Здесь мало птиц и почти нет животных. С верхушек деревьев, словно толстые зеленые канаты, свисали лианы. Лучи солнца не проникали сквозь сплошной зеленый свод, и в лесу царил постоянный сумрак, даже днем видимость не превышала двух метров. С деревьев капала вода, было очень сыро и душно. Ночью лес был наполнен оглушительным кваканьем лягушек-«быков»...

Но самое страшное — мелкие обитатели леса: черные комары, крошечные коричневые и крупные красные муравьи с громадными головами, скорпионы, термиты...

Река становилась уже, мелела и,

Из небольшого родника (слева) берет начало одна из величайших рек Южной Америки — Ориноко.

наконец, превратилась в небольшой ручеек, протекающий по дну узкого ущелья. В последний день пути шел проливной дождь, и участники экспедиции не сразу заметили, что потеряли ниточку реки. Им пришлось вернуться, и, наконец, у подножия небольшого холма они нашли место, откуда вытекает Ориноко.

Образуя небольшую лужицу, вода просачивалась здесь из-под глыб красноватой глины, покрытых опавшими листьями.

Экспедиция установила точную длину Ориноко — 2 160 километров.

С КИНОАППАРАТОМ ПОД ВОДОЙ

В январском номере болгарского журнала «Наша родина» за 1955 год рассказывается о киносъемках под водой, проводившихся под руководством кинорежиссера Вазова.

От Поморийского пляжа отчаливает лодка. Если посмотреть в воду, то увидишь плавно колеблющийся громадный лес, переливающийся всеми оттенками изумруда. Это заросли морских водорослей, их нужно заснять.

Глубина здесь небольшая — всего два-три метра, а потому кинооператор Атанасов отказывается от скафандра. Он вооружается кинокамерой в герметическом чехле и ныряет. Одновременно ныряет и сотрудница, участвующая в съемке. Из-под воды глухо доносится рокот кинокамеры.

Через минуту оба показываются над поверхностью воды и сообщают:

— Засняли двадцать метров кинопленки!

Это лишь первые опыты подводной киносъемки в Болгарии. Но они уже дали ценные результаты. В подводном лесу обнаружена водоросль цистозира барбата, из которой добывается алгиновая кислота, применяющаяся в виноделии, при изготовлении пластмассы и для других целей.

**По страницам
Журналов**

КАК ЧИТАТЬ ОТДЕЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ ПРИРОДЫ

Сколько юношей и девушек в наши дни отправляются в походы, в путешествия по родной стране, странствуют с рюкзаком за плечами по своему краю!

И одна из задач природоведческой научно-популярной литературы — подготовить читателя к разностороннему восприятию природы, приблизить его к тому творческому многообразному пониманию природы, которое всегда было свойственно лучшим русским географам.

В этом плане особого внимания заслуживает книга Н. Плавильщикова «Юным любителям природы»¹.

Автор ведет читателя в недалекие путешествия по давно знакомым местам: в сад, в огород, на край поля, в лес. Эти походы он совершает в разное время года: весной, летом, осенью и зимой.

И эта, на первый взгляд, будничная, знакомая среда обогащает читателя множеством наблюдений и впечатлений: появляются, живут и сменяют друг друга на страницах книги крикливая дневная хищная птица канюк, наездник-эфиальт, ночные ловцы насекомых — летучие мыши, козодой, муравьи, жуки-короеды и много других живых объектов природы. При этом каждый «герой» показан в своей среде, в своей обстановке. Чаще всего мы засаеваем его за обычным «делом» — в поисках пищи.

В своей книге автор показывает какое-либо явление не только на лоне природы, но и в совсем другой, домашней обстановке.

Юный любитель природы стоит на опушке леса у муравейника. Можно разрыть этот черный шевелящийся холмик и увидеть под землей ходы муравьев и камеры, где спрятаны яйца, личинки, куколки; можно увидеть, следуя за насекомым, как сытый муравей кормит голодного; можно наблюдать за тем, как муравьи «доят» тлей или как они волокут в муравейник гусеницу. Все это так.

Но вот автор вместе с молодым натуралистом переселяет этих же муравьев в комнату, помещает их в искусственный муравейник. И здесь уж можно не только видеть и наблюдать жизнь муравьев во все времена года, но и поставить ряд опытов.

Или другой пример.

«Много интересного в болотной луже или в небольшом озерке на заливном лугу. Но не все можно проследить, сидя на берегу и глядя в воду». Автор рассказывает, как надо ловить мелких водяных животных, как устроить аквариумы, заселить их. А далее — ряд опытов и наблюдений: тут и выход стрекозы, и постройка

домика личинкой ручейника, и подледное дыхание жука-плавунца при помощи воздушного пузыря, и пиявки, «предсказывающие» погоду, и опыты с жабой, которые вводят читателя в понимание учения И. П. Павлова, помогают юному натуралисту сделать интересные наблюдения на выработкой у жабы условных рефлексов.

И так по всей книге. Всюду, где это только возможно, читателю предлагаются опыты и наблюдения. И он чувствует себя тоже в некоторой степени исследователем и как бы сам делает открытие за открытием.

Присматриваясь к жизни природы, читатель узнает, как бороться с вредителями растений, как использовать в борьбе с вредителями их же природных врагов.

Так очень умело автор книги подводит читателя к пониманию явлений природы, к сознанию того, что ее не

только надо глубоко познать, но и научиться использовать ее законы, преобразовывать природу на благо человека.

* * *

У нас еще мало занимательных и серьезных книг, развивающих умение видеть и сопоставлять факты из жизни природы. Но есть значительная по своему содержанию и форме книга «Спутник следопыта» А. Н. Формозова и эта глубокая и содержательная книга Н. Н. Плавильщикова.

По пылинке, по маленькой отметке, по следу на снегу читатель книги узнает жизнь птиц, зверей, насекомых.

Даже самая незаметная деталь в природе может многое рассказать. Внимательный взгляд, вдумчивое наблюдение — и вот головка чертополоха расскажет нам, какая будет погода. При устойчивой погоде колючки ее отгибаются в стороны, а перед дождем собираются вместе, прижимаются одна к другой.

Но не просто для сообщения занимательных фактов, а для понимания законов природы вводит автор повсюду в своей книге эти горячие живые детали природы. Так, цветы дремы рассказывают не только о том, будет или не будет дождь, но и служат поводом для серьезного разговора с читателем о законах опыления растений.

Во многих новых деталях раскрывается природа перед человеком, вооруженным знанием. Зимой на пустыре, где все кругом бело и безгласно, самые обыкновенные кусты репейника, качаясь на студеном ветру, расскажут натуралисту о том, какие птицы побывали здесь, что они делали и как вели себя.

Вот на этих репейниках побывали синицы: они усиленно долбили головки репейника — добывали и пожирали личинок жуков. Слипшиеся головки репейников разбиты — ведь у синиц сильные и острые клювы. А на других репейниках побывали не синицы, а щеглы. Головки этих репейников не разбиты и не разворошены — у щеглов совсем не такие сильные и острые клювы как у синиц.

«КАВКАЗ»

„Исполинские снежные вершины, сверкающие в голубом небе, пышная субтропическая растительность Колхиды, сухие песчаные и глинистые полупустыни Прикаспия, ярко украшенные альпийскими цветами высокогорные луга, мрачные ущелья Дагестана, бескрайные степи Северного Кавказа» — таковы в общих чертах картины замечательного советского края, природу которого описывает в своей книге «Кавказ» П. Ковалев (Географгиз, 1954).

Автор рассказывает о богатствах Кавказа, его плодородных почвах, девственных лесах, сокровищах недр, неисчерпаемой энергии многоводных горных рек...

Читатель узнает из книги и о той большой работе, которую советские люди ведут на Кавказе в области преобразования природы и освоения целинных и залежных земель.

¹ Н. Плавильщиков, Юным любителям природы. Изд-во «Молодая гвардия», 1954 г., 256 стр., ц. 6 р. 50 к.

Так раскрываются перед юным читателем одна за другой отдельные страницы сложной жизни природы в разные времена года.

* * *

Очень интересная и содержательная книга Н. Плавильщикова свидетельствует о большой творческой работе и автора и издательства.

Некоторые пожелания хочется все же высказать.

СЛОВАРЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Для всех, кто не пропускает ни одного географического фильма, будь то «Дети капитана Гранта» или «Африка»; для всех, кто с книгой в руках с замиранием сердца следит за приключениями героев «В 80 дней вокруг света» или «Острова сокровищ»; для всех, кто имеет постоянное дело с географической литературой, картами и атласами, — словом, для всех, кто любит географию, появившиеся «Словаря географических названий»¹, составленного известным географом, автором ряда ценных трудов по истории географических исследований, М. С. Бондарским, представляет хороший подарок.

В алфавитном порядке в словаре размещены наиболее часто встречающиеся названия географических объектов — стран, государств, городов, гор, рек, озер, морей, каналов, проливов, заливов, мысов, островов, пустынь и др. О каждом из них словарь дает сжатую географическую характеристику и сведения о населении, достопримечательностях.

О многих объектах сообщаются сведения об истории их открытия или исследования, а также раскрываются происхождение названия или его смысловое значение. Это представляет большой интерес. Многим ли известно, например, что Алма-Ата

¹ М. С. Бондарский. Словарь географических названий. Учпедгиз, 1954 г., 368 стр., ц. 9 р. 55 к.

Рисунки, будучи безусловно точными, к сожалению, лишены той поэтичности, которой должны отличаться любые иллюстрации на страницах книги о нашей чудесной природе.

Этот недостаток можно будет устранить в последующих изданиях. Книга принадлежит к числу тех, что создаются прочно, выдерживают не одно издание и завоевывают широкий круг читателей разных возрастов и профессий.

В. БРАГИН

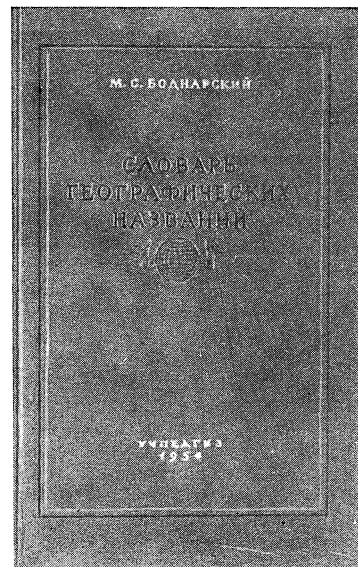
означает по-казахски «отец яблок», Аддис-Абеба по-абиссински — «новый цветок», Калькутта — «жилище Кали» (богини, супруги бога Сивы), Парагвай — «источник моря», Уругвай — «птичий хвост», Буэнос-Айрес — «хороший воздух», Саратов — «желтая гора», Ташкент — «каменный город», Кабарда — «береговая полоса», Теберда — «холмистая местность», Рангун означает по-бирмански «город победы», а Никополь, Никее и Ницца означают примерно то же самое по-гречески.

Это нужная, своевременно выпущенная книга. Однако эта первая попытка не лишена многих недостатков.

Во-первых, нуждается в некотором расширении количество охватываемых словарем названий. В самом деле, нелогично, если в словаре отсутствует Торонто — второй по величине город Канады (при наличии Квебека, Виннипега, Ванкувера), если в нем нет Джакарты — столицы Индонезии (при наличии Сурабаи), если нет Прованса, Бретани, Гаскони, Бургундии (при наличии Нормандии и Шампани), если нет Катании — второго по величине города Сицилии (при наличии Мессины и Сиракуз), если нет Росарио — второго по величине города Аргентины (при наличии Кордобы). Не претендуя на исчерпывающий список пропусков, приводим названия некоторых городов, важных по экономическому или культурному

значению, сведения о которых, безусловно, заслуживают включения в словарь: Абердин, Баден, Гронинген; Дебрецен, Денвер, Йена, Индианополис, Кан, Канны, Катовицы, Клермон-Ферран, Корк, Модена, Ноттингем, Опорто, Оран, Ростов, Рубэ, Сегад, Тель-Авив, Торнео, Утрехт, Цинциннати.

Кроме того, сведения о включенных в словарь объектах следует по возможности унифицировать. Нет основания для того, чтобы сообщать смысловое значение лишь части названий, опуская остальные. Почему, например, словарь разъясняет, что название Будапешт происходит от слов «буда» — хижина, шалаш, и

«печ» — пещера, а не говорит о том, что означает название Бухарест. Происхождение названия следовало давать всюду в тех случаях, где оно установлено наукой.

В заметках: Иерусалим, Претория, Решт, Ричмонд (Англия), Сеута, Сплит почему-то отсутствует указание на количество жителей. В заметках: Артемовск, Ворошилов, Ворошиловск, Джамбул, Осло отсутствует указание на прежнее название. В заметке Суэцкий канал не указана дата его открытия, хотя это указано для Панамского канала. Нет основания считать Лозаннский университет, основанный в 1891 году, старинным.

Встречаются в словаре и некоторые существенные неточности: так, итальянский город Турин помещен в Ломбардии, тогда как он находится в провинции Пьемонт. В одном месте словаря государство в Центральной Америке называется Коста-Рика, а его столица — Сан-Хосе, в другом — Коста-Рико и Сан-Хозе.

Желательно было бы иметь в книге карты, что значительно облегчило бы пользование ею.

А. НАРКЕВИЧ

«ВЛАДИМИР»

В летописях XII века уже можно найти упоминание о городе Владимире. В книге «Владимир» (Владимирское книжное издательство, 1954) автор ее А. Бланк приводит много интересных подробностей из истории древнего города, рассказывает о замечательных памятниках русского зодчества — Успенском соборе, Золотых воротах, Дмитриевском соборе. Один из разделов книги посвящен прошлому города, связанному с именами А. И. Герцена, жившего здесь в ссылке, писателя-народника Н. Н. Златовратского, революционера Н. Е. Федосеева и других. В 1893 году во Владимир приезжал В. И. Ленин.

Заканчивается книга очерком о росте и благоустройстве Владимира и о коренных преобразованиях в экономике города и области, происшедших в годы советской власти.

**ИЗ ИСТОРИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
НАИМЕНОВАНИЙ**

«ОСТРОВА ДЬЯВОЛА»

В 1502 году испанский мореплаватель Бермудес во время своего плавания к берегам Америки открыл большое скопление островов и островков, окруженных многочисленными рифами и

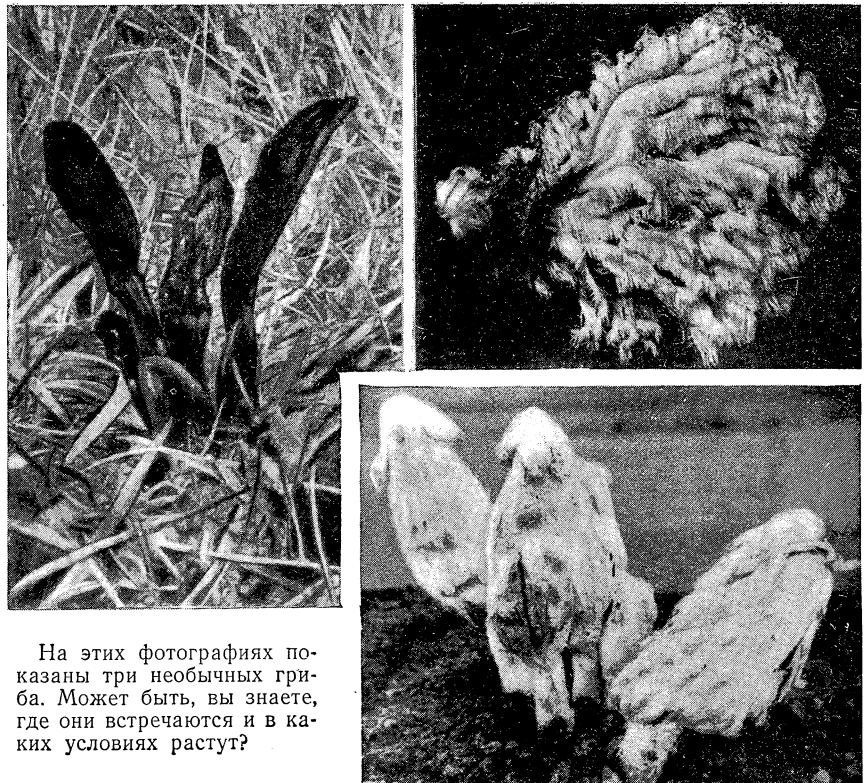
мелями, представлявшими большую опасность для корабля. Бермудес дал архипелагу имя «Островов дьявола».

Эти коварные рифы и мели стали невольной причиной первоначального заселения островов. В 1609 году судно под командой англичанина Джорджа Сомерса, следовавшее в Виргинию с группой переселенцев, потерпело здесь крушение. Уцелевшие после катастрофы люди обосновались на «Островах дьявола». Почва здесь оказалась чрезвычайно плодородной, а климат — мягким и здоровым, что не соответствовало мрачному названию архипелага. Поэтому с течением времени первоначальное название островов забылось, и они сохранили имя открывшего их мореплавателя Бермудеса.

Весной 1828 года русский мореплаватель Ф. П. Литке, совершая кругосветное плавание на шлюпе «Сенявин», прибыл в Петропавловск-Камчатский. Отсюда он повел корабль в Берингово море, побережье которого собирался описать.

10 августа корабль находился в Анадырском заливе. Ровно столет лет назад здесь проходило судно первой Камчатской экспедиции В. Беринга и А. Чирикова. В память этого знаменательного события Ф. П. Литке назвал мыс на юго-восточном берегу Чукотского полуострова мысом Столетия.

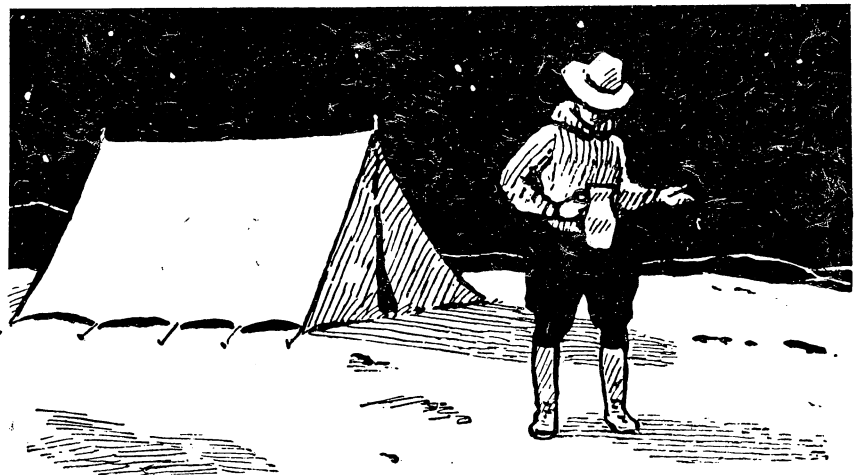

На этих фотографиях показаны три необычных гриба. Может быть, вы знаете, где они встречаются и в каких условиях растут?

ГДЕ ЭТО МОГЛО БЫТЬ?

«Да это и впрямь страна парадоксов! Здесь нет рек и озер, но, как ни странно, порой бывает вполне реальной опасность утонуть, особенно для путешественников. Климат здесь жаркий и сухой, а коренные жители этих мест часто страдают ревматизмом. Однажды ночью я захотел пить и, выйдя из палатки, взял с земли кувшин с водой. К моему удивлению, я обнаружил на поверхности воды тонкий ледок; посмотрев на термометр, я застыл в недоумении — он показывал 5° тепла!»

Где могла быть сделана в путевом дневнике подобная запись?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 2

- У карты Родины: 1. Свирская ГЭС. 2. Мингечаурская ГЭС. 3. Камская ГЭС. 4. Щербаковская ГЭС. 5. Угличская ГЭС. 6. Ивановская ГЭС. 7. Волховская ГЭС. 8. Цимлянская ГЭС. 9. Туломская ГЭС. 10. ДнепрогЭС. 11. Нивская ГЭС. 12. Рионская ГЭС. 13. Фархадская ГЭС и каскад гидросооружений на реке Чирчик. 14. Усть-Каменогорская ГЭС.

Едва начинают погасать последние лучи заходящего солнца, как в лесу раздается глухое, но далеко слышимое уханье. Это выходит на охоту «король ночи» — филин. Днем он сидит неподвижно, предаваясь дремоте, и его трудно заметить, так как окраска птицы почти сливается с темными скалами и корой деревьев.

Ночью этот сильный и ловкий хищник нападает на уток и гусей, ежей, лисят, белок, на сокола, коршуна и даже иногда на взрослых козубов. Особенно ревностно он истребляет мышей и крыс — в «мышинные годы» это 90 процентов его пищи.

Филинов насчитывается около 20 видов. Они принадлежат к семейству сов. Область их распространения очень широка: почти вся Европа, Азия, Африка и обе Америки. Встречаются филины в лесах, степях, пустынях и равнинах. Живут они и в горах, на Тянь-Шане, например, на высоте до 3 тысяч метров, а в Тибете даже на высоте 4700 метров.

На обложке этого номера молодой филин, сфотографированный в Приокско-террасном заповеднике студентами МГУ Н. и Е. Ляпуновыми. Снимок получил вторую премию на конкурсе имени С. И. Огнева (на лучшие фото из мира природы), проводимом ежегодно научным студенческим обществом биолого-почвенного факультета МГУ.

СОДЕРЖАНИЕ

№ 3. Март 1955 г.

Е. РЯБЧИКОВ — Щедрый край	2
И. ВИННИЧЕНКО — Венгерская новь	8
К. ПАУСТОВСКИЙ — Ветер скорости	12
А. ЧЕКУОЛИС — В Атлантику. Рисунки В. Житенева	18
М. ВИКТОРОВ — Дар реки Инд	24
И. ГОРЧИЛИН, С. КИСЕЛЕВ — Пальмира — невеста пустыни	30
В. КИСЛОВ — На Восточном Памире	33
А. ГРАВИНА — Я расскажу тебе об Уругвае. Рисунки А. Тарана	35
Ю. ДЕМИДОВИЧ — Мастера чешского стекла	39
И. ДАРЬЕВСКИЙ — Черепахи	43
К. АНДРЕЕВ — Всемирный путешественник. Рисунки П. Павлинова	47
В. ПУХАЛЬСКИЙ — Остров корморанов	52
Б. ГАРГИ — Юбилейный билет. Рисунки С. Прусова	56

СРЕДИ КНИГ

В. БРАГИН — Как читать отдельные страницы природы	61
А. НАРКЕВИЧ — Словарь географических названий	62

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

К истокам Ориноко. — С киноаппаратом под водой	60
--	----

СТРАНЫ И НАРОДЫ

Кашкайцы	29
--------------------	----

НА СУШЕ И НА МОРЕ

Фоггары Тауата. — Съедобные гнезда. — «Медовая» пальма	42
--	----

Главный редактор В. С. Сапарин

Члены редакционной коллегии: В. И. Аннуратов, Н. Н. Баранский, Е. Н. Васильева, В. Т. Зайчинов, В. Л. Нудряцев, А. В. Нинонов (заместитель главного редактора), анадемин В. А. Обручев, Л. Д. Платов, А. И. Соловьев, В. С. Чернецов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“

Адрес редакции: Москва, А-55. Сушевская, 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 25.

Рукописи не возвращаются

Технический редактор Н. Михайловская

А00339 Подп. к печати 28/II 1955 г. Бумага 60×92¹/₈ = 4,25 бум. л. = 8,5 печ. л. 10,2 уч.-изд. л. Тираж 130 000. Цена 6 руб. Заказ 271

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-55, Сушевская, 21.

ПУТЬ К ОКЕАНУ

Холодным майским утром 1849 года транспорт «Байкал» подходил к Петропавловску-на-Камчатке. Позади был длительный переход из Кронштадта через два океана.

С тревогой и надеждой смотрел на приближающийся берег тридцатипятилетний капитан «Байкала» Геннадий Иванович Невельской. Но горькое разочарование ждало его — известий из Петербурга не было.

Две долгие недели простоял «Байкал» у причалов Петропавловска. Уходили драгоценные дни короткой навигации в Охотском море, а Петербург все молчал.

Наконец капитан решился. Он собрал офицеров и кратко изложил суть дела. «Господа, — закончил он свою речь, — на нашу долю выпала важная миссия, и я надеюсь, что каждый из нас честно и благородно исполнит при этом долг свой перед отечеством... Все, что я объявляю, должно оставаться между нами...»

К какой же таинственной цели собирался вести свой корабль отважный капитан?

* * *

Занимавшая ученых тайна далекой окраины Азиатского материка — загадка устья Амура — с юных лет привлекала Невельского. Многие авторитетные мореплаватели утверждали, что устье Амура непроходимо, как недоступен для плавания морских судов и Татарский «залив»: в то время считали, что Сахалин является полуостровом и соединен с материком перешейком южнее устья Амура.

Но молодой Невельской не согласился с, казалось бы, утвердившейся истиной. Добраться до устья Амура, во что бы то ни стало разгадать тайну великой реки — такую цель поставил перед собой Невельской.

Он пренебрег блестящей карьерой, которая открывалась перед ним в Петербурге, и отправился на грузовом судне на Камчатку. Невельской рассчитывал, что, сокра-

тив против контракта сроки перехода, он сможет оставшееся время использовать на плавание в южной части Охотского моря. Рапорт об этом он подал на «высочайшее имя» еще в Петербурге.

...Утром 30 мая корабль вышел из Авачинской бухты, а 27 июня, миновав места, до которых когда-то доходил Крузенштерн, вошел в Амурский лиман и бросил якорь. Начиналось неизвестное...

Отсюда Невельской со своими спутниками, горячо одобрявшими задуманное им предприятие, отправился на шлюпках. Дойдя до устья Амура, путешественники поднялись вверх по реке до мыса Куегда; перейдя к другому берегу, спустились вниз до лимана, и, следуя на юг, добрались до самой узкой его части. Дальше шел пролив, отделяющий Сахалин от материка.

Великое открытие было совершено! Рассеялись вековые сомнения: Сахалин оказался островом, а Амур имел судходное устье.

В Петербурге открытию Невельского не поверили, а его поступок, совершенный без «высочайшего на то разрешения», сочли дерзким и дальнейшие исследования в Амурском лимане запретили.

Прошел год. И снова Невельской на берегу Охотского моря. И снова, нарушив запрещение царя,

он исследует устье Амура. 1 августа 1850 года он поднял на Амуре русский флаг. Так было положено основание городу Николаевску.

Когда сообщение об этом пришло в Петербург, установленный Невельским пост было приказано ликвидировать, а самого исследователя «за действия в высшей мере дерзкие, вредные и противные высочайшей воле» разжаловать в матросы с лишением всех прав состояния. И только вмешательство некоторых дальновидных деятелей спасло от наказания человека, открывшего для родины богатейшие земли Приамурья и водный путь к Тихому океану.

Т. КАРАСЕВА

Цена 6 руб.

**ВКЛАДЫ В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ СПОСОБСТВУЮТ
ДАЛЬНЕЙШЕМУ РАЗВИТИЮ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР**

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ

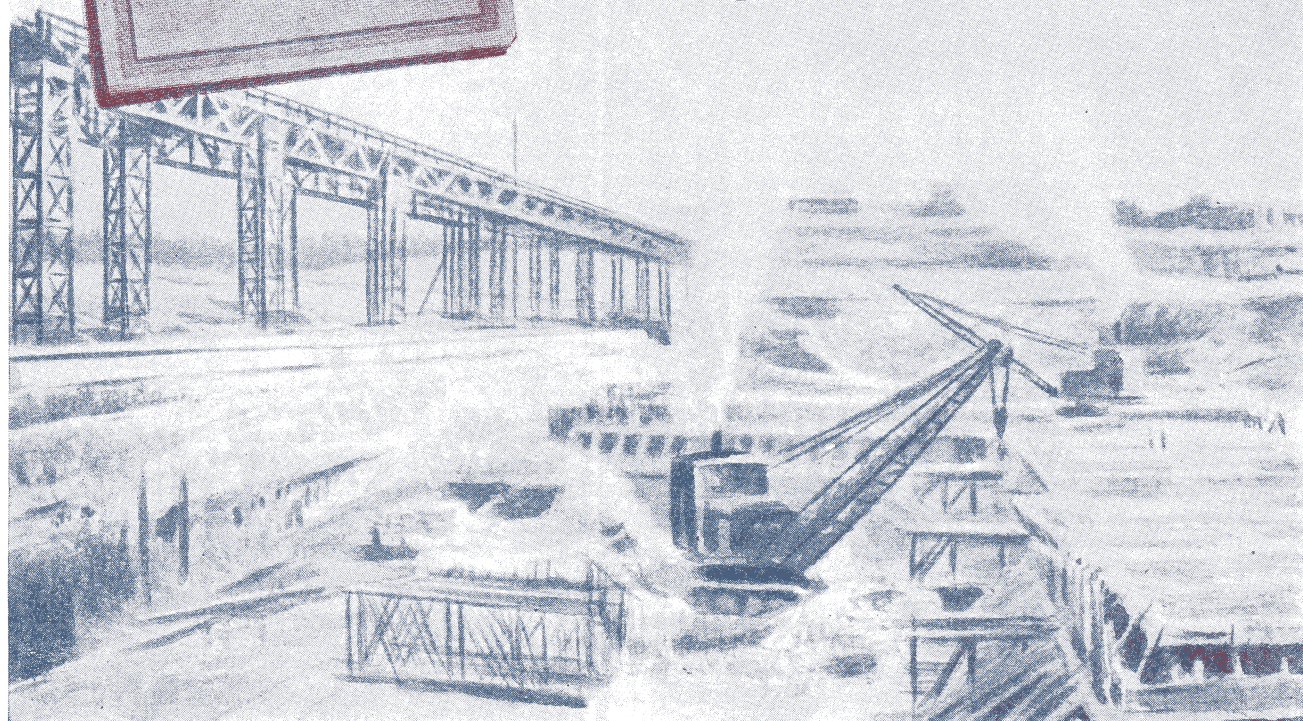

ПРИНИМАЮТ вклады и выдают их по первому требованию вкладчиков;

ПЕРЕВОДЯТ вклады из одной сберегательной кассы в другую;

ОПЛАЧИВАЮТ выигрыши по облигациям государственных займов;

ВЫДАЮТ и оплачивают аккредитивы.

ВНОСИТЕ ВКЛАДЫ В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ!

Управление гострудсберкасс и госкредита РСФСР